

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2019

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

Г.А. Гребенщикова — Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.С. Буянова, К.О. Валегина — Теодор Янкович де Мириево..... 27

СООБЩЕНИЯ

А.В. Латышев — Работа фильтрационных лагерей НКВД в 1942 г.: влияние экономических факторов и ведомственных интересов..... 36

Д.А. Бажанов — Становление общих собраний как органа самоуправления моряков Балтийского флота в июне 1917 г. 49

А.А. Иванов, А.Э. Котов — Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX — начало XX в.)..... 60

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

А.Б. Мокеев, С.И. Подольский — Развитие газораспределительного комплекса в Ленинграде в первые послевоенные десятилетия 76

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- И.С. Бакланова** — Белые власти Юга России и аграрный вопрос (по литературе русского зарубежья) 83

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Г.Д. Наджафли** — Предпосылки создания государства для армян на землях Азербайджана..... 94

ПУБЛИЦИСТИКА

- А.А. Слезин, К.А. Якимов** — Развенчание вождей в конце 1930-х годов: реакция советской молодежи..... 102

- А.В. Берлов** — Основы развития сельского хозяйства в Советской России в трудах ученых-экономистов русской эмиграции 1920—1930-х гг. 107

НАРОДЫ РОССИИ

- Л.Н. Лобченко** — Вклад спецпереселенцев в развитие кооперативно-кустарного производства в 1930—1940 гг. 114

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

- Д.Н. Шкаревский** — Революционные военные железнодорожные трибуналы в начале 1920-х гг..... 119

- З.Ф. Хасанова** — Китайские рабочие в годы первой мировой войны на Южном Урале..... 133

- А.Б. Храмцов** — Развитие системы местного налогообложения в дореволюционной Сибири 140

- Ш.А. Магарамов** — Борьба мировых держав за господство над западными «воротами» Каспия 151

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Р.А. Арсланов, Е.В. Линькова** — Русский либерал К.Д. Кавелин в современной отечественной историографии 158

- Б.В. Соколов** — К. Аймермахер. Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом. 171

Хроника Великой Победы (1941—1945)

Приказ по дивизии: «Наш пароль — наступление» (22 июня 1941 г.)

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики — штабной приказ по 11-й танковой дивизии германской армии от 22 июня 1941 года. Он был призван поднять боевой дух солдат вермахта перед нападением на СССР. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, вермахт, Министерство обороны Российской Федерации

Abstract. “Voprosy Istorii” history journal presents the order by Staff of the 11th Panzer Division of the German Army dated June 22, 1941. It was designed to raise the fighting spirit of the Wehrmacht soldiers before the attack on the USSR. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Keywords: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Wehrmacht, Ministry of Defense of Russian Federation

В Центральном архиве Минобороны России хранятся документы, позволяющие оценить характер пропагандистской обработки солдат вермахта перед нападением на СССР. Одним из таких документов является штабной приказ по 11-й танковой дивизии германской армии от 22 июня 1941 года. С момента нападения на Советский Союз данная дивизия в составе 48-го моторизованного корпуса 1-й танковой группы групп армий «Юг» принимала активное участие в боевых действиях в рамках плана «Барбаросса». Пост командующего дивизии с 1 августа 1940 г. по 15 августа 1941 г. занимал генерал-майор Людвиг Крювель, принимавший участие еще в первой мировой войне и награжденный Железными крестами обеих степеней. Вместе с дивизией в апреле 1941 г. он участвовал в захвате Югославии и был награжден Рыцарским крестом.

В документе говорилось:

«ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

Солдаты танковой дивизии.

Фюрер призывает к борьбе против большевизма, давнишнего врага нашего национал-социалистского государства. Борьба будет на некото-

рых местах тяжелой, лишения и тяготы будут везде велики. Чудо-дивизия обрушится как в Сербии на врага, где она его встретив атакует и уничтожит.

Я знаю, что я могу, как это было на юго-востоке, безусловно положиться на каждого из вас, начиная от старшего офицера, кончая молодым солдатом.

Наш пароль — наступление, наша цель — Днепр. Мы хотим достигнуть Днепра также первыми, как это было перед Белградом».

Центральный архив Министерства обороны,
ф. 228, оп. 709, д. 70

* * *

**Chronicle of the Great Victory (1941—1945)
The order for the division: “Our password — the offensive”
(June 22, 1941)**

“Voprosy Istorii” history journal is continuing to publish documents under the title “Chronicle of the Great Victory (1941—1945)”. The purpose of the project is to acquaint a wide Russian and foreign audience with the true history of the World War II and countering the falsifications of the great feat of our people and the role of the USSR in freeing the world from Nazism.

Central Archive of the Ministry of Defense of Russian Federation stores documents that demonstrate the nature of propaganda processing of Wehrmacht soldiers before the attack on the USSR. Among these documents there is the order by Staff of the 11th Panzer Division of the German Army dated June 22, 1941. Since the attack on the Soviet Union this division as part of the 48th motorized corps of the 1st Panzer group of Army group “South” took an active part in the hostilities in the framework of the Hitlerian plan “Barbarossa”. Major-General Ludwig Ludwig Crüwell was commander of that Division from August 1, 1940 to August 15, 1941. Earlier he took part in World War I; he was awarded by Iron Cross 2nd Class and by Iron Cross 1st Class. Ludwig Crüwell also took part in the attack on Yugoslavia in April 1941 and was awarded by Knight’s Cross.

The document said:

“THE ORDER FOR THE DIVISION

The soldiers of the armored division!

Fuhrer calls for a fight against Bolshevism, a long-standing enemy of our Nazi socialist state. The struggle will be difficult in some places, hardships and hardships will be great everywhere. Miracle division will fall as in Serbia on the enemy, where it met him attacking and destroying.

I know that I can, as it was in the South-East, absolutely rely on each of you, from a senior officer to a young soldier.

Our password — the offensive, our goal — the Dnieper River. We want to reach the Dnieper River as first as it was before Belgrade”.

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 228, op. 709, d. 70

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов

Г. А. Гребенщикова

Аннотация. Статья, основанная преимущественно на архивных документах, посвящена напряженной работе российской дипломатии и коллегии Иностранных дел в ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Материал представлен в форме сопоставления изложения важнейших событий того времени несколькими сторонами: противниками (российскими и турецкими представителями) и третьей, невоюющей стороной, каковой выступала Англия. Это донесения в Петербург из Вены и Константинополя, а также особые документы, сгруппированные в отдельное делопроизводство под названием «Секретнейшие дела (Перлюстрации)». Корреспонденция такого рода позволяла Кабинету Екатерины II узнавать обстановку в турецкой столице и реакцию Османского руководства на положение дел на театрах военных действий, а также обдумывать свои дальнейшие планы и по необходимости вносить в них коррективы.

Ключевые слова: дипломатия Екатерины II, Османская империя и Россия, театр военных действий, события в Константинополе, позиция Англии, донесения из Вены, средиземноморская политика, флот.

Abstract. The article based on archives documents is dedicated to Russian's diplomacy hard work during the Russian-Turkish War of 1768—1774. The documents relating to that important events are presentation as compared with antagonist Powers — Russia and Turkey, as well as the third, neutral State which was England. There were the reports from Vienna and Constantinople to Saint-Petersburg which had been sent by Russian diplomat and his assistant, and special documents keeping in separated files named "Secret files". The Government of Empress Catherine the Second, thank to that important correspondence, could knew about situations in European States, in Constantinople and in the theatres of military operations.

Key words: Catherine the Second diplomacy, Osman Empire and Russia, the theatre of military operations, events in Constantinople, the position of England, the reports from Vienna, Mediterranean policy, Fleet.

Гребенщикова Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. E-mail: inversiya@bk.ru

Grebenshchikova Galina A. — doctor of historical sciences, professor, head of Laboratory at the Saint-Petersburg's State Marine University. E-mail: inversiya@bk.ru

Как известно, 28 июня 1762 г. в столице Российской империи произошло важное событие — вступление на престол императрицы Екатерины II. В России начинался новый этап исторического развития, насыщенный преобразованиями во всех областях государственной жизни, включая внешнюю и морскую политику. Прежде всего, новое царствование ознаменовалось сменой приоритетов во внешней политике: в отличие от своего свергнутого супруга Петра III, позиция Екатерины II свелась к скорейшему прекращению боевых действий, учитывая, что Пётр Фёдорович при получении короны после смерти Елизаветы Петровны поспешил заключить мирный договор с Пруссией и намеревался воевать уже на стороне короля Фридриха II против недавних союзников России по антипрусской коалиции в ходе Семилетней войны. Екатерина II твердо решила покончить с тяжелой затяжной войной, расценивая ее как борьбу за чуждые России интересы европейских держав, особенно Австрии, и считала первоочередной задачей заняться внутренними государственными делами, реорганизацией армии, укреплением экономики и подъемом флота, чтобы вывести Россию на уровень ведущей морской державы.

Исторически так сложилось, что в Петербурге всегда расценивали Турцию как государство, перманентно опасное и непримиримое, но в первый год царствования, в 1762 г., Екатерина II не помышляла о силовых методах решения проблем с Турцией и намеревалась пребывать с ней «в мире, тишине и добром согласии»¹. В июле того же года императрица направила российскому резиденту в Константинополе Алексею Михайловичу Обрескову два именных рескрипта относительно его действий в турецкой столице. Первый рескрипт содержал инструкцию по выходу из войны и доведению этой позиции до турецкого руководства: «Повелеваем вам при всяком случае изъяснять, что по человеколюбию ничего Мы столько не желаем, как видеть и поспешествовать скорейшему прекращению военного пламени, от которого народы столько уже пострадали»². Во втором императрица предписывала А.М. Обрескову подтвердить Оттоманской Порте миролюбивую позицию России: «Мы непремное и твердое намерение имеем ненарушимо сохранять с нею соседственное доброе согласие и пограничное спокойствие». Затем Обресков от имени российского императорского Двора подал турецкому руководству (Дивану) «Меморию» (Memoria) с заявлением: «Ея Императорское Величество твердо намерена пребывающей между Империями вечно мирный трактат свято наблюдать и соседнюю искреннюю дружбу наиболее утвердить»³. Наконец, Обресков передал султану Мустафе III грамоту Екатерины II от 25 июля 1762 г.: «Понеже Мы склонное желание имеем пребывающую между Нашею Империею и Блистательною Портою добрую дружбу постоянно и ненарушимо содержать, то ради Мы повелели Нашему при Дворе Вашего Султанова Величества обретающемуся действительному статскому советнику и резиденту Алексею Обрескову верные обнадеживания повторять, что Мы склонны настоящие между обеими империями трактаты вечного мира и доброе соседственное согласие не токмо ненарушимо содержать, но и все то чинить».

На том, начальном этапе царствования, Екатерина II действительно не планировала воевать ни с Западом, ни с Востоком, и отосланные за ее подписями рескрипты и инструкции Обрескову соответствовали ее

искренним намерениям выстраивать отношения с турецким султаном на основе добрососедства, дружбы и уважения территориальных границ, развивать экономические связи и торговлю по Чёрному, а потом и по Средиземному морям. Но эти планы не осуществились. Бывшие союзники России по коалиции в Семилетней кампании Франция и Австрия не простили русской государыне выхода из войны, когда они, преследуя собственные выгоды, рассчитывали с помощью русского оружия окончательно разбить прусского короля Фридриха II. После неудачных попыток вынудить Екатерину II продолжить против него боевые действия, французская и австрийская дипломатии перенесли центр тяжести борьбы с Россией в турецкую столицу, где нашли благодатную почву для посева антирусских настроений. Умело интригуя и направляя Порту на путь конфронтации с Петербургом, Вена и Париж целенаправленно подталкивали султана Мустафу III к войне, обещая ему финансовую и дипломатическую поддержку. Такая политика держав в условиях развернувшейся борьбы за польский престол не представлялась дипломатам слишком сложной — достаточно было внушить Мустафе III и его министрам мысль о том, что ставленник Петербурга польский король Станислав-Август Понятовский и Екатерина II объединят усилия для расправы с Турцией и захватят ее европейские владения.

К осени 1764 г. стратегия вероятного противника России стала совершенно очевидной. Турция приступила к подготовке будущего театра военных действий и начала приготовления: стягивала войска к Дунайским крепостям, оснащала их порохом и боезапасами. В августе Обресков получил рескрипт императрицы с указанием: на встрече с Рейс Эфенди (министром иностранных дел Турции) прямо задать ему вопрос: намерена ли его держава «в угодность посторонним видам» начать «бедственную войну»? Также в инструкциях Обрескову предписывалось «ни трудов, ни денег в случае нужды» не жалеть, «дабы Порту воздержать от войны и отвратить тем пролитие крови человеческой», контролировать ситуацию и узнавать о замыслах турок⁴. Но обстановка в Константинополе не обнадеживала: кроме корреспонденции Обрескова, в Зимний дворец поступали донесения и других российских дипломатов с неутешительными известиями. Так, резидент в Лондоне Генрих Гросс, располагая копиями депеш, полученных британским руководством от своего посла в Турции, в очередной зашифрованной реляции доложил: «Злостные французского и венского Дворов внушения такое действие произвели, что султан уже явно угрожает России войною»⁵. Дошло до того, что турецкие министры пригласили на заседание Дивана австрийского посла (интернунция) и без предисловий спросили его: «Имеет ли его Двор еще некоторые обязательства с Россиею?». Посол ответил, что все прежние трактаты «уничтожены и не возобновлены»⁶. Убедившись, что русско-австрийский союз не пролонгирован и, следовательно, со стороны Австрии опасность Турции больше не угрожает, турецкое руководство приняло решение вплотную приступить к подготовке к войне. Султан выслал фирман своему вассально подчиненному крымскому хану — находиться «в готовности к походу», формировать конницу и войсковые отряды, а пашам крепостей Хотин и Бендеры приказал «строить мосты на Дунае и магазины»⁷.

В октябре 1764 г. Генрих Гросс вновь отправил в Петербург тревожные сведения, полученные из британских правительственных источников: в Константинополе «приготовления чинятся ради начатия войны с Вашим Императорским Величеством. Султан денег на войну не пощадит»⁸. Екатерина II, однако, тоже не бездействовала и «денег не щадила» ни на подкупы, ни на подарки. В очередной инструкции она рекомендовала Обрескову: «Рейс Эфенди мужик преумной, надобно стараться его к нам приласкать». На «приласкание» турецкого министра Обресков и советник посольства П. А. Левашов потратили огромные деньги — около 30 тыс. рублей⁹.

Великая императрица не желала новой войны и всеми способами — дипломатическими и финансовыми — стремилась ее предотвратить. Последний способ в те времена являлся нормой. К подношению турецким султанам, визирям, чиновникам Порты ценных подарков — дорогих мехов, золотых и серебряных сервизов, украшений с драгоценными камнями и денежных сумм — российские монархи, дипломаты, государственные и военные деятели прибегали всякий раз, когда было необходимо наладить с Турцией дружественные отношения или ускорить подписание того или иного документа. Так происходило и на протяжении 1764—1767 гг.: для предотвращения губительной войны кабинет Екатерины II щедро финансировал Константинополь и столицу крымских ханов Бахчисарай, а также избегал провокаций, но никакие подарки и деньги не смогли перевесить чашу турецких весов в пользу дружественных отношений и решения спорных вопросов мирным путем. В Османской империи уже не помышляли о мире, и становилось совершенно очевидно, что никакие подарки, «увещевания» и «приласкания» больше не помогут. В Зимнем дворце регулярно получали обстоятельные зашифрованные реляции Обрескова, в которых он докладывал о целенаправленных действиях Вены и Версаля против России, об агрессивных настроениях среди турецкого духовенства (улемов) и сановников, об идеологической и военной подготовке янычар — боевого ядра турецкой армии. Великий визирь сделал заявление австрийскому и французскому послам: его величество султан, «уважая жалобы, приносимые на Польшу», уже явно «увидел опасность, исходившую от России и Польши». Теперь султан «желает соединить свои меры и поступки с помянутыми державами», обещает не признавать польского короля и привести армию в состояние повышенной боеготовности¹⁰.

С января 1768 г. донесения российского дипломата все более волновали императрицу: турки открыто готовились к войне. В городе неспокойно, сообщал он, среди обывателей царит нездоровое оживление, население ожидает манифеста с объявлением войны, бойко идет торговля огнестрельным оружием, которое у иностранных купцов стало самым ходовым товаром. «Французы с их шайкою» будоражили и дезинформировали народ, зажиточные греки и другие подданные султана искали способы «перевести знатные капиталы в Голландию, дабы в случае действительной войны оттуда получать пушной товар», незаменимый при холодах¹¹. На очередной встрече с Рейс Эфенди Обресков поднял вопрос о цели пребывания в Крыму французского барона Ф. де Тотта — личности весьма колоритной, который «все свои силы устремляет снискать способ

две державы не токмо в остуду, но и в самую войну ввести»¹². Барон де Тотт, проживая в Константинополе, усердно помогал его величеству султану поднимать флот, обучал турецких солдат и артиллеристов военному делу и стрельбе, руководил возведением фортификационных сооружений в Дарданеллах, а в преддверие войны выехал в Крым. Обресков высказал Рейс Эфенди озабоченность этим фактом, на что тот философски отвечал: «Если Высочайшие Дворы взаимно дружжелюбные склонности имеют, то на всякие посторонние происки с презрением смотреть должны»¹³.

После того, как в польском городе Баре сформировалась враждебная России конфедерация из представителей католического вероисповедания и шляхты, первоприсутствующий в коллегии Иностранных дел Никита Иванович Панин уведомил Обрескова: «Я получил известие, что сконфедеровавшиеся в Баре выдали манифест, которым возмущают против нас наши войска и пограничные с ним наши провинции». Назвав их «наглой шайкой, фанатиками и развращенными людьми», Н.И. Панин инструктировал Обрескова: «Отвратить Порту от барских бунтовщиков, и чтобы польские беспокойства» не мешали двум империям мирно сосуществовать¹⁴.

Когда русский казачий отряд, преследуя конфедератов, случайно пересек в Подолии турецкую границу, в Константинополе восприняли это как *casus belli* — повод к войне. Екатерина II старалась урегулировать конфликт мирно: строго приказала расследовать причины случившегося и найти виновных. Их всех арестовали и «для принесения удовлетворения Высокой Порте» наказали в присутствии многочисленных свидетелей. После официального принесения Россией глубоких извинений Турции за неумышленное нарушение государственной границы, великий визирь посоветовал султану считать инцидент исчерпанным, но Мустафа III, «отравленный уже французским ядом раздора и смуты», не внял разумным словам визиря, сменил его фигурой более послушной и готовился объявить России войну.

17 (28) сентября 1768 г. российский представитель в Вене князь Дмитрий Михайлович Голицын в реляции императрице докладывал: «По полученным из Варшавы письмам объявляется в здешней публике, что в Литовском Княжестве сделались четыре мятежные Конфедерации. А с турецкой стороны сими днями дошла сюда ведомость, будто верховный визирь свержен, и на его место определен Анатолийский Паша». В следующей реляции от 24 сентября (5 октября) Д.М. Голицын передал Екатерине II зашифрованные копии писем посла в Варшаве князя Н.В. Репнина (от 3 сентября ст. ст.) и свой ответ ему. После перевода, сделанного в коллегии Иностранных дел, в письме Репнина ясно усмотрели два тревожных обстоятельства: активность мятежных конфедератов в Варшаве, поддерживаемых в Риме кардиналом А. Албани, и тщетность усилий российского резидента Обрескова в Константинополе по устранению там вредных намерений конфедератов¹⁵.

25 сентября (6 октября) 1768 г. Мустафа III объявил России войну. В тот же день российского дипломата Обрескова вместе с сотрудниками посольства, при соблюдении положенного церемониала, под усиленным конвоем янычар препроводили к великому визирю, о чем посланник Голицын оповестил Зимний дворец. Стоит особо отметить, что в распоря-

жении Дмитрия Михайловича находился надежный дипломатический курьер — «вахмистр Словено-Сербского Гусарского полка Павел Елинч», которого Голицын «с пользою употреблял во многих случаях по делам Ея Императорского Величества, а особливо в нужных разведываниях». Другими словами, посланник настолько доверял сербскому офицеру, что отправлял с ним в Петербург всю важную корреспонденцию, включая шифрованные депеши в коллегия Иностранных дел и реляции императрице.

После получения известий об аресте российской миссии в Константинополе, Голицын без промедления отправил Павла Елинча с экстренным сообщением в Петербург: «7го числа сего месяца по новому штилю резидент Обресков призван был к новому верховному визирю на аудиенцию, на которую против обыкновенного допущено было великое множество смотрителей. На сей аудиенции, во время которой и Диван там же держан был, весьма строгим и свирепым образом требовал визирь от Обрескова, дабы он Высочайшим Вашего Императорского Величества именем дал ему письменную Декларацию, обещающую самое скорейшее выступление из Польши всех войск Вашего Величества, говоря при том, что в противном случае объявлена будет от Порты война против России. Когда Обресков не хотел на сие требование согласиться, то визирь, употребля непристойные и собственно Обрескову огорчительные слова, приказал взять его и с ним семь человек из его свиты под арест, и всех посадить в Едикюле»¹⁶.

Донесение Голицына дополнил военный историк XIX столетия А. Н. Петров: визирь, развалившись на софе и даже не встав при приветственной речи русского дипломата, вскоре перебил его: «Я призвал вас для того, чтобы покончить дело, которое тянется уже слишком долго», после чего перешел на крик: «Когда ваши войска очистят Польшу?» «Когда закончатся смятения», — спокойно отвечал Обресков. «Тогда великий султан объявляет вам войну», — вызывающе произнес визирь. «Россия не желает войны, но всеми силами будет вести ту, которую ей объявили», — с достоинством произнес Обресков¹⁷. Этими словами завершилась предвоенная встреча главы российской миссии с великим визирем, и прямо из приемной визиря всех сотрудников посольства янычарский конвой препроводил в главную государственную тюрьму Константинополя — Семибашенный замок Едикюле. Впоследствии Обресков за собственноручной подписью представил список чиновников российской миссии, арестованных вместе с ним и препровожденных в Едикюле: советник посольства Александр Пиний, секретарь посольства Степан Мельников, переводчики Вилим Дандрий, Иосиф Крут и Денис Мельников. Ученики: Николай и Пётр Яблонские, Сергей Лашкарев, Илья Иванов, Дмитрий Миронов, Антоний Мариний¹⁸.

Голицын продолжал информировать руководство: «Новый визирь писал к Республике Польской именем Султана, увещевая оную и требуя от всей Польской Нации, дабы она соединя силы свои с Турецкими, старалась освободиться» от российских войск, «и дабы отстала она от нынешнего короля, а избрала бы нового, в чем Султан обещает помогать ей всеми силами». Эти слова Мустафа III подкрепил обещанием продолжать «великие военные приготовления со всяким прилежанием» и собрать армию «до нескольких сот тысяч человек». Узнал Голицын и о том, что

«известный польский епископ Каменецкий побывал в Версале и, заручившись поддержкой Франции, выехал через австрийские земли обратно в Польшу. В Вене епископ пребывал «скрытым образом под видом светского человека» и встречался с французским послом. Теперь, писал Голицын, «Версальский Двор, как я сведал, переводит к польским конфедератам сорок тысяч червонных»¹⁹.

После ареста сотрудников российской миссии прямое сообщение Петербурга с Константинополем прекратилось, поэтому активный канал связи стал действовать через российское посольство в Вене и австрийское в Константинополе. Представитель Екатерины II в Австрии князь Голицын поступал двояким образом: с одной стороны, налаживал контакты с теми людьми, которые передавали ему копии донесений австрийского посла из турецкой столицы, а с другой — получал достоверную информацию от своего надежного константинопольского осведомителя. Существовал и третий канал поступления новостей из Турции: о них в Зимнем дворце узнавали из перлюстрированной почты иностранных дипломатов, аккредитованных в Петербурге. В XVIII в. к такому способу получения сведений прибегали все державы, и Россия не являлась исключением: корреспонденцию того или иного посла перехватывали, вскрывали, снимали копию и запечатывали обратно. Подобная процедура не всегда обрачивалась успехом, и часто при переводе письма, если оно оказывалось шифрованным, не удавалось подобрать ключ к цифровому коду. Особенно много таких неудач коллегия Иностранных дел претерпела при попытках расшифровать код английских дипломатов, но те тексты, которые все-таки удалось перевести, представляли большую ценность.

Когда Мустафа III объявил России войну, о том, как развивались события после начала кампании, стало возможным узнавать из всех трех упомянутых источников. Многие документы до настоящего времени оставались неопубликованными и даже не исследованными специалистами, поэтому представляется важным взглянуть на боевые действия и в целом на обстановку в турецкой столице в ходе войны 1768—1774 гг. глазами иностранных дипломатов и личного осведомителя князя Голицына, чье имя и статус (судя по всему, достаточно высокий) по понятным причинам посланник не раскрыл.

Шифрованной реляцией от 21 октября (1 ноября) 1768 г. Дмитрий Михайлович уведомил императрицу: 8 октября состоялось заседание Дивана (турецкого правительства), на котором развернули величайшую святыню мусульман — священное знамя Пророка Санджаки-шериф, после чего торжественно назначили переводчиком высокопоставленного грека Николаки, надев на него кафтан; это означало, что с того момента Николаки официально вступил в должность при Оттоманской Порте. Затем по приказу султана турки направили гонцов в разные провинции Османской империи и в Крым к хану с приказом собрать до 150 тыс. чел. и «содержать войска во всякой готовности», чтобы к 10 (22) марта следующего года собраться в Адрианополе — сборном месте всех войск для выступления в поход. Со всех областей и провинций Османской империи к Константинополю стекались войска, и очевидцев событий поражали дикий энтузиазм турок, их неумная гордость и недооценка русских сил и возможностей. Турецкие солдаты кричали: «Бедная Россия! Теперь

ты совсем погибла, тебе никто не поможет и не спасет от острия наших сабель». Многие янычары перед тем, как пройти мимо дворца султана, в диком фанатизме наносили себе раны и, истекая кровью, демонстрировали своему правителю презрение к физической боли и готовность до последней капли сражаться против русских. Очевидец вспоминал, что объявление войны «почти весь турецкий народ принял с чрезвычайною радостью и удовольствием, лаская себя надеждою, что Россия будет покорена их власти — по примеру тех держав, на развалинах которых они основали свое величие. Буйная чернь в исступлении от безмерной радости производила грабежи и насилия не только против христиан, но и многих магометан»²⁰.

В то непростое время Голицын в депеше Панину рассказал о помощи, оказанной английским послом в Константинополе Джоном Мюрреем семье арестованного Обрескова. Посол укрыл в своем особняке его жену и пятерых малолетних детей, чем спас их от возможных «турецких суровостей, а также прилагал у Порты старание в освобождении господина Обрескова и об отпуске его в какой-нибудь итальянский город, но еще не имел в том удачи»²¹. Действительно, Джон Мюррей всеми силами помогал не только семье российского дипломата, посаженного в Семибашенный замок Едикюле, но и российским военнопленным. Причем делал это без всякой выгоды, тратил собственные средства на поддержку россиян, оказавшихся в турецких тюрьмах, на их достойное там содержание, хлопотал перед Портой за освобождение Обрескова, опекал его семью. Солидарность с Мюрреем демонстрировал и его соотечественник — посол в Вене лорд Дэвид Стормонт, твердо заявляя «о неучастии его Двора в оскорбительных поступках Оттоманской Порты» в отношении России²².

В январе 1769 г. Мюррей в приватном письме своему коллеге в Петербурге Чарльзу Каскарту высказал такие мысли: ему искренне жаль российского дипломата, страдания которого он разделяет, поэтому «подал Порте два Мемориала об освобождении господина Обрескова и его свиты». Не остановившись на этом, Мюррей добивался аудиенции у султана, чтобы предложить посредничество Англии в примирении Турции с Россией. «Я объявил Порте, что если она желает принять меры к примирению, то королевское предложение подаст ей удобный случай к извинению себя перед народом, — пояснял Мюррей. — Но опасаясь, что Порта не посмеет вступить в негоциацию, дабы не попасть от того на жертву. Венский Двор повелел своему министру подать Мемориал в пользу господина Обрескова, что, как сказано мне, он и учинил. Императорский министр уверяет меня, что его Двор крайне прискорбен о разрыве, которого же стороны он держался прежде арестования одного резидента по наущению господина Верженнеса. Уповаю склонить султана к позволению резиденту нанять себе корабль в Италию, чего он и сам крайне желает». Другими словами, австрийский дипломат крайне сожалел о начале войны россиян с турками, хотя до этого Австрия содействовала Франции в разрыве отношений между Россией и Турцией «по наущению господина Верженнеса», то есть, французского посла в Константинополе Ш. Г. Вержена. В конце письма Мюррей добавил, что Порта сделала благородный жест, вернув Обрескову его вексель на сумму сорок две тысячи рублей. Обресков на-

шел способ передать вексель курьеру, чтобы тот отвез его в Петербург, но вексель так и не попал по назначению и пропал по дороге²³.

В следующем письме, адресуясь к Ч. Каскарту, Мюррей уведомлял о категорическом отказе султана принять предложенную послами медиацию (посредничество) до тех пор, «пока его великая армия не вступила в сражение с россиянами. Понеже султан публично объявил своим подданным, что закон требовал, дабы он предпринял войну, дал великую власть крымскому хану, и как вся Империя поднялась, то весьма опасно поступить ныне на примирение, — писал Мюррей. — Вчера султан пожаловал шубу капитану паше Мехмету и назначил его каймаканом, а Ибрагим Бега от галер капитан пашою. Визирь поставит шатер свой на одну милю расстояния от Константинополя через несколько дней после Байрама, что учинится около половины февраля месяца». В другой депеше английский посол сообщил о болезни Обрескова, чему способствовала еще и необычно холодная для Турции зима. Зимняя стужа помешала и великому визирю выступить вовремя в поход, и на 15 марта он назначил в своем шатре прием для иностранных дипломатов. Затем визирь планировал маршем двинуться к Адрианополю и привести армию к Дунаю не позднее 5 мая, а пока «беспреданно разъезжал повсюду для соблюдения доброго порядка. Крымский хан переправился через реку у Балты с таким намерением, чтоб учинить набег на Российскую Украину»²⁴.

Английский посол в Константинополе не только черпал информацию из первоисточников, то есть из собственных наблюдений за обстановкой в городе и встреч с турецкими министрами, но и получал сведения из Лондона от своего руководства. Так, 14 февраля 1769 г. он прочитал «секретнейшее известие о французских происках в Швеции, Польше и в Турецкой области»: «Версальский Двор не меньше проворства оказывает в Польше, побуждая главнейших конфедератов к соединению, рекомендуя отправить посла к Порте и обещая существенную помощь к подкреплению». К этому «секретнейшему известию» прилагались инструкции для Мюррея с предписаниями действовать в турецкой столице вместе с дружественным России прусским послом и склонять на свою сторону австрийского интернунция Целсинга в пользу мирного решения русско-турецкого конфликта. Также Мюррею поручалось противодействовать вредным для России и Англии замыслам нового французского посла Сен Приеста, сменившего Вержена. Кипучая энергия Сен Приеста проявлялась не только в Константинополе, но и в Стокгольме, где он с помощью профранцузской партии в шведском Сейме «выгоды Порты совершеннейшим образом в действо производил». Более того, французские происки и интриги проникли даже в спокойный и дружественный России Копенгаген²⁵.

В рассматриваемый период дипломатическими представителями Екатерины II в Дании и Швеции являлись, соответственно, М.М. Философов и И.А. Остерман, которые, помимо донесений руководству, вели еще и переписку между собой. Так, в письме от 10 января 1769 г. Философов сообщил Остерману о возвращении датского короля Христиана VII из поездки по Франции, в ходе которой французские правящие верхи пытались настроить молодого короля против России. «Франция не упустила всех возможных обыкновенных в ее политике коварств ко отвращению от

нас сего молодого государя и уловлению в свои сети», — сетовал Философов, но утешало то, что Христиан VII не поддался на происки французов. Копенгаген «учтивым образом» отклонил предложения Версаля, но поскольку там «упорствовали в своих хитросплетениях и коварствах», то Христиан VII твердо заявил о соблюдении «обязательств дружбы и союза с Россией» и пресек подобную дипломатию²⁶.

Тем временем, согласно плану кампании, главная турецкая армия под началом великого визиря выдвинулась к Днестру в район Хотина — сильной турецкой крепости, гарнизон которой насчитывал до 20 тыс. человек. Стоит отдать должное туркам: в большинстве случаев они упорно защищали свои крепости, особенно важные в стратегическом отношении, и стойко держали оборону. Такие крепости перед началом кампании по строжайшим указам султанов всегда оснащали многотысячными гарнизонами, порохом, артиллерией, запасами продовольствия на случай длительной осады. Поэтому в борьбе за крепости сталкивались сильные противники, причем численное превосходство, как правило, оказывалось на стороне турок. В тех боях русские воины проявляли чудеса героизма и отваги, и не случайно по указу Екатерины II с учреждением 26 ноября 1769 г. военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за взятие турецких крепостей командующим армиями полагалась высшая награда — орден Св. Георгия 1-го класса.

В районе Хотина, помимо гарнизона, противник России сосредоточил от 95 до 100 тыс. войск вместе с татарами и поляками (из них 10 тыс. конницы) и усилил систему обороны. Хотин казался неприступным. Этой силе противостояла 1-я русская армия под командованием генерал-аншефа князя А.М. Голицына, численностью от 75 до 80 тыс. чел., которая 15 апреля переправилась через Днестр и двинулась на Хотин. За крепость начались длительные ожесточенные бои, и о том, в каком ракурсе те события находили отражение в турецкой столице, обстоятельно и подробно информировал императрицу Дмитрий Михайлович Голицын из Вены после получения сведений от своего константинопольского осведомителя. Так, в реляциях от 2 и 16 июня 1769 г., под № 14 и 62, Голицын докладывал, что комендант Хотина Гусейн-паша направил нескольким пашам других крепостей призывы о помощи, но пока гонцы развозили эти письма, русские войска перешли Днестр, обложили Хотин, соорудили батареи и приступили к бомбардировкам. Далее осведомитель пояснял: во дворце султана (Серале) все действия у Хотина, происходившие после подошедшей к туркам помощи от пашей, преподносили как великую победу над россиянами. Причем первым такую новость доставил Мустафе III какой-то татарин, за что получил вознаграждение в виде пяти тысяч пиастров и земельного владения. «Гарнизон учинил вылазку, — доложил он Мустафе, — и большая часть россиян побита на месте, а все пушки взяты. Российский урон простирается до двенадцати тысяч человек, не считая пленных». Д.М. Голицын продолжал: «24-го второй курьер приехал к Порте с подтверждением первых ведомостей. Вечером был Совет во внутренности Серале. 26 числа Султан ездил в новую Мечеть для производства молений, где и было отправлено благодарственное молебствие об одержанной победе. Имам назвал Султана в молитвах Гази (Победителем), которое наименование будет помещено впредь в титуле во всех

издаваемых в наред указах и во всех пиесах, отправляемых от Порты». В честь якобы одержанной над русскими победы султан приказал палить из пушек, но, самое главное, Мустафа III получил желаемое прозвище Гази, которое объявили сначала в храме Святой Софии, а затем во всех мечетях города ²⁷.

Турки продолжали оповещать султана о положении дел на театре военных действий, и в турецкой столице царили радостные настроения: «Здесь много возгордились успехами турецкого оружия. Три тысячи волонтеров, весьма хорошо вооруженных, идущих из Азии, прошли здесь к армии. Щитают, что чрез Смирну и здешний город прошло более тридцати тысяч человек в Европу. Флот, назначенный для сбора ежегодных податей в местах по Архипелагу, вышел в море... Много надежды возлагают на конфедератов, что действительно не без справедливости, ибо они не оставят того, чтобы не обеспокоить россиян и принудить их разделить свои силы» ²⁸. Однако из перлюстрированной почты английского посла в Турции Джона Мюррея в Зимнем дворце узнали о первой волне недовольства простого народа, вызванного не только войной, но и другими причинами: «В понедельник 10го числа сего месяца был пожар в Константинополе, который двенадцать часов сильно продолжался. А как пожар приключился близ ипподрома и Святой Софии, то сгорело великое число знатных домов, несколько малых мечетей и около шести сот домов. Султан все то время присутствовал сам на пожаре, разъезжал верхом и раздавал в народе большие суммы денег. Многие архитекторы, плотники и другие мастеровые люди отправляются в Яссы для построения зимних квартир для армии. В пятницу в 11 часов пред полуднем производилась пушечная пальба с Сералии, Литейного двора и с Арсенала, и тотчас разнесся слух, что Каменец взят. Народ крайне недоволен французами и обвиняет их зачинщиками войны» ²⁹.

В ходе боев за Хотин генералу А.М. Голицыну приходилось то начинать атаки, то отступать, чтобы собраться с силами, и в это время великий визирь решил лично доложить обстановку султану и выехал в Константинополь. Мустафе III он невозмутимо рапортовал: к Хотину подступило 50 тыс. российских войск, и ими предводительствовали польский король со своим братом и двумя российскими генералами». В ходе сражения русские де поспешно отступили «и искали убежища бегством. Войска Порты Оттоманской их преследовали, польский король, его брат и два российских генерала были убиты пушечными ядрами, более двух сот неприятельских офицеров взято в полон и употреблены в невольники, остальные вдаль в бега и ретировались в лес» ³⁰.

Информатор, передавая эту новость, сразу заподозрил в словах визиря явную неправду, особенно относительно того, что польский король вместе с братом убиты, а русские пустились в бега по окрестным лесам. Тем не менее, заключил он, «сия ведомость показалась довольно важною Султану для принятия титула Гази или Героя, что уже публично объявлено народу во всех мечетях города. Отныне почетное прозвище султана Гази будут кричать со всех минаретов, и Порта приказала обнародовать публично манифест о славной победе под Хотинном». Особо отличившимся в сражении султан отправил драгоценности и подарки, «соболью шубу для того, кто будет новым Хотинским губернатором, и помышляет ехать

будущим летом в свой загородный увеселительный дом» — якобы поближе к хорошим новостям из армии. «Приходят каждый день новые войска из Азии, кои, не мешкая ни мало, в лагерь отправляются», на 150 верблюдах отправили в действующую армию множество военной амуниции и припасов³¹.

Под Хотинном турки наращивали силы, а в роли их активных помощников выступали французы. Шифрованной реляцией (в цифрах) из Вены от 27 июня (8 июля) 1769 г. Д.М. Голицын докладывал Екатерине II: «Тому несколько дней, как прибыли сюда из Страсбурга два офицера, родом французы, о которых я, сведав и приняв подозрение в рассуждении того, что они против обычая иностранных вояжиров нигде в здешней публике не являются, старался скрытным образом исследовать предмет приезда их в здешний город. Открылось мне следующее: оба подозрительных француза оказались полковниками. Один из них искал человека со знанием турецкого языка в качестве переводчика, а второй начал поиски «ко вступлению в службу польских мятежников», чтобы сформировать их в «особливый корпус под своею командою». Он приглашал из Франции знакомых ему офицеров, из которых пять человек уже прибыли в Вену и «делали себе мундиры, состоящие в зеленых кафтанах и в красных камзолах». Полковник встречался только с французским послом и никуда больше не ходил, «в других домах не показывается, а у здешних банкиров до шести тысяч гульденов получил по векселям из Страсбурга и отсюда намерен с другими офицерами ехать в пограничный венгерский город Эперьес, а оттуда пробираться к польским возмутителям». Французы действительно выехали в Польшу для вербовки наемников в пехотный и конный полки, и по прочтении этого текста Екатерина II отметила на полях: «Сообщить о сем нашим генералам и князю Волконскому, дабы их ловили при случаях»³².

В летних реляциях князь Д.М. Голицын уведомлял императрицу об обратном выдвигении великого визиря на театр военных действий, о его планах, об аресте турками господаря Молдавии: великий визирь миновал Бендеры и находится на марше к малороссийским границам, отделив от армии 25-тысячный турецко-татарский корпус «в помощь Барским мятежникам с тем, чтобы они, вступя с сим вспомогательным войском в Польшу, обще производили там неприятельские действия. Порта приняла от Молдавского Князя подозрение о доброжелательстве его к Российской Империи, и по тому взят он под арест с несколькими из подчиненных ему человеками... Молдавский Господарь, будучи подозреваем в согласии с россиянами, когда они к Хотину подступали, взят под стражу и привезен сюда. Его дома и имения секвестрированы»³³.

С наступлением осени обстановка под Хотинном начала меняться в пользу россиян. В одной из сентябрьских депеш Д.М. Голицын доложил: «Замешательство и беспорядки в лагере велики. Хлеб, вода и прочие съестные припасы столь худы, что они сильную воспричинствовали дизентерию, от которой множество народа померло». Скучная и некачественная пища, кровавый понос и другие болезни, распространявшиеся в турецкой армии, ослабили войска и привели к массовому дезертирству. В конечном итоге турки, не выдержав атак, осад, массированных обстрелов и блокады, покинули крепость, и утром 10 сентября 1769 г.

российские войска вступили в Хотин. Затем русская армия в полном параде торжественно выстроилась на левом берегу Днестра; с валов занятой крепости из турецких пушек русские артиллеристы произвели салют, на который из армии отвечали троекратным ружейным огнем. В качестве трофеев россиянам достались 13 медных мортир большого калибра, 162 медные пушки, пять чугунных, вся инженерная и материальная часть.

Из-за потери Хотина положение внутри Турции дестабилизировалось, в столице стало беспокойно, воинственный дух жителей сменился страхом и ожиданием самого худшего, а вскоре перерос в открытое недовольство султаном. Поползли слухи о заговоре в Серале, и Мустафа III усилил личную охранную гвардию до 18 тыс. чел.; вскоре брожение охватило и саму турецкую армию. Султан в гневе сменил великого визиря и приказал казнить свыше ста военных чинов.

В архивном документе под общим названием «Донесения осведомителей из Константинополя от 17 и 18 сентября 1769 года, отправленные Голицыным из Вены под № 96», изложены события, полностью совпадающие с содержанием писем английского посла в Турции Джона Мюррея своему коллеге Чарльзу Каскарту, служившему в Санкт-Петербурге. Как очевидцы происходивших событий, эти дипломаты передавали важные новости: «Судьба князя Молдавского и переводчика Порты, привезенными несколько времени тому назад из армии, решена на прошедшей неделе, и обоим головы отрублены и в народе выставлены. К их отрубленным головам привешена надпись: Они обвинены в издержке денежной суммы, назначенной для покупки съестных припасов, и в посылке к неприятелям оных. Голова сверженному верховному визирю также отрублена будет. Недовольства между народом продолжаются. Съестные припасы безмерно дороги, ячмень вчетверо дороже обыкновенной цены стал... Свергнутому верховному визирю голову отрубили в Адрианополе и выставили здесь перед воротами Серала с наставлением следующего содержания: Не действовал против неприятеля как должность от него требовала, и за потраченное съестных припасов вместо того, чтобы употреблять оные законно, что причинило великие побеги в армии, и за неприятие хороших советов хана татарского о посылке корпуса к Хотину, за исполнение вредительских советов бывшего переводчика Порты, почему и осада продолжительна была, и гарнизон много претерпел от голода. Обоим головы отрублены и 9го числа сего месяца выставлены перед серальскими воротами с таким обнародованием, что сие есть справедливое наказание за изменничество. Имение сверженного верховного визиря конфисковано, казна его захвачена и сказывают, состоит более как в четырех миллионах фунтов стерлингов, что есть необъятная сумма для такого человека, который тринадцать лет тому назад торговал в лавочке платками... Неудачи Порты начинают оказывать неудовольствие против султана. Побег войск продолжается, солдаты приходят сюда великими толпами. Нашли немалые денежные суммы в нескольких миллионах ефимках между пожитками Мехмета Паши, последнего визиря. Греческие матросы, набранные на флотилию, которая была послана прошедшей весной в Чёрное море, возвратились. Отвечают, что часть оной имела повеление от Капитана Паши, который находился при берегах Крымских, подтянуться к той стороне Азовского моря, но потоплена была бурей. Большие суда и полуга-

леры не могли стоять против сильных волнений по причине их дурной постройки. 7го числа меченосец великого султана поехал с подарками к Крымскому Хану и к Пашам, кои себя показали отличными». В турецкой столице вдобавок к перечисленным бедам появилась чума — морозная язва, как тогда называли эту страшную болезнь, уносившую сотни жизней. В поисках дополнительной, помимо Франции, поддержки Порты обратились к австрийскому послу и «послала к нему подарки, проявляя тем самым дружбу к его Двору»³⁴.

Новым верховным визирем Мустафа III назначил Молдаванджи Пашу, затем объявил по всей империи о наборе добровольцев, обещая им высокое жалование, рассчитывая в течение зимы довести численность главной армии на будущую кампанию до 250 тыс. человек. Более того, султан сам намеревался выехать в Адрианополь и принять командование над войсками, для чего распорядился перевезти туда знамя Пророка. Пока же в одной из октябрьских реляций из Вены Екатерина II прочитала о «великом унынии» в турецком руководстве. От народа скрывали известия о крупных потерях в армии и пообещали по 50 пиастров единовременной выплаты тем, кто вступит в службу, но «на сие трудно найти людей. Те, кои пришли из армии, не хотят туда более возвращаться и говорят, что помирились с россиянами, что производимый ими огонь весьма им нестерпим. Янычары просили о награждении, что служит дурным знаком: сия раздача на янычар и спагов составляет сумму более семи миллионов пиастров», в противном случае последует бунт.

Но Мустафа III не сдавался и для подкрепления своих позиций усилил контакты со шведским послом, рассчитывая втянуть Стокгольм в войну против России и тем вынудить Екатерину II открыть боевые действия еще и на северо-западе. За такую столь необходимую туркам диверсию султан пообещал Швеции выплатить крупную сумму³⁵. Сам же шведский посол в Константинополе Густав Целсинг, в свою очередь, тоже регулярно поставлял информацию шведскому посланнику в Петербурге барону Риббингу, уведомляя его: «Отступление сверженного визиря происходило единственно от упорства и трудностей солдат по причине весьма худых распоряжений и недостатка пропитания. При отступлении армии хотинский гарнизон остаться с визирем не захотел, видя себя без всякой обороны и в разсуждении наступающей зимы. Армия целых пять дней в лагере без куска хлеба была, и в таком случае и самое лучшее регулярное войско легко сбеситься могло»³⁶.

Тем временем, война продолжалась. 1-я русская армия под командованием Петра Александровича Румянцева, назначенного вместо А. М. Голицына, одержала ряд решающих побед, и перенесение театра военных действий к Дунаю и в Молдавию завершилось взятием Ясс и Бухареста. Но противник России располагал еще значительными силами, и весной 1770 г. для операций на Дунае Турция намеревалась выставить 200-тысячную армию, чтобы вернуть потерянные крепости и развернуть наступление на Дунайские княжества Молдавию и Валахию. В Константинополе и по всем провинциям Османской империи дворцовые гонцы-чауши развозили указы султана (хатт-и-шерифы) о введении строжайшей экономии: султан запретил все виды роскоши, в том числе ношение богатой одежды, а для вящего примера подданным уменьшил собственные расхо-

ды и даже приказал перелить на монеты свой любимый сервиз из чистого золота фантастической стоимостью в два миллиона пиастров.

Еще в начале открытия кампании с Турцией в российском руководстве созрел план отправить эскадры Балтийского флота с десантными войсками из Кронштадта в Эгейское море, чтобы они могли действовать в тылу противника, в недрах Османской империи. В Зимнем дворце делали ставку на массовое антиосманское выступление христианских подданных султана, в основном греков, которые примкнули к россиянам, пришедшим их освобождать. Впоследствии эта часть замысла Кабинета Екатерины II не осуществилась: греки не остались в рядах российских войск и не пошли служить на флот, чтобы совместно бороться против поработителей-турок, а пока, летом 1769 г. из Кронштадта в Средиземное море вышла балтийская эскадра. Начиналась Первая Архипелагская экспедиция Балтийского флота, в ходе которой произошло знаменитое сражение россиян с турками под Чесмой в 1770 г., когда главные силы Османского флота были уничтожены.

Стоит отметить, что та блестяще проведенная экспедиция под начальством Главнокомандующего морскими и сухопутными силами графа А.Г. Орлова не только принесла России заслуженную славу и уважение в Европе, но буквально ошеломила морские державы. Англия, Франция, Венеция и другие государства, обладавшие флотами, признали Россию как сильную морскую державу и считались с ее присутствием в Средиземном и Эгейском морях. Новость об эскадренном переходе россиян вокруг Европы и об их совместных действиях с греками на полуострове Морея срочно доставил в Константинополь курьер из Парижа, и она мгновенно разлетелась по турецкой столице, вызвав там смятение и переполох. Спокойным оставался лишь английский посол, но на всякий случай предупредил «купечество своей нации, чтобы ничего не продавали в кредит, потому что Русский флот идет прямо к Константинополю». Осведомитель князя Д.М. Голицына сообщал: «После получения сего известия народ впал в великое уныние, воображая несчастие, какое сей флот может приключить вступлением в устье Дарданелл и пресечением привоза съестных припасов в здешнюю столицу, которая снабжена хлебом только на шесть месяцев. Сей флот может также наложить подати на многие места в Архипелаге, которые не довольно укреплены... Отдан приказ оснастить десять линейных кораблей для отправления в Архипелаг, также велено и варварских в Африке владельцев приготовить к нападению на Российский флот». Для оказания поддержки Мустафе III алжирский Бей объявил войну союзной России Дании, начались «частые советы в Серале, между народом неудовольствие. Правительство велело привезти сюда весь хлеб, находящийся в Архипелаге, дабы чрез то отнять у россиян все способы к прокормлению себя. Отправлены указы в Грецию, чтоб провинции в безопасность себя приводили и снабдевали здешний столичный город провизиею. Пять линейных кораблей эскадры Капитана Паши починивают, да сверх того начали шесть новых кораблей строить. Приказано имамам возбуждать народ, чтоб шли драться с неверными»³⁷.

На протяжении всей войны и Первой Архипелагской экспедиции Англия сохраняла с Россией дружественные отношения и оказывала раз-

личную помощь — от поставок корабельной артиллерии в Архипелаг до лечения больных русских морских и сухопутных чинов в госпитале в Порт Магоне на острове Минорка. Безусловно, у такой державы как Англия имелся и собственный расчет в той большой политической игре, а именно — не допустить влияния своей соперницы Франции в обширном средиземноморском бассейне. И помощь, которую англичане оказывали России, была далеко не бескорыстной, а за большие деньги, которые Екатерина II, не торгуясь, платила королю Георгу III. Но личная поддержка посла Джона Мюррея российских военнопленных в константинопольской тюрьме, которую турки называли Байна, оставалась безвозмездной, о чем в Петербурге узнавали из перлюстрированной корреспонденции Мюррея английскому посланнику в Петербурге Чарльзу Каскарту. Так, в одном из писем посол сообщал: «Как я услышал, что три российские офицера содержатся в оковах в Байне и ни какой другой пищи им даваемо не было, кроме ржаного хлеба, и что принуждали их работать в Арсенале, то приказал я выдать им несколько денег и рубахи, ибо они месяца с четыре не переменяли». Джон Мюррей связался с прусским послом, и вместе они подали протест Рейс Эфенди по поводу недостойных условий содержания в тюрьме русских офицеров дворянского происхождения. Протест возымел действие: «Оковы с них сняты, и они отправлены в Семи Башенную крепость, где Порта обещает их хорошо содержать, и оставшихся в Байне солдат на работу не посылать»³⁸. А письмом от 3-го января 1770 г. Мюррей заверил Каскарта в том, что «всеми силами стараться будет услужить российским в мое смотрение порученным подданным. Прилагаю роспись именам их, и где они обретаются. Господин аббат до ныне снабдевал их всякими потребностями, и по ныне имеют они еще сумму денег, которую г-н Обресков на оную потребу оставил». Английский посол не называл имени аббата, но как явствует из его писем, упоминаемый аббат при содействии английского посольства вел переписку с Никитой Ивановичем Паниным. Екатерина II никогда не забывала о своих подданных и поручала Панину передавать через аббата деньги на содержание Обрескова, сотрудников российской миссии и пленных. На период января-февраля 1770 г. в плену у турок, согласно приложенному Мюрреем списку, числилось 46 чел., из них шесть женщин³⁹.

В течение февраля-марта 1770 г. Мюррей подробно информировал Каскарта об обстановке в Константинополе и о настроениях в турецком руководстве, связанных с походом Русского флота в Греческий Архипелаг. После того, как турки осознали факт перехода русских эскадр из Балтики в Эгейское море, вначале не поверив в такую возможность, от такой новости встрепенулись все слои общества. Письмом от 17 февраля Мюррей уведомил Каскарта о реакции Порты: «Работа в Арсенале ныне гораздо поспешнее производится. Янычары получили жалование за три месяца, и приготовления чинятся к отправлению войск в армию». Турки спешно приступили к вооружению кораблей, галер и фрегатов для отправления в оба моря — Чёрное и Эгейское (Белое), султан был настроен решительно и воинственно, что подтверждал Мюррей корреспонденцией от 3 и 17 марта: «Слух о потере Бендер вероятнейшим становится тем, что Султан низверг татарского хана и на его место назначил Каплан Гирея, сына Селима Гирея. Четыре корабля военных готовы отправиться

в Белое море, и в Арсенале денно и ночью работают для изготовления прочих, также строят много мелких судов для Чёрного моря. Четверо конфедератов прибыло сюда водою из Варны. Они посещают всех иностранных министров, кроме меня... Три военные корабли в готовности находятся к походу в Чёрное море, с некоторым числом мелких судов. Матросы и работники, употребленные к вооружению кораблей и мелких судов в Чёрное море, зажгли свои казармы близ Арсенала, причем около шести десяти домов с оными смежными, згорели до основания, и около ста пяти десяти человек, пользуясь оным случаем, збежали»⁴⁰.

После уничтожения главных сил Османского флота под Чесмой в июне 1770 г., письма английских дипломатов стали большей частью шифрованными, и в коллегии Иностранных дел не смогли подобрать ключи к их расшифровке. Вместо перевода текстов под ними ставили примерно такую подпись: «Написано цифрами на двадцати одной странице и четырех строках». Известие о Чесменском сражении вызвало панический страх не только в турецкой столице, но и в Смирне, где преобладало христианское население, о чем Джон Мюррей узнал из содержимого пакета, срочно доставленного ему курьером из Смирны: «Собрался народ из всех округов числом до четырех тысяч человек, чая, что город вскоре атакован будет. Начавшиеся озорничества и беспорядки превосходили власть градоначальства к прекращению оных несколько часов. Амуниция, запасы и войска отправлены были с крайним поспешением в крепость Санджакомо. Началось генеральное возмущение, множество народа убивали всех попадавшихся, греков около ста, голанский драгоман убит, императорский подданный смертельно ранен. Городские начальники ежедневно в собрании находились, и оказывали много страху и конфуззии в своих советованиях»⁴¹.

Английская миссия усилила меры безопасности и для охраны особняка наняла двадцать хорошо вооруженных янычар. Турецкие власти призвали всех иностранцев, проживавших в Смирне, оказывать Порте материальную помощь, а также приказали вынуть рули у всех стоявших в гавани турецких судов, чтобы никто не смог ими воспользоваться, а в случае опасности — затопить суда. Торговля замерла, лавки закрылись, уцелевшие после Чесмы турецкие матросы, перебравшись в Смирну, бесчинствовали в городе и окрестностях, европейские дипломаты направили делегацию к Главнокомандующему морскими и сухопутными силами графу А.Г. Орлову с просьбой не вторгаться в город и не разрушать его.

Эта просьба вызвала у Алексея Григорьевича искреннее недоумение. Он отвечал, что Россия и Турция находятся в состоянии войны, и между ними ведутся боевые действия, но город Смирна не является военной целью россиян — они не воюют против мирных жителей, и пусть население успокоится и занимается своими делами. Вскоре из Константинополя английский посол уведомил коллегу в Петербурге: «Войска безпрестанно назад возвращаются из армии, отдавая великую похвалу Российским Генералам, которые не токмо им пощаду жизни, но и деньгами снабдевают к возвращению в свои дома. Граф Орлов оказывает всякие милости на своих военнопленных, многим свободу дарует. Он подарил богатый бриллиантовый перстень 7 летней дочери одного Ахмета Эфенди, последнего монетного мастера в Каире. Весьма удивительно, сколько поступков

Российских Генералов умягчили сердца здешнего народа к россиянам»⁴². Так случилось, что упоминаемая английским дипломатом знатная девочка-турчанка, будучи в Архипелаге — в зоне боевых действий, вместе со взрослыми оказалась в плену у россиян, а граф Орлов милостиво одарил всех турецких женщин подарками, снабдил продуктами и отпустил восвояси.

После победы под Чесмой российское командование установило блокаду Дарданелл для пресечения подвоза продовольствия в турецкую столицу, а оттуда на острова Архипелага — боеприпасов, судов флота и живой силы. О результатах блокады, установленной Орловым, в новом 1771 г. Джон Мюррей уведомил лорда Каскарта: «Недели с две уже как из Дарданелл никаких кораблей и судов сюда не приходили, хотя и продолжают южные ветры. Почему мы и думаем, что Дарданеллы находятся под крепким смотрением Российских крейсирующих там военных кораблей. Беспорядки на улицах здесь столь увеличились, что матросы днем уже людей грабят». Не выдержав хаоса и грабежей на улицах Константинополя, английский посол направил своего драгомана к Рейс Эфенди с предложением, в котором осмелился (по его выражению) дать советы к прекращению бесчинств. Эфенди выслушал, и вскоре Мюррей «замечтил, что некоторых под караул берут, а других обезоруживают», а в районе пригорода Константинополя Перы усилили караулы. Далее дипломат упомянул о «морейском паше, которому послана знатная сумма денег в его главную квартиру в Софию, где велено ему набрать сколько сможет войск и маршировать к армии. Прежнему визирю Галиле три бунчуга возвращены, и он пожалован сераскиром для набора войск в Филиппополе». А новый визирь, едва прибыв к войскам, начал с карательных мер и приказал отрубить голову одному паше за то, что тот «в прошлую кампанию сделал худой мост и не имел в готовности материалов для построения нового»⁴³.

Несмотря на ужесточение мер, волнения и грабежи в турецкой столице не прекращались. Мюррей всерьез опасался, как бы «кровапролития не произошло, потому что матросы и солдаты до ныне еще чинят убийства по улицам, осмеливаются разбивать караулы, отворять тюрьмы и отнимать провизию у наших купцов с крайней наглостью. Ограбили одного моего купца, а коль скоро объявил он им свою принадлежность, то начали они и меня и всю нацию ругать всякими непристойными словами. Я жаловался о том Порте, и Рейс Эфенди свидетельствовал, что Порта наконец принуждена будет некоторых из них казнить. Напали на янычар цесарского посольского Двора, и при оном сражении один бедный армянин, идучи по улице, ранен пулей в ногу». Недели через две турки «перехватили и казнили разных озорников», чем привели в утрашение остальных и на какое-то время навели порядок в столице, а к зданиям иностранных миссий приставили усиленные караулы. Однако спокойствие на улицах Константинополя продлилось немногим больше месяца и вновь прекратилось с наступлением весны: «На лавочников нагло нападают и стреляют по ним, когда они отказывают в платеже солдатам и матросам. Матросы Чёрного и Белого морей ежедневно друг друга убивают, на нынешних днях найдено пятнадцать человек убитых в Галате и Пере... Беспорядки чрезвычайно усилились, так что уже позволено христианам

обнародованным указом Магомётанскую проливать кровь» для защиты собственной жизни. Английский дипломат подтвердил важные факты: в турецкой армии продолжалось массовое дезертирство, которое осенью 1771 г. доходило до 5000 чел., а русский флот успешно производил в Архипелаге военные действия, нарушал коммуникации противника, совершал десантные операции в районе острова Негропонт и в заливах Вола и Макри⁴⁴.

Сведения, поступавшие от Джона Мюррея, в большинстве случаев совпадали с новостями, содержащимися в донесениях в Вену князю Голицыну от его константинопольского осведомителя. Этот человек также сообщал о разгуле бунтов и беспорядков в турецкой столице: «Война надоела, народ доведен до отчаяния так, что Султан подвержен опасности лишиться престола». Грабежи и убийства достигли невиданных размеров, преступники вламывались в дома обывателей, город неоднократно горел, на улицах даже днем стало небезопасно, «ремесленники не смеют открыть лавок. На одного французского купца с обнаженными саблями напали» и отняли у него товар⁴⁵.

Говоря о работе Голицына в Вене, стоит остановиться на действиях Австрии в годы войны. Как упоминалось, австрийская дипломатия наряду с французской способствовала разжиганию ненависти и вражды между Османской и Российской империями, что, по сути, представляло собой исторический нонсенс. Австрия, на протяжении столетия рассматривавшая османов как своих перманентных неприятелей, теперь если не открыто, то завуалированно приняла сторону Турции, что объяснялось стремлением любыми способами, вплоть до оказания поддержки Мустафе III, не допустить усиления позиций России с прекращением Семилетней войны и расширения сфер ее геополитического влияния при вступлении на престол Екатерины II. Изменение намерений Венского кабинета в отношении России прослеживается в депешах и реляциях Голицына. Вот наиболее важные из них.

В мае 1770 г. у Дмитрия Михайловича состоялся продолжительный разговор с канцлером В.-А. Кауницем, и резюме той беседы свелось к безапелляционному заявлению Кауница: в русско-турецком конфликте Австрия будет оставаться нейтральной, «наблюдая, однако ж, дабы одна из двух воюющих держав не учинила над другою знатных и таких завоеваний, от которых бы общее Европы равновесие могло потрястись. В случае такой перемены в политической системе принужден будет здешний Двор вступить за ослабевающую и в упадок приходящую державу. Императрица Королева всячески старается при жизни своей не иметь более никакой войны, но при всем том не может без нее обойтись, когда усмотрит знатное Европейского равновесия колебание в пользу одной, а во вред другой воюющей державы». Кауниц откровенно подчеркнул: австрийская императрица и венгеро-богемская королева Мария-Терезия не будет препятствовать в военных операциях русских армий до тех пор, пока эти операции не станут угрозой разрушения «целой политической связи, на которой интересы Европейских держав основаны»⁴⁶. Таким образом, Вена брала на себя роль некоего арбитра в русско-турецком противостоянии с правом решать, какую из воюющих держав следует остановить в зависимости от ее успехов на театрах военных действий.

В конце беседы разговор перешел на польские дела. Голицын подчеркнул «недоброхотство Франции к России», говорил, что французы интригуют против нас «и разными недозволенными средствами стараются делать всякие заботы, поощряя и побуждая польских мятежников» советами и деньгами, а герцог Шуазель, «безразсудно ненавидя нас, все возможное вымышляет к оскорблению нашему». Кауниц поддержал негодование русского дипломата, но при этом развел руками и отметил, что ничего уже не поделает, поскольку договоренности о браке между австрийской эрцгерцогиней Марией-Антуанеттой, дочерью Марии-Терезии, и французским дофином Людовиком уже подписаны. Поэтому Австрия и Франция теперь державы, связанные брачными узами детей императрицы-королевы и французского короля ⁴⁷.

В 1771 г. успехи российских сил на суше и на море в совокупности с настойчивыми требованиями английского и прусского послов способствовали освобождению российского дипломата Обрескова. Мустафа III позволил Алексею Михайловичу выехать в Санкт-Петербург, где его благосклонно приняла Екатерина II и пожаловала орден Св. Александра Невского, 10 тыс. наградных рублей и дом в столице. Сразу после аудиенции у императрицы Алексей Михайлович отправился в английское посольство, где встретился с лордом Ч. Каскартом и выразил ему благодарность за участие Англии в лице короля Георга III и его представителя в Константинополе Джона Мюррея в освобождении сотрудников российской миссии и членов семьи Обрескова ⁴⁸.

Между тем, успехи русских сил в кампании с турками встревожили Австрию, и Мария-Терезия не замедлила «привести в действие» предупреждения В.-А. Кауница. В реляциях Екатерине II от 27 июля (8 августа) и от 17 (28) августа Д. М. Голицын доложил: австрийцы стягивают войска в Венгрию, доставляют туда из Моравии артиллерию и боезапасы. «Стоящие в лагере при деревне Миниендорфе неподалеку от Лаксенбурга две тысячи человек конницы два раза делали ново изобретенную фельдмаршалом графом Ласси экзерцицию и маневры в присутствии Императора и Императрицы Королевы и фамилии Императорской. Сия экзерциция учреждена со всем сходно с тою, которой пехотные здешней армии полки следуют». В следующем, 1772 г., от константинопольского осведомителя Голицына не укрылся важный факт: австрийский посол (интернунций) г-н Тугут получил аудиенцию у султана, по окончании которой Мустафа III публично, в присутствии министров и свиты торжественно подарил Тугуту соболью шубу вместо полагавшегося по протоколу кафтана. Осведомитель подчеркнул: «Уже 14 лет всегда иностранным министрам даются кафтаны, ибо шубы одним трехбунчужным пашам жалуются» ⁴⁹. Австрийский канцлер Кауниц открыто декларировал, что императрица-королева никогда не допустит двух вещей — перехода русской армии через Дунай и приобретения Дунайских княжеств Молдавии и Валахии, которое Екатерина II намеревалась выставить Турции в качестве компенсации за понесенные в войне убытки. Однако русские войска все же совершили переход через Дунай, но отстоять княжества России не удалось: по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Молдавия и Валахия поступили под протекторат турецкого султана. Австрийцам же в ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. удалось за счет блестящих побед 1-й

армии под командованием П. А. Румянцева захватить 53 пограничные деревни в Молдавии, и Порта вела переговоры с Веной на предмет возвращения этих земель в течение трех лет — с 1774 по 1777 год⁵⁰.

Таким образом, донесения российских дипломатов из Вены, Лондона, Константинополя, Стокгольма, Копенгагена представляли для Кабинета Екатерины II большую ценность и имели важное значение как в довоенный период, так и на протяжении всей русско-турецкой кампании. Россия не желала той войны и стремилась ее предотвратить. Но поскольку она все же началась, знание обстановки в европейских столицах и у противника позволяло Екатерине II и ее сотрудникам прогнозировать ситуацию и вносить коррективы в разрабатываемые планы, включая средиземноморскую политику и действия флота в Греческом Архипелаге.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (АВПРИ), ф. 90, константинопольская миссия, оп. 90/1, 1762 год, д. 454, л. 8; д. 566, л. 207; ф. 89, сношения России с Турцией, оп. 8, 1762 год, д. 353, л. 143об.
2. Екатерина II — А. М. Обрескову, 1 июля 1762 года. АВПРИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 321, л. 15об.
3. Там же, л. 1—2, от 21 июля 1762 года; д. 323, л. 11, 14—14об, от 27 июля 1762 года.
4. Екатерина II — А. М. Обрескову, 18 августа 1764 года. СБ ИРИО, т. 51, с. 480—482. Н. И. Панин — А. М. Обрескову, 22 октября 1764 года. Там же, с. 47.
5. Г. Гросс — Екатерине II, 14 сентября 1764 года. АВПРИ, ф. 35, оп. 35/6, д. 156, л. 37об. —38.
6. Там же, л. 38.
7. Там же.
8. Г. Гросс — Екатерине II, 1 (12) октября 1764 года. АВПРИ, ф. 35, оп. 35/6, д. 156, л. 76—76об.
9. СБ ИРИО, т. 57, с. 83.
10. АВПРИ, ф. 93, сношения России с Францией, 1764 год, оп. 93/6, д. 192, л. 196—196об.
11. А. М. Обресков — Екатерине II, 10 января 1768 года. АВПРИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 567, л. 18об.
12. А. М. Обресков — Н. И. Панину, 10 января 1768 года. Там же, л. 20.
13. Там же, л. 20.
14. СБ ИРИО, т. 87, с. 83.
15. АВПРИ, ф. 32, сношения России с Австрией, оп. 32/6, 1768 год, д. 474, л. 16—17, 22—29об.
16. Там же, л. 50—53, реляция Д. М. Голицына Екатерине II от 12 (23) октября 1768 года.
17. Подробнее см.: ПЕТРОВ А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1768—1774 год. Т. 1. СПб. 1866.
18. АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 1918, л. 109—110.
19. Там же, ф. 32, оп. 32/6, 1768 год, д. 475, л. 37—37об., 39—39об.
20. Плен и страдания россиян у турков, или обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-Граде по объявлении войны, и при войске, за которым влачили их в своих походах. СПб. 1790, с. 7—8.
21. АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, 1768 год, д. 474, л. 69—74; д. 477, л. 17об. —18, от 22 ноября (3 декабря) 1768 года.
22. Там же, д. 475, л. 73.
23. «Перевод донесения английского министра Джона Мюррея из Константинополя лорду Каскарту в Петербург», от 3 января 1769 года, № 6. АВПРИ, ф. 6, секретнейшие дела (перлюстрации), оп. 6/2, Турция (Цареград), д. 376, 1769 год, л. 7—14.
24. Там же, от 11 января 1769 года, № 7, л. 19—23об., 35—36.
25. Там же, л. 47—49об., 50—52.
26. Там же, ф. 54, копенгагенская миссия, оп. 54/1, 1769—1770 годы, д. 181, л. 1—3об.
27. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 488, 1769 год, л. 33—38, 90об. —91.

28. Там же, л. 43—47об.
29. Там же, ф. 6, оп. 6/2, Турция (Цареград), д. 376, 1769 год, л. 102—107, от 17 июля, № 16.
30. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 488, л. 55—58.
31. Там же, л. 50—51, 61—64об.
32. Там же, л. 86—89об.; д. 489, л. 45—46, реляция № 72 от 15 (26) июля 1769 года.
33. Там же, д. 489, л. 73—76.
34. АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, 1769 год, д. 492, л. 3—4, 5—9об., 18—19, 28—31, 35об.
35. Там же, д. 491, л. 30—33; д. 492, л. 43—44об., 47—48об., под № 99 от 2 и 3 октября; д. 493, л. 5—7, от 17 октября 1769 года; ф. 6, оп. 6/2, Турция (Цареград), д. 376, 1769 год, л. 144—148.
36. Там же, ф. 6, оп. 6/2, Швеция, д. 488, 1770 год, л. 15—16, от 17 февраля 1770 года.
37. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 493, л. 86—93, л. 91об. —92, 97—100, 110—111.
38. Там же, ф. 6, оп. 6/2, Турция, д. 378, л. 271—271об.
39. Там же, л. 5—5об., 13—16, 17—18, 23—26.
40. Там же, л. 38—40, 46—47, 61—62.
41. Там же, л. 148—160.
42. Там же, л. 229—231, 246—246об.
43. Там же, д. 377, 1771 год, л. 67, 78.
44. Там же, л. 78—80, 102—104, 241—242. «Янычары цесарского посольского Двора» — янычары, охранявшие австрийское посольство в Константинополе.
45. АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, д. 514, 1771 год, л. 31об. —45об.
46. Там же, д. 508, 1770 год, от 8 (19) мая 1770 года, л. 15об. —16.
47. Там же, л. 17об. —18.
48. Там же, ф. 6, оп. 6/2, Турция (Цареград), д. 377, 1771 год, л. 29об.
49. Там же, ф. 32, оп. 32/6, д. 515, 1771 год, л. 29об. —30, 48—50; д. 527, 1772 год, л. 37.
50. Там же, ф. 90, оп. 90/1, д. 681, л. 4.

Теодор Янкович де Мириево

А. С. Буянова, К. О. Валегина

Аннотация: Теодор (Фёдор Иванович) Янкович де Мириево являлся основоположником системы народного образования в России. Реформаторская деятельность императрицы Екатерины II в области системы образования способствовала привлечению в Россию ведущих специалистов из Европы. Одним из них стал сербский педагог Янкович де Мириево. Обладая опытом реализации образовательных реформ в Австрийской империи периода правления Марии-Терезии, он внес значительный вклад в становление системы народного образования, разработав устав народным училищам и подготовив комплекс учебных пособий.

Ключевые слова: Янкович де Мириево, Екатерина II, педагогика, устав народным училищам, народные училища, образование

Abstract. Teodor (Fyodor Ivanovich) Jankovic de Mirijevo was the founder of the public education system in Russia. The reformatory activity of Empress Catherine II in the field of education system helped to attract leading specialists from Europe to Russia. One of them was a teacher of the Serbian Jankovic de Mirijevo. With experience in implementing educational reforms in the Austrian Empire during the reign of Maria Theresa, he made a significant contribution to the formation of the system of public education, developing the Charter of public schools and preparing a set of textbooks.

Key words: Jankovic de Mirievo, Catherine II, pedagogy, the statute of public schools, public schools, education.

Екатерина II стремилась предстать перед Европой в образе просвещенной правительницы. Реализации этих планов способствовала реформаторская деятельность императрицы в области российской системы образования. В первые годы своего правления Екатерина II поддерживала модную в Европе педагогическую модель просветителей, однако идеи воспитания для России «новой породы, или новых отцов и матерей»¹ плохо осуществлялись на практике и были далеки от государственных нужд. В начале 1780-х гг., разочаровавшись в педагогических воззрениях просветителей, Екатерина II обратилась к опыту Австрийской империи. Согласно императорскому указу от 7 сентября 1782 г., была создана Комиссия для заведения в России народных училищ, которую возглавил сенатор П. В. Завадовский. В ее состав вошли действительные статские

Буянова Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, начальник экскурсионно-массового отдела СПбГБУК «Государственный музей городской скульптуры». E-mail: ann_io@mail.ru; *Валегина Карина Олеговна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: k.valegina@spbu.ru.

Buyanova Anna S. — PhD (History), head of excursion and mass Department SPBGPU “State Museum of urban sculpture”. E-mail: ann_io@mail.ru; *Valegina Karina O.* — PhD (History), lecturer at the Institute of history of St. Petersburg State University. E-mail: k.valegina@spbu.ru.

советники Ф.И. Эпинус и П.И. Пастухов. «По намерению Нашему учредить в Империи Нашей народные школы, указали Мы собрать и перевести потребные в тому книги, и сверх того для удобнейшего изъяснения призвали Мы одного из трудившихся в устройении таковых народных школ в землях владения Его Величества Императора Римского, Директора сих училищ в Темесварском уезде, Фёдора Янковича, знающего язык Российский и Наш Православный закон исповедающего»².

Теодор (Фёдор Иванович) Янкович родился в городе Сремска-Каменица, близ Петервардейна, в 1741 году³. Семья Янковичей происходила из древнего дворянского рода, владевшего селом Мириево около Белграда. Когда Сербия была захвачена Османской империей, Янковичи, как и многие знатные сербы, в 1459 г. переселились в Венгрию⁴. На протяжении столетий изгнанные сербы боролись против турецкого владычества, за что получали награды от императора Леопольда I, а впоследствии — императрицы Марии-Терезии.

В Сремска-Каменице Теодор закончил основную школу, а среднюю прошел в Нови-Саде и Сремски-Карловицах⁵. Продолжил свое образование он в Венском университете, где изучал политические и экономические науки, а также педагогику. Здесь молодой человек познакомился с педагогической методикой И.И. Фельбигера. Впоследствии Теодор Янкович «перевел труды Фельбигера на сербский язык»⁶.

После окончания университета Янкович поступил на службу секретарем к Темешварскому православному епископу Викентию Иоанновичу Видаку, ставшему впоследствии архиепископом Карловацким и митрополитом всего Иллирийского славянского народа. В 1773 г. Янкович стал директором сербских и румынских школ в Темешварском Банате (провинция Габсбургской монархии с 1718 по 1778 гг.), приняв в то же время участие в осуществлении обширной учебной реформы, предпринятой императрицей Марией-Терезией. Важным результатом его деятельности на этом посту стало значительное расширение начального образования в Банате. Янкович утверждал, что «количество православных школ в Банате почти удвоилось до 183 к 1776 году; число возросло до 205 к 1778 году, и до 452 к 1781 году»⁷. Сложность во взаимоотношениях православного и католического духовенства, необходимость преодолевать разногласия мирным путем — все это требовало от Янковича проявлять такие качества, как «добродетель, рассудок и дарования», что было отмечено в грамоте на австрийское дворянское достоинство, дарованное ему Марией-Терезией в 1774 году. Одновременно к фамилии было добавлено де-Мириево — по названию села, принадлежавшего его предкам в Сербии.

После смерти императрицы Янкович де Мириево покинул Австрийскую империю. Взошедший на престол Иосиф II не стремился продолжать политику матери в области образования. Однако для Екатерины II он дал положительную рекомендацию Янковичу де Мириево: «Человек, трудившийся по устройению народных школ, знающий язык российский и исповедующий православный закон»⁸.

Основными задачами действительного члена Комиссии о народных училищах Янковича де Мириево определялась подготовка учебных книг и разработка устава училищ⁹. Результатом деятельности Комиссии стал «Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской

Империи», утвержденный 5 августа 1786 года. Устав представляет собой законодательный источник, состоящий из 9 глав и 7 приложений. Первая и вторая главы отражают принцип деления на классы, содержат перечень образовательных предметов и учебных пособий в главных и малых народных училищах; третья глава посвящена должностным обязанностям учителей; четвертая — правилам поведения учащихся. В пятой, шестой и седьмой главах рассмотрены обязанности попечителя, директора и смотрителя народных училищ. О хозяйственной части учебных заведений рассказывает восьмая глава, а в девятой — «О главном правительстве училищ» — определяются направления деятельности и задачи руководства образовательных учреждений. Семь приложений к указу включают наставление учителям по преподаванию иностранных языков, расписание учебных предметов, образцы записной книги учеников, принимаемых в народные училища города, ведомость о состоянии народных и домашних училищ¹⁰.

При подготовке «Устава народным училищам...» Янкович де Мириево обращался к австрийскому училищному уставу 1774 года. Австрийская образовательная система состояла из трех типов школ: главная, тривиальная и нормальная или учительская семинария. Для отечественной системы просвещения были заимствованы только два типа школ «под именем Народных Училищ, кои разделяются на главные и на малые»¹¹. Прототипом для главных народных училищ в губернских городах стала главная австрийская школа, для созданных в уездных городах малых народных училищ — тривиальная школа. Тривиальные школы открывались в малых городах и селениях Австрийской империи. Учебная программа включала чтение, письмо, основы христианского вероучения, мораль, начала математики, начальные сведения, необходимые для сельского населения¹².

Главная школа, функционировавшая в каждом австрийском уезде, являлась следующей ступенью получения образования. Воспитанники изучали «закон Божий в догматическом и историческом изложении, наставление в морали, математику, родной и латинский языки, историю, географию, естествознание, механику, архитектуру, землемерие, черчение, домоводство, сельскохозяйственное знание»¹³.

Курс российских малых народных училищ, аналога австрийской тривиальной школы, состоял из чтения, письма, «первоначальных оснований Христианского закона и добронравия»¹⁴, «первой части арифметики»¹⁵ и рисования. Учебная программа российского главного народного училища во многом соответствовала курсу австрийской главной школы, который был заимствован при формировании учебной программы 3 и 4 «рядов» (классов) российских главных народных училищ. В 1 и 2 классах ученикам главных народных училищ преподавали те же предметы, что и в малых народных училищах. Из «Устава народным училищам...» следовало, что «в 3 классе следует продолжать рисовальное искусство, чтение Изъяснений Евангелий, повторение Пространного Катехизиса с доказательствами из Священного Писания, учение второй части Арифметики, и первой части Всеобщей Истории, Введение во Всеобщую Европейскую Географию, а потом начинается Землеописание Российского Государства, и Российская Грамматика с упражнениями в правописании»¹⁶. «В 4 ряд повторять Российскую географию, продолжать рисование, Историю

Всеобщую, Российскую Грамматику... Преподавать Российскую Историю, Географию Всеобщую и Математическую с задачами на глобусе; также основания Геометрии, Механики, Физики, Естественной Истории и Гражданской Архитектуры»¹⁷.

В каждой провинции Австрии, согласно училищному уставу, открывалась нормальная школа или учительская семинария. Курс австрийской нормальной школы включал науки главной школы, а также педагогические и дидактические знания¹⁸. По образцу австрийской нормальной школы указом от 9 июня 1783 г. было создано Санкт-Петербургское главное народное училище «для удобнейшего снабдения разных народных училищ потребным числом учителей»¹⁹. Возглавил это учебное заведение Янкович де Мириево. Слушателями, как правило, становились воспитанники образовательных учреждений, готовивших священнослужителей: Александро-Невской семинарии, Казанской, Смоленской, Тверской семинарий, Московской Духовной академии. Учебный курс учительской семинарии при главном народном училище Петербурга совпадал с программой главных народных училищ. Однако для преподавания в учительскую семинарию приглашались более квалифицированные педагоги, в числе которых были ученые из Петербургской Академии наук и Московского университета (в качестве примера можно привести адъюнктов Академии наук В.Ф. Зуева, И.Ф. Гакмана, М.Е. Головина, профессора Московского университета Е.Б. Сырейщикова). Воспитанники учительской семинарии имели возможность посещать публичные лекции в Академии наук. В 1786 и 1788 гг. Петербургское главное народное училище и соединенная с ним учительская семинария подготовили два выпуска учителей по сто человек в каждом. За восемнадцать лет своего существования (1783—1801 гг.) учительская семинария выпустила 425 педагогов²⁰. Однако «в России на всю империю устроена была одна учительская семинария, тогда как в Австрии в каждой провинции открыта была учительская семинария»²¹.

Следует отметить, что в Петербургском главном народном училище издавался журнал «Растущий виноград» — первое российское ежемесячное студенческое издание, выходившее с 1785 по 1787 год²². Журнал выражал педагогические воззрения Комиссии о народных училищах, в том числе и самого Янковича де Мириево. Новое печатное издание должно было просвещать своих юных читателей и наставлять их в изучении наук. На его страницах публиковались статьи, рассказывавшие о научных достижениях, о физической картине мира и пр. Важное место занимали публикации материалов, посвященных выдающимся историческим деятелям, а также прославлению правления Екатерины II.

Австрийская система школ преследовала две основных задачи: всеобщность и обязательность. Все дети от шести до двенадцати лет должны были посещать школу. В указе австрийской императрицы Марии-Терезии говорилось: «Мы очень желали бы, чтобы родители оставляли своих детей в немецких школах, по крайней мере, шести или семи лет»²³. В Российской империи выбор — отдавать ребенка на обучение в народные училища или нет — принадлежал родителям. Народные училища были открыты для городского сословия, в отличие от австрийского устава, который ориентировался как на городское, так и на сельское население.

Следует отметить, что еще в 1782 г. Екатерина II, изучая план Ф.И. Эпинуса, являвшийся копией австрийского устава, предполагала разделить низшие школы на «земские» и «городовые»²⁴. Из черновых собственноручных замечаний императрицы следует, что образовательная программа земских школ должна была включать Закон Божий, нравоучение и русский язык²⁵. Курс городских школ, помимо дисциплин земских школ, предполагал геометрию, механику, архитектуру, «учение естества и естественной истории, географию и историю, землю и домоводство, немецкий и латинский и греческий язык»²⁶.

Важным отличием российской системы народных училищ от австрийской школы стало отстранение духовенства от участия в деятельности училищ. В «Уставе народным училищам...» говорилось: «Попечитель народных училищ в каждом наместничестве есть губернатор, имеющий по генерал-губернаторе главное об училищах попечение... Яко председатель Приказа Общественного Призрения, старается он не токмо советом, но и властью законами ему данною, подавать всякую помощь директору и смотрителю»²⁷.

Переработка австрийской модели, по мнению С.В. Рождественского, создала упрощенную по своим задачам систему просвещения, предназначенную для городского населения²⁸. К годовщине коронации Екатерины II (22 сентября 1786 г.) были открыты главные народные училища в 25 губерниях империи²⁹. Указом от 3 ноября 1788 г. «Об открытии главных народных Училищ в Губерниях» они создавались в оставшихся 14 губерниях³⁰.

Важным аспектом деятельности Комиссии народных училищ стало составление и публикация учебных пособий на русском языке. «Все Учители должны во всем сообразоваться предписанному способу преподавания и не употреблять иных книг, кроме в Уставе сем назначенных»³¹. Янкович де Мириево разработал большинство пособий. В 1782 г. он подготовил «Российский Букварь»³², «Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому»³³, «Руководства к чистописанию для юношества в народных училищах»³⁴, «Правила для учащихся»³⁵; в 1783 г. — «Краткую Священную историю»³⁶; в 1784 г. — «Всемирную историю»³⁷. Помимо написания новых учебников, он занимался переработкой уже имеющихся учебных пособий. В 1784 г. им было подготовлено «Краткое землеписание Российского государства»³⁸, составленное на основе сочинения профессора главного народного училища и адъюнкта Академии наук И.Ф. Гакмана. Учебное пособие «Зрелище Вселенная»³⁹ стало переработкой сочинения Я.А. Коменского. Под руководством Янковича в течение 1782—1790 гг. вышли в свет географические карты, глобусы, атласы.

Наглядность и практичность являлись, по мнению Фёдора Ивановича, главными педагогическими методами. Этот принцип отразился в разработанных им учебниках. Например, для курса географии под его руководством были подготовлены земной и небесный глобусы, настенные карты Российской империи, древней истории, Восточной и Западной частей Римской империи. Карты для учеников, разрисованные для наглядности разноцветными красками, содержали специальные знаки, отмечающие залежи полезных ископаемых, тогда как карты преподавателей

были выполнены только в черно-белом цвете. Учебное пособие по курсу географии «Краткое землеописание Российского государства, изданное для народных училищ» рассказывало не только о физической географии, но и содержало сведения о политической, экономической географии государств. Ученики, помимо знаний территориальных границ стран, рек, гор, должны были владеть сведениями о состоянии внутренней и внешней торговли, а также формах правления.

Для изучения иностранного языка была предназначена книга «Зрелище Вселенные», которая являлась сокращенным вариантом сочинения Я.А. Коменского «Orbis pictus». Еще в 1768 г. профессор Московского университета И.М. Шаден предпринял перевод на русский язык этого труда, но не использовал иллюстрации автора. Следуя принципу наглядности, Янкович сохранил рисунки Коменского и адаптировал текст к реалиям русской жизни. Так, в переводе Шадена отмечалось: «Школа есть место, в котором молодые люди добродетели обучаются, она разделяется на классы. Учитель сидит на кафедре, а ученики на скамейках; учитель обучает, а ученики учатся. Учитель пишет им объяснения мелом на доске. Иные из них сидят за столом и пишут. Он поправляет погрешности. Другие стоят и читают выученное на память, иные разговаривают, резвятся и ленятся; таких наказывают ферулою и лозою»⁴⁰. Из пособия, подготовленного Янковичем, следовало: «Учитель в училище учит и пишет мелом на черной доске: буквы, числа и речения. Ученики сидят на скамьях, учатся и читают совокупно, или по одиночке. Вопрошаемый встает и отвечает; а что учитель сказывает, пишут все. Где разным обучают наукам, там училище разделено на классы»⁴¹.

Подготовив ряд учебных пособий, Комиссия о народных училищах внимательно следила за их изданием. Сенатским указом от 1 ноября 1784 г. было установлено, чтобы «без дозволения сей Комиссии, издаваемые от ея книги, нигде перепечатываемы не были, под строгим взысканием, ежели поступлено будет в противность сего предписания»⁴². Учебные книги разрешалось печатать только в подведомственной Комиссии типографии, что требовалось «для соблюдения пользы казны Ея Императорского Величества, коея часть расходов по училищам может быть впредь доходами от продаж книг заменена»⁴³. Указом от 19 августа 1790 г. постановлялось, что «содержатели домашних училищ или пансионеров должны употреблять книги, в помянутой Комиссии по повелению Нашему изданные»⁴⁴.

По поручению императрицы Екатерины II Комиссия о народных училищах провела ревизию Воспитательного общества благородных девиц и Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса, уставы которых были подготовлены в 1760-е гг. сторонником педагогических воззрений просветителей И.И. Бецким. Отчетные документы этих проверок содержатся в журналах заседаний Комиссии об учреждении народных училищ, отложившихся в фонде № 730 Российского государственного исторического архива.

Фонд № 730 «Комиссия об учреждении народных училищ» насчитывает 2314 единиц хранения. Дела № 24 «По высочайшему повелению о распространении учения в училище Общества благородных девиц» и № 66 «О сочинении плана учения для Сухопутного Кадетского Корпуса и о назначении по требованию оного учителей» описи № 1 являются

отчетными документами проверок Смольного института и Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса.

Согласно журналу Комиссии от 1 апреля 1783 г., было выявлено, что «успехи воспитанниц затрудняются, во-первых, тем, что большая часть наук, как то история, география, физика и другие, преподаются на языке иностранном, коего девицы довольно к тому не разумеют; во-вторых, что языкам французскому и немецкому, так как и некоторым из упомянутых наук обучают одни такие учительницы, которые основательно оных сами не знают, умалчивая уже о методе преподавания; а, в-третьих, что классам, то есть учебным часам и предметам, нет никакого постоянного расположения, по которому бы учение преподавалось в каждом возрасте без помешательства от одного класса другому»⁴⁵.

Характеристика уровня образования смолянок представлена в журнале Комиссии от 9 сентября 1783 г.: «Примечено, что некоторые из девиц благородного воспитательного общества третьего и четвертого возраста имеют весьма слабое понятие, и потому или должны сами от сверстниц своих отставать, или их останавливать собою. По сему в Комиссии о народных училищах и положено, отобрав сих слабых воспитанниц, перевести их из классов четвертого возраста в классы третьего, а из классов третьего в классы второго...; что самое учинить и с девицами мещанского училища, если которые за сверстницами своими успевать не могут»⁴⁶.

Выявив недостатки, Комиссия разработала ряд рекомендаций для Воспитательного общества благородных девиц, реализацией которых должен был заниматься Янкович де Мириево: «1. По примеру заводимых народных училищ преподавать все словесные науки воспитанницам сего общества на языке российском, дабы оные им внятнее и понятнее были; 2. На места неспособных учительниц избрать искуснейших учителей, которых освидетельствовать г. директору Янковичу в их знании»⁴⁷.

Проверка Сухопутного Шляхетного корпуса 1784 г. показала, что кадеты, как и смолянки, не проходили полностью учебный курс, утвержденный уставом. В журнале Комиссии от 26 августа 1784 г. сообщалось: «Сличая и рассматривая полученное из корпуса известие о нынешнем наук в оном состоянии с печатном оного уставом, нашла комиссия, что настоящее оного исполнение отстоит далеко от изображенных в оном предписаний»⁴⁸. Комиссией был подготовлен «План для учебной части Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса»⁴⁹, основанный на «Уставе народным училищам» и представленный 25 августа 1784 г. Екатерине II.

Таким образом, программа обучения, разработанная Комиссией, была применена в народных, а также в духовных училищах, Смольном институте, в училище мещанских девиц, в военных образовательных заведениях: Сухопутном Шляхетном, Артиллерийском и Инженерном корпусах. Целью Комиссии было создание единообразия в системе российского образования.

В 1783 г. Янкович де Мириево был избран членом Российской Академии. Екатерина II наградила его чинами коллежского советника (в 1784 г.) и статского советника (в 1793 г.), орденом Св. Владимира 4-й степени (в 1784 г.) и 3-й степени (в 1786 г.). В 1791 г. она пожаловала ему деревню в Могилевской губернии и в том же году причислила его к российскому дворянству.

В Общем гербовнике дворянских родов всероссийской империи дается следующее описание герба родов Янковичей де Мириево: «Щит разделен на четыре части, из коих в первой и четвертой в золотом поле изображен черный одноглавый орел с распростертыми крыльями. Во второй и третьей частях в серебряном поле горизонтально означены две полосы красного цвета; в сих полях поставлены на трех зеленых холмах по одному золотому коронованному льву, обращенные один к другому, которые в лапах имеют меч вверх подъятый, и отрубленную турецкую голову. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой между двух распростертых черных орлиных крыл виден выходящий коронованный лев, держащий в лапах меч и турецкую голову. Намет на щите черного и красного цвета, подложенный золотом и серебром»⁵⁰.

При императоре Павле Янкович де Мириево был награжден чином действительного статского советника и сверх жалования ему было определено 2000 руб. пенсии.

После учреждения в 1802 г. Министерства народного просвещения Янкович де Мириево вошел в состав вновь образованной комиссии об училищах, с 1803 г. получившей название Главного управления училищ. В 1804 г. он вышел в отставку, так как «чрезмерные труды совершенно истощили его умственные и физические силы»⁵¹.

Янкович де Мириево умер в 1814 г. и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, что служит еще одним доказательством признания его заслуг, так как это было одно из самых привилегированных кладбищ Санкт-Петербурга. Здесь же в 1818 г. была похоронена его супруга Юлия Юрьевна Янкович де Мириево⁵².

Янкович де Мириево внес значительный вклад в создание единого образа системы российского образования, подготовив педагогическую систему, которая была применена в учебных заведениях, предназначенных для различных сословий Российской империи.

Примечания

1. О воспитании юношества обоего пола. Полное собрание законов (ПСЗ). СПб. 1830, т. 16, № 12 103, с. 669.
2. Об учреждении Комиссии для заведения в России народных училищ. ПСЗ. СПб. 1830, т. 21, № 15 507, с. 664.
3. Кнежевина Србија. Милан Ђ. Милићевић. Белград. 1876, с. 100.
4. В Русском биографическом словаре ошибочно указана дата 1549 год. См.: Русский биографический словарь, т. 25. с. 135.
5. ЛЕЩИЛОВСКАЯ И. И. Фёдор Иванович Янкович де Мириево (Мириевский). — Славянский альманах. 2004. М. 2005, с. 39.
6. MELTON J. Van H. Absolutism and the eighteenth-century origins of compulsory schooling in Prussia and Austria. Cambridge. 2002, p. 226.
7. Ibid., p. 228.
8. Цит. по: РОЖДЕСТВИН А. С. Просветительная деятельность Императрицы Екатерины II. Казань, 1897, с. 11.
9. Об учреждении Комиссии для заведения в России народных училищ..., с. 664.
10. Высочайше утвержденный устав народным училищам в Российской империи. ПСЗ. СПб. 1830, т. 22. № 16 421. с. 646.
11. Там же.

12. ТОЛСТОЙ Д.А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб. 1886, с. 22.
13. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С.В. Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II. СПб. 1909. с. 14.
14. Высочайше утвержденный устав народным училищам..., с. 646.
15. Там же.
16. Там же, с. 647.
17. Там же.
18. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С.В. Ук. соч., с. 14.
19. О заведении в Санкт-Петербурге главного народного училища. ПСЗ, т. 21, № 15 755, с. 938.
20. ВОРОНОВ А.С. Фёдор Иванович Янкович де-Мириево, или народные в России при императрице Екатерине II. СПб. 1858, с. 95.
21. ТОЛСТОЙ Д.А. Ук. соч., с. 102.
22. СМАГИНА Г.И. У истоков русской педагогики. — Ленинградская панорама. 1986, № 12, с. 25.
23. Цит. по: ТОЛСТОЙ Д.А. Ук. соч., с. 23.
24. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. СПб. 1912, с. 560.
25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 10. Кабинет Екатерины II, оп. 1. д. 434. Черновые собственноручные замечания императрицы Екатерины II о средних и низших школах, л. 1.
26. Там же.
27. Высочайше утвержденный устав народным училищам..., с. 653.
28. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С.В. Из истории учебных реформ..., с. 22.
29. Об открытии Народных Училищ. ПСЗ, т. 22, № 16 425, с. 672.
30. Об открытии главных народных Училищ в Губерниях. Там же, № 16 726, с. 1126.
31. Устав для народных училищ Российской империи..., с. 649.
32. ЯНКОВИЧ де МИРИЕВО Ф.И. Российский букварь для обучения юношества чтению. СПб. 1791.
33. ЕГО ЖЕ. Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому. СПб. 1797.
34. ЕГО ЖЕ. Руководства к чистописанию для юношества в народных училищах. СПб. 1787.
35. ЕГО ЖЕ. Правила для учащихся. СПб. 1782.
36. ЕГО ЖЕ. Краткая Священная история. СПб. 1784.
37. ЕГО ЖЕ. Всемирная история. СПб. 1787.
38. ГАКМАН И.Ф., ЯНКОВИЧ де МИРИЕВО Ф.И. Краткое землеописание Российского государства. СПб. 1787.
39. КОМЕНСКИЙ Я.А., ЯНКОВИЧ де МИРИЕВО Ф.И. Зрелища Вселенныя. СПб. 1788.
40. Цит. по: ВОРОНОВ А.С. Ук. соч., с. 126.
41. Там же.
42. О перепечатывании книг, издаваемых от Комиссии о народных училищах. ПСЗ, т. 22, № 16 086, с. 267.
43. Там же.
44. О наблюдении, дабы содержатели пансионеров в точности исполняли предписанные уставом комиссии о народных училищах правила. ПСЗ. СПб. 1830, т. 23, № 16 895, с. 163.
45. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 730. Комиссия об учреждении народных училищ, оп. 1, д. 24. По высочайшему повелению о распространении учения в училище Общества благородных девиц, л. 2.
46. Там же, л. 39.
47. Там же, л. 2.
48. Там же, д. 66. О сочинении плана учения для Сухопутного Кадетского Корпуса и о назначении по требованию одного учителей, л. 26.
49. Там же.
50. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. 1800, ч. 5, с. 136.
51. Русский биографический словарь, т. 25, с. 139.
52. САИТОВ В.И. Петербургский некрополь. Т. 4. СПб. 1913, с. 695.

Работа фильтрационных лагерей НКВД в 1942 г.: влияние экономических факторов и ведомственных интересов

А. В. Латышев

Аннотация. В публикации на основе архивных источников дается обзор работы проверочно-фильтрационных лагерей НКВД в 1942 году. Анализируются их дислокация, условия материального снабжения, взаимодействие со сборно-пересыльными пунктами Наркома обороны. Автор приходит к выводу, что практики 1942 г. сложились во многом случайно, под влиянием внешних факторов, однако именно они в последующие годы стали ключевыми в работе фильтрационных лагерей.

Ключевые слова: вторая мировая война, военнопленные, лагеря НКВД, политические репрессии, принудительный труд.

Abstract. This publication on the basis of the archival sources gives a review of the work of the NKVD's filtration camps in the 1942 year. It examines the camp's dislocation, the conditions of the material supply, the interaction with the defense ministry's collective-transit stations. The author comes to the conclusion that the practices of 1942 year took shape mostly randomly under the influence of the external factors, but exactly these practices in the latter years become the key in the filtration camps work.

Key words: the Second world war, prisoners of war, NKVD's camps, political repressions, forced labour.

Действовавшие в годы второй мировой войны советские проверочно-фильтрационные (до 1945 г. называвшиеся специальными) лагеря не имели аналогов среди мест лишения свободы. Они были созданы постановлением ГКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г. для «бывших военнослужащих Красной армии», освобожденных из вражеского плена, бывших в окружении и проживавших на оккупированных территориях. С 1942 и до середины 1944 г. лагеря подчинялись управлению по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД. Люди, попавшие в них, должны были пройти так называемую проверку или фильтрацию, направ-

Латышев Артём Валерьевич — кандидат исторических наук, стажер-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Высшей школы экономики. E-mail: alatyshev@hse.ru.

Latyshev Artem V. — PhD (History), research assistant of the International Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences. E-mail: alatyshev@hse.ru.

ленную на выявление «изменников родине, шпионов и дезертиров», которую вели особые отделы НКВД¹.

В историографии² темы проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ) существует несколько направлений, рассматривающих их работу в разных контекстах. Долгое время преобладали публикации, в которых ПФЛ изучались в рамках начавшейся в конце войны репатриации советских граждан из Европы³. Некоторые историки обращались к описанию самих лагерей как пенитенциарных объектов и показали, что не менее важен анализ военного периода их работы⁴. При этом внимание исследователей сосредоточено преимущественно на 1943—1945 гг., тогда как 1942 — год создания и оформления системы фильтрационных учреждений — остается слабо изучен.

Имеющиеся попытки реконструкции деятельности сети лагерей либо полностью игнорируют 1942 год⁵, либо дают противоречивые данные, обозначая одни и те же объекты под разными названиями дважды, а другие упуская из вида⁶. Не раскрытым остается взаимодействие в 1942 г. ПФЛ со сборно-пересыльными пунктами (СПП) Наркомата обороны, в чьи задачи входило направление бывших пленных и окруженцев с передовой в лагерь. Большого внимания требуют практики трудового использования контингентов, которые на следующем этапе, с весны 1943 г., приобретут всеобщее распространение. В целом, необходимо оценить влияние на фильтрацию не только положения на фронте, но и ведомственных интересов.

Эти задачи планируется решить в данной публикации, рассмотрев работу ПФЛ в 1942 г. в контексте всей системы фильтрационных учреждений, действовавшей в условиях советской модели управления с характерной для нее ведомственностью. В качестве основных источников использовалась официальная документация НКВД: приказы об открытии лагерей⁷ и материалы руководившего ими УПВИ⁸. Дополнительно были задействованы отдельные документы управления тылом Западного фронта⁹, а также постановления Государственного комитета обороны (ГКО)¹⁰.

Несмотря на успешное наступление и перехват стратегической инициативы, положение СССР в начале 1942 г. оставалось крайне тяжелым. Армия понесла огромные потери, нехватку рабочих рук испытывала промышленность, а не менее 73 млн. чел. осталось на оккупированной территории¹¹. В этих условиях освобожденные пленные и окруженцы объективно были ценным источником воинских пополнений или рабочей силы. Однако первоначально ни командование фронтов, ни НКВД не воспринимали их в этом качестве.

В «бывших военнослужащих» были заинтересованы только органы госбезопасности на фронте. Они, вопреки указанию ГКО, направлять в ПФЛ всех бывших в плену и окружении, старались разоблачить среди них как можно больше шпионов. Так, особый отдел 2-й ударной армии сообщал, что 14 февраля «следственной частью и 2-м отделением в порядке фильтрации пропущено до 1000 человек — выходцев из вражеского плена и окружения, в числе которых выявлена значительная часть предателей»¹². В разрез с приказом о работе СПП, по которому на поступивших людей запрещалось составлять даже опросные листы¹³, часть из них также отбиралась особыми отделами. Согласно сведениям

о движении по СПП 50-й армии Западного фронта за 1942 г., из поступивших 4801 чел. в лагеря НКВД были отправлены 4501, в госпитали — 98, а еще 202 — «в органы особых отделов и прочее». На СПП 31-й армии за тот же период из поступивших 4147 в ПФЛ были отправлены 3844 чел., 143 — «органы особого отдела, прокуратуры и прочее». Еще 291 чел. — «непосредственно в органы отдела прокуратуры, минуя сборно-пересыльный пункт»¹⁴.

Большинство же, как показывают эти данные, отправлялось в ПФЛ, в распоряжение УПВИ. НКВД было вольно само определять, сколько лагерей и где открывать. Но конфигурация лагерной сети в январе-феврале всецело задавалась внешними факторами. Одним из них было неподвижное количество «бывших военнослужащих». Развертывание лагерей отставало от скорости их прибытия. На 1 февраля 1942 г. на СПП, в ПФЛ и на пути в лагеря находилось 77 113 человек¹⁵. К 23 февраля в ПФЛ содержалось 68 557 чел., ожидалось поступление еще 36 370 проверяемых¹⁶. Учитывая, что всего в 1942 г. в ПФЛ поступило 172 081 чел.¹⁷, пик нагрузки приходится на первые месяцы.

Процесс открытия фильтрационных лагерей и информация по каждому объекту наглядно представлены на карте, подготовленной Государственным музеем истории ГУЛАГа при участии автора данной публикации¹⁸. Изначально ПФЛ давались только «имена», как правило, производные от ближайшего населенного пункта. Номера им стали присваиваться только с марта. Первые лагеря создавались с привязкой к действовавшим фронтам: Грязовецкий № 150, Южский № 165, Фроловский № 248, Череповецкий № 158, Старобельский № 245, Рязанский № 178, Суздальский № 160, Острогжский № 268, Подольский № 174, Тамбовский¹⁹. Однако, как можно заметить, часть из них находилась довольно далеко от передовой. Зимние условия и общая скудность ресурсов делали проблематичным строительство новых лагерей, поэтому выбор дислокации отчасти был обусловлен экономией. Так, Грязовецкий ПФЛ располагался в монастыре святого Корнилия, использовавшегося ранее как дом отдыха²⁰, а Рязанский — в помещениях бывшей колонии²¹. Южский лагерь еще в 1939 г. принял пленных польских военнослужащих (а затем и красноармейцев, вернувшихся из финского плена)²². Для ряда ПФЛ планировалось использовать здания, принадлежавшие военным, что создавало дополнительные сложности. Фроловский ПФЛ изначально должен был располагаться в Ново-Аннино на территории госпиталя, но военные власти отказались его освободить от раненных красноармейцев, в такой же ситуации оказался и Череповецкий лагерь²³.

В дальнейшем становится сложнее проследить открытие новых лагерей, поскольку они могли создаваться без оформления приказами НКВД. Известно, что Радинский ПФЛ № 188 был развернут 24 января 1942 г. по постановлению Тамбовского городского комитета обороны во исполнение распоряжения замнаркома А.И. Серова²⁴. В феврале в документации УПВИ появились следующие ПФЛ: Саратовский (в Краснодарском крае), Новороссийский, Абинский № 240, Колтубанский № 252, Гороховецкий № 170, Усманский № 192, Валуйский № 196²⁵. Странное расположение Колтубанского ПФЛ на западе Чкаловской области может быть

связано с тем, что в июле 1941 г. УПВИ эвакуировалось из Москвы в Чкалов²⁶. Однако никаких подходящих помещений для организации лагеря там не было, два его отделения находились в 50 км друг от друга, люди жили в палатках, не было колодцев, как таковая отсутствовала охраняемая зона²⁷. Выбор же места для большинства других лагерей в феврале был обусловлен обстановкой на фронте. Например, появление трех ПФЛ в Краснодарском крае следует связывать с начавшимися в середине января боевыми действиями на Керченском полуострове.

Таким образом, в первые два месяца 1942 г. НКВД едва ли был способен использовать ПФЛ и их контингенты для решения своих собственных задач. Также к «бывшим военнослужащим» большого интереса не проявлял и НКО. При этом фильтрационная система создавалась под совместной юрисдикцией этих двух ведомств. Сборно-пересыльные пункты подчинялись Наркомату обороны, а ПФЛ, находясь в ведении НКВД, должны были обеспечиваться Управлением тыла НКО помещениями, казарменным инвентарем, постельными принадлежностями, питанием, отоплением, необходимым обмундированием и санитарной обработкой²⁸. Такое разделение полномочий при нехватке ресурсов, ведомственной незаинтересованности и большом количестве бывших пленных и окруженцев вскоре привело к неблагоприятным последствиям.

Сильнее всего они проявились в сфере снабжения, проблемы с которым начинались уже на СПП. Согласно положению об их работе, не имевшим подходящей сезону одежды полагался регламентированный минимум, а оставшимся без обуви — ботинки (выдача валенок запрещалась)²⁹. В реальности, однако, все могло быть наоборот: по словам прибывших в начале февраля в Череповецкий ПФЛ, на СПП в Ефремове у них было отобрано воинское обмундирование и выдана «рваная гражданская одежда». По оценке принявшего этап лагеря, «среди прибывших есть совершенно босые, большинство обуты в лапти и чуни и на 70% в одних лохмотьях»³⁰. Следствием невнимания военных к направляемым в ПФЛ контингентам было и отсутствие санитарной обработки. Ряд ПФЛ охватила эпидемия принесенного из сборно-пересыльных пунктов сыпного тифа³¹, что в итоге привело к введению на СПП карантина для всех прибывавших³².

Плохо были поставлены отправка и конвоирование «бывших военнослужащих» в ПФЛ. Как отмечал в своей директиве 15 февраля 1942 г. военный совет Западного фронта, в штаб Красной армии поступали донесения из ПФЛ и СПП о прибытии к ним контингентов без конвоя, продовольственных аттестатов и предварительных заявок. По пути в лагерь люди отставали и терялись: из 347 вышедших из СПП 20-й армии прибыло лишь 240 человек³³. Идущие в Череповецкий ПФЛ из СПП в Ефремове не имели достаточного запаса продуктов, поэтому конвоиры отпускали «бывших военнослужащих» на поиски питания в окрестные деревни. Отсутствие в эшелоне дров привело к поощряемому конвоем изъятию по пути следования всего, что горит. Это было остановлено лишь после начала массового демонтажа снегозаградительных щитов. Часть людей отстала от эшелона, часть прибыла в лагерь на 2 дня раньше, а кто-то предпочел бежать. При принятии эшелона также выяснилось, что среди прибывших было 176 чел., отсутствовавших в списках, в том числе

призывники и направленные из лазарета, которые никогда не находились в плену или окружении³⁴.

Главное же, что военные направляли контингент в приписанный к фронту лагерь по мере его поступления, никак не согласовывая это с УПВИ, которое лишалось возможности указать, какой ПФЛ сколько людей способен принять. Сами лагеря не имели прямой и быстрой связи ни со своим руководством, ни и с военными. Как зафиксировали в отчете применительно к Тамбовскому ПФЛ, «связи со штабами фронта и армий установить невозможно, поэтому сведения о нахождении на СПП и запасных частях армий и о количестве отправленного в лагерь контингента нет». В итоге в тот период для ПФЛ была типична ситуация, имевшая место в Колтубанском лагере, где при вместимости в 5000 чел. к 21 февраля поступило уже 7500, а военное командование намеревалось довести численность до 10000 человек. Для их размещения не хватало даже землянок, «а этапы все идут и идут» — обречено замечал начальник лагеря. На следующем его сообщении Берия оставил вопросительную резолюцию для начальника УПВИ: «Тов. Сопруненко. Кто дает направление в лагерь — вы или командование?»³⁵

Из других лагерей также докладывали о переполнении и бедственном положении со снабжением. В Южском ПФЛ для 1500 чел. не хватило места, и они размещались в неотапливаемых помещениях, среди прибывающих вшивость была стопроцентной, медикаменты отсутствовали³⁶. Начальник Фроловского ПФЛ сообщал, что «на контингент 3000 человек имеется 1000 штук кроватей, нар нет, умывальников нет... дрова подвозим за 40 км. из леса, для их транспортировки приходится выпрашивать трактора у местных организаций, так как у лагеря транспорта нет... обмундирование получено только 200 комплектов старого, белья нет, постельной принадлежности нет, люди лежат на голых железных кроватях и на полу... тарелок 1500, кружек 3000, ложек приобрели сами 3000 штук». Не нашлось помещения даже для особого отдела, вынужденного часть допросов проводить прямо в бараках размещения контингента³⁷.

В НКВД виновными в ситуации считали военных, которые формально несли ответственность за снабжение лагерей. По словам начальника Фроловского ПФЛ, «военный совет Сталинградского Военного округа... только сочувствует, выслушивая трудности лагеря, но реальной помощи не оказывает»³⁸. «Военное командование мер к оборудованию лагеря не принимает»³⁹ — вторил ему начальник особого отдела Колтубанского ПФЛ. В свою очередь, начальник тыла Красной армии А.В. Хрулёв в письме Берии 4 марта отмечал, что «еще в начале февраля перед УПВИ был поставлен вопрос о необходимости расширения существующей сети спецлагерей. Однако, это дело не получило надлежащего направления и по состоянию на 1 марта ни один из новых лагерей не вступил в строй». Ответственность военных округов Хрулёв разделил с самими ПФЛ: вторые ждут разного рода материальных благ, тогда как первые — «детальных заявок на предмет снабжения». Он распорядился послать в лагерь представителей довольствующих управлений, а военным округам «принять решительные меры по дооборудованию лагерей» и обеспечению снабжения⁴⁰. Однако масштабных действий Хрулёв ожидал и от НКВД,

предлагая создать новые небольшие ПФЛ недалеко от фронта, организовать самоснабжение и ускорить проведение проверки. К мысли об ускорении фильтрации Берия уже пришел сам — на сообщении с просьбой увеличить штат особого отдела Колтубанского спецлагеря от 24 февраля имеется его пометка: «организуите проверку быстрее, тогда лагерь разгрузится»⁴¹.

Как итог спора об ответственности, Главное управление тыла Красной армии 31 марта 1942 г. издало директиву, согласно которой «все расходы, связанные с оборудованием и содержанием спецлагерей, за исключением оплаты содержания постоянному начальствующему и красноармейскому составу войск НКВД и расходов, обращаемых на охрану, относить за счет соответствующих статей и сметы НКО»⁴². Другими мерами были проведение инспекций и назначение в военных округах и на фронтах лиц, ответственных за состояние ПФЛ. Таким образом, НКО, очевидно без большого желания, признал, что именно он обязан содержать бывших пленных и окруженцев во время фильтрации.

Однако и НКВД был вынужден придерживаться рекомендаций Хрулёва и действовать с большей оглядкой на военных. В ходе оптимизации лагерной сети два ПФЛ, Тамбовский и Валуйский, в апреле были закрыты. Новые объекты стали открываться с ориентацией на грядущие наступления Красной армии⁴³. В марте произошла явная концентрация лагерей в районе последующей Харьковской операции — были созданы Масловский, Белокалитвенский № 278 и Каменск-Шахтинский № 280 лагеря. В районе наступления в Крыму открылся Керченский спецлагерь № 250. Он оказался настолько близко к линии фронта, что 2 марта был подвергнут бомбардировке зажигательными бомбами⁴⁴. Боровичский ПФЛ № 270 создавался в непосредственной близости от района активной шедшей Любанской наступательной операции. Для других участков фронта развертывались Красногорский № 27 и Явасский лагеря.

О сохранении сложностей с материальными и кадровыми ресурсами говорит ставшее постоянным в приказах о создании ПФЛ требование начальнику областного Управления НКВД, несмотря на снабжение лагерей по линии НКО, оказать им «необходимую помощь». Фактическое время начала работы новых лагерей существенно отодвигалось от планируемого. Так, начальник Белокалитвенского ПФЛ № 278, назначенный приказом от 7 марта, прибыл в лагерь 24 марта и 29 марта доложил в УПВИ, что, помимо него, имеется всего 2 сотрудника, а лагерь как таковой не организован⁴⁵. Данная информация, учитывая прекращение упоминания лагеря с мая 1942 г., заставляет предположить, что он так и не приступил к работе.

Что касается предложений Хрулёва по самоснабжению ПФЛ, то приказ НКО от 31 марта 1942 г. даже неоправданно оптимистично предполагал рентабельность. Согласно ему, в результате хозяйственной деятельности лагеря 50% дохода переводилось на счет участвовавших в работах контингентов, 50% уходило на амортизацию фондов, а «остатки» шли в доход государству⁴⁶. Принудительный труд противоречил установленному в лагерях режиму, мешал проведению фильтрации и первоначально имел вынужденный характер. Однако подсобные хозяйства быстро росли в самых неблагоприятных условиях: Керченский ПФЛ, спешно эвакуиру-

ясь, при ликвидации сдал полторы тонны сельди ⁴⁷, северный Грязовецкий ПФЛ к июню обрабатывал 67 га земли и заготавливал лес на делянке в 15 гектаров, Южский ПФЛ к августу скосил сена с 205 га, выращивал овес на 50 и картофель на 31 гектарах ⁴⁸.

Наличие собственного хозяйства и продуктовых ресурсов в условиях напряженной ситуации с продовольствием в тылу ⁴⁹ позволяло лагерям не только выживать, но и взаимодействовать с другими хозяйственными организациями. Так, Радинский лагерь с санкции УПВИ предоставлял рабочую силу военсовхозу, колхозам и мясокомбинату ⁵⁰. Посетивший в мае Старобельский ПФЛ замнаркома Серов дал указание «исправить дорогу по улице Кирова около лагеря, для чего договориться с местными властями о совместной работе по исправлению дороги и улицы» ⁵¹. Лагеря могли накопить достаточно ресурсов и для проведения различных сделок. Например, командование Грязовецкого ПФЛ в сентябре 1942 г. купило бы в соседней деревне под лазарет «хороший, крытый дранкой» дом за 20 пудов (328 кг.) хлеба, если бы руководство УПВИ не подвергло намечающуюся сделку суровой критике ⁵².

В марте перед экономикой страны остро встала задача восстановления шахт и добычи угля в Подмосковном угольном бассейне. Это прямо касалось шефа НКВД Берии, как члена ГКО, курировавшего в годы войны угольную промышленность ⁵³. По его личному указанию ⁵⁴ приказом НКВД от 20 марта, еще до завершения спора о снабжении с НКО, создавался Тульский ПФЛ на 5000 человек ⁵⁵. Неизвестно, в какой мере это была вынужденная импровизация, а в какой эксперимент по использованию труда «бывших военнослужащих». Но в дальнейшем этот лагерь будет известен как Сталиногорский или Угольный, станет одним из крупнейших производственных ПФЛ и закроется только после окончания войны ⁵⁶.

Это был новый тип лагеря, где фильтрация и отправка людей в армию утратили свое приоритетное значение. Изначально в Сталиногорск контингенты отправляли не со сборно-пересыльных пунктов, а из других лагерей. Отбирался только рядовой и младший начсостав — командиров, которые имели право не работать, держать там не было смысла. К марту 1943 г. из 9018 поступивших военных в Красную армию были отправлены только 1125. Среди оставшихся многие уже прошли проверку, но продолжали содержаться в лагере ⁵⁷. Столь грубое нарушение законов и решения ГКО показывает, что Берия начал относиться к попавшим в ПФЛ как к доступному только ему ресурсу рабочей силы. Но пока «бывшие военнослужащие» также могли использоваться им и в качестве предмета торга, что показывает послание от начала мая к начальнику Главного управления формирования и укомплектования НКО Е. А. Щаденко. В нем шеф НКВД просил освободить от призыва в армию рабочих двух предприятий: «взамен освобожденных от мобилизации призывников рождения 1922—1924 года Вам будет выделено такое же число вышедших из окружения» ⁵⁸.

Однако весной 1942 г. ведомственные аппетиты умирляла ситуация на фронте, требовавшая дальнейшего ускорения разгрузки ПФЛ от потенциальной рабочей силы. Продолжавшиеся попытки Красной армии наступать приводили к большим потерям. В середине марта особым от-

делам ПФЛ было дано указание вместо индивидуальных заключений оформлять на проверенных списки, которые становились основанием для освобождения. В том же документе сообщалось, что НКО приказал военкоматам «принимать освобождаемых без всякого промедления» и «предупредил, что в случае несвоевременного приема освобождаемых или каких-либо тормозов в приеме виновные будут строго наказываться»⁵⁹. Постановлением ГКО № 1526сс от 3 апреля 1942 г., среди авторов проекта которого был и Берия, предписывалось передать армии в апреле, помимо прочих, 70 000 чел. «из числа военнослужащих, вернувшихся из окружения и проверенных в спецлагерях НКВД»⁶⁰.

Ситуация продолжала ухудшаться, и к лету стратегическая инициатива на фронте перешла к Германии. Согласно составленному позже докладу УПВИ, «большая часть лагерей была в этот период ликвидирована в связи с отходом частей Красной Армии»⁶¹. Видимо, среди них были Саратовский, Масловский и Старобельский. Представление об обстановке, в которой это происходило, дает отчет об эвакуации Абинского ПФЛ, незадолго до и в ходе которой в его состав влились Керченский и Новороссийский лагеря. Начальник лагеря, потеряв связь с руководством, 2 августа принял решение пешком эвакуировать оставшихся 665 чел. и весь персонал. Дойдя до Белореченской и узнав, что она уже в руках немцев, эшелон по черноморскому побережью двинулся на Сочи и Туапсе. Здесь он потерял 126 чел. убитыми и ранеными — дорога была загружена отходившими частями Красной армии и бомбилась немцами. После прибытия в Сочи в местный военкомат были сданы проходившие проверку, арестованные переданы 230-му конвойному полку НКВД, а руководство лагеря отправилось в Азербайджан⁶².

Лагеря в других регионах закрывались из-за отсутствия новых людских поступлений, что еще весной произошло с Гороховецким и Белокалитвенским ПФЛ. Перестали фигурировать в приказах НКВД и документации УПВИ Явасский и Усманский лагеря. В июне на базе Череповецкого, Боровичского, Красногорского, Острогжского и Каменск-Шахтинского ПФЛ были открыты лагеря-распределители для военнопленных⁶³. В начале августа аналогичная судьба постигла Фроловский лагерь⁶⁴. Причины трансформаций именно в лагеря для военнопленных не ясны, так как летом 1942 г. ход боевых действий не предполагал большого их числа. Часть сменивших профиль объектов также была вынуждена спешно эвакуироваться.

В конце августа на Кавказ прибыло руководство НКВД во главе с Берией. Из Тбилиси он распорядился о создании трех ПФЛ: двух в Грузии (Хобский и Караязский) и одного в Азербайджане (Кировобадский). Они предназначались для быстрой, не более чем за 5 дней, проверки в целях «выявления дезертиров, шпионов и иных подозрительных элементов среди военнослужащих частей Красной армии Северо-Кавказского и бывшего Южного фронтов, отходящих на территорию Закавказского фронта». Также заградотрядам предписывалось направлять в ПФЛ «всех задержанных военнослужащих Красной армии, отступающих с фронта в разрозненном порядке»⁶⁵. Создание этих ПФЛ было направлено даже не столько на фильтрацию, которую едва ли можно было осуществить в столь короткие сроки, сколько на наведение порядка в тылу и прифр-

ронтовой полосе. В итоге, вместо трех самостоятельных лагерей, на базе эвакуированного Абинского был создан один — Кировобадский ПФЛ № 240 с удаленным филиалом в местечке Хоби ⁶⁶.

В этот период, в связи с острой нехваткой людских ресурсов, усилилось внимание военных к бывшим пленным и окруженцам. В начале сентября в УПВИ обратился штаб тыла Красной армии — по сведениям военного совета Сталинградского военного округа, «на территории Астрахани имеется значительное количество военнослужащих, находившихся в плену и в окружении противника», в связи с чем он просил организовать ПФЛ в этом районе ⁶⁷. Правда, приехавшему на место работнику УПВИ штабисты сообщили, что «за 1,5 месяца контингента поступило около 350 человек и они направляются в Радинский спецлагерь», и «спецлагеря для бывших военнослужащих в настоящее время для фронта не требуется. Но с переходом в наступление этот лагерь потребуются» ⁶⁸. В итоге новый лагерь развернут не был, но по просьбе военных до ноября 1942 г. было отложено закрытие Радинского ПФЛ.

Вторым открытым во второй половине 1942 г. ПФЛ стал Камышинский № 170. Несмотря на переброску туда из других ПФЛ 12 чекистов для проведения фильтрации, он был создан с чисто производственной задачей. Собранные в нем 2200 чел., вместе со многими другими категориями рабочей силы, использовались в июле-августе на отдельных участках строительства железной дороги Камышин — Иловля ⁶⁹. К сентябрю строительство было завершено.

К ноябрю 1942 г. сохранилось всего 8 лагерей: Грязовецкий, Суздальский, Южский, Рязанский, Кировобадский, Колтубанский, Сталиногорский и Подольский (последний находился в состоянии консервации с 1 августа 1942 по февраль 1943 г.) ⁷⁰. Начальники опустевших ПФЛ составляли планы обороны лагеря «на случай воздушно-наземного нападения противника» ⁷¹. Зимой 1942—1943 гг. Суздальский и Южский лагеря также прекратили свою работу. На неактивных участках фронта закрывались сборно-пересыльные пункты. На Западном фронте самостоятельные СПП были расформированы еще в начале октября. Функции СПП 16-й армии были переданы дорожно-комендантской роте 150-го отдельного дорожно-эксплуатационного батальона (ОДЭБ), поскольку контингент не поступал с октября 1942 по февраль 1943 года ⁷². В других армиях фронта немногочисленные «бывшие военнослужащие» также направлялись в ОДЭБы. Осенью 1942 г. система фильтрации практически прекратила свое существование.

Однако продолжал расти Сталиногорский ПФЛ. Постановление ГКО № 2439с от 23 октября 1942 г. обязывало НКВД в трехдневный срок «направить на постоянную работу в Подмосковский бассейн 2000 человек из числа вышедших из окружения» ⁷³. НКВД планировал шире использовать труд контингентов, но их количество не позволяло это сделать. Например, из проекта приказа № 001824 от 21 августа 1942 г. был вычеркнут пункт о направлении из Сталиногорского ПФЛ на строительство Сталиногорского химического комбината 2500 человек ⁷⁴. Только в начале октября ГКО, по проекту Берии и наркома химической промышленности М.Г. Первухина, принял постановление № 2372сс о выделении этому предприятию «500 человек рабочих из состава спецлагеря» ⁷⁵. Это свиде-

тельствует о том, что к концу 1942 г. в НКВД «бывших военнослужащих» воспринимали в первую очередь как рабочую силу.

После прохождения проверки в ПФЛ большинство бывших пленных и окруженцев направлялось в воинские части: к концу 1942 г. из 172 081 чел. 150 512 были отправлены в военкоматы ⁷⁶. Однако существует интерпретация, согласно которой, в случае более успешного для СССР развития событий на фронте в 1942 г., все попавшие в ПФЛ подверглись бы жестким репрессиям ⁷⁷. Власть ранее уже поступила так с вернувшимися из плена после войны с Финляндией ⁷⁸. В конце же 1941—1942 гг. советское руководство было всерьез уверено в скором поражении Германии ⁷⁹, и создание ПФЛ выглядело как подготовка к послевоенным репрессиям.

Имеющиеся источники не позволяют подтвердить или опровергнуть это предположение. Однако они показывают, что практики работы ПФЛ в 1942 г. складывались стихийно, в значительной степени определяясь внешними обстоятельствами и ведомственными интересами. В первые месяцы 1942 г. для Наркомата обороны и НКВД «бывшие военнослужащие» были скорее обузой. Подчиненные НКО сборно-пересыльные пункты организовывали сбор и этапирование, будучи мало заинтересованы в текущем состоянии и дальнейшей судьбе контингентов. Ведавший фильтрационными лагерями НКВД оказался не готов к развертыванию массы объектов в зимних условиях и организации их снабжения. Расположение открытых в начале 1942 г. ПФЛ определялось массовым поступлением людей, положением на фронте и потребностью в экономии ресурсов.

Непредвиденно большое количество «бывших военнослужащих» в условиях разделения ответственности за лагеря между НКВД и НКО и слабой ведомственной заинтересованности привело в марте 1942 г. к кризису. Помимо упорядочивания системы снабжения и ускоренной разгрузки лагерей, он имел и менее очевидные последствия, а именно — начало трудового использования контингентов ПФЛ. Оно было призвано улучшить материальное положение лагерей, но также прокладывало дорогу к эксплуатации «бывших военнослужащих» на промышленных объектах в будущем. Одновременно в марте в Сталиногорске был создан первый ПФЛ производственного типа.

Летом 1942 г. сокращение потока освобожденных из плена и бывших в окружении привело к сворачиванию сети ПФЛ, а немецкое наступление заставило часть из них экстренно эвакуироваться. К этому моменту попавшие в ПФЛ уже воспринимались как возможная рабочая сила, что привело к открытию второго производственного лагеря для строительства железнодорожной линии Камышин — Иловля. К концу лета 1942 г. вырос интерес военного командования к расположению ПФЛ как можно ближе к линии фронта и быстрейшему поступлению из них пополнений. Осенью 1942 г., на фоне дальнейшего закрытия лагерей и СПП, НКВД окончательно признал потенциал трудового использования «бывших военнослужащих», ценность их не только как предмета торга с военными, но и как рабочей силы.

Таким образом, можно говорить о том, что в течение 1942 г. бывшие пленные и окруженцы прошли в глазах НКО и НКВД путь от «лишних ртов» до ценных людских ресурсов. Если в начале года никто не обращал внимание на задержку контингента для фильтрации и отбор его

части фронтовыми особыми отелами, то уже весной НКВД, в свою очередь, сделал проверку в производственном Сталиногорском лагере фактически бессрочной. Начало 1943 г. дало НКО серьезные преимущества в борьбе за людские ресурсы: постановление ГКО № 2779сс от 21 января разрешило командующим фронтами использовать для пополнения действующей армии часть «бывших военнослужащих» после «надлежащей их фильтрации на месте в армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктах»⁸⁰. Однако в этих условиях сеть ПФЛ не только не прекратила свое существование, но и стала расширяться, а искусственное затягивание фильтрации и эксплуатация контингента приобрели повсеместный масштаб. Представляется, что новый облик действовавших в массе своей до 1946—1947 гг. ПФЛ определили практики, сложившиеся в 1942 г. под влиянием ряда случайностей, внешних факторов, импровизаций и ситуационных ведомственных интересов.

Примечания

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

1. 1941 год. Сб. документов. Кн. 2. М. 1998, с. 479—480.
2. По теме имеется историографическая работа: РЯБОВА А.В. Изучение проблемы «фильтрации» советских граждан в 1940—1950-е годы в отечественной историографии. В кн.: Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия: История. Филология. Новосибирск. Т. 7. 2008, вып. 1.
3. БИЧЕХВОСТ А.Ф. История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944—1953 гг.) Саратов. 2008; ВЕРТИЛЕЦКАЯ Е.В., МОТРЕВИЧ В.П. «Фильтрация» репатриантов в Свердловской области в 1945—1947 гг. В кн.: История пенитенциарной системы России в XX веке: сб. мат. межд. науч. семинара. Вологда. 2007; ГОВОРОВ И.В. Фильтрация советских репатриантов в 40-е гг. XX в. Цели, методы, итоги. — *Sahier du Monde Russe*. 2008. vol. 49, № 2—3; ЗЕМСКОВ В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944—1952 гг. М. 2016.
4. Из последних работ см.: ГАЕВСКАЯ Ж.Ю. Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда в 1943—1945 гг. — Вестник архивиста. 2015, № 1; МЕСИТОВ Н. История, рассказанная фондом Р-1368. В кн.: Цена победы: Российские школьники о войне: Сб. работ победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». М. 2005; МИЗИС Ю.А. Медицинское обслуживание в лагерях военнопленных в годы Второй Мировой войны (на примере лагеря № 188, станция Рада под Тамбовом). — Вестник Тамбовского университета. 2013, № 8 (124).
5. РЯБОВА А.В. «Фильтрация» советских граждан в 1940—1950-е годы. В кн.: Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск. 2010.
6. ШЕВЧЕНКО В.В. Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941—1946 гг.: дисс. канд. ист. наук. Волгоград. 2010.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9401. оп. 1а.
8. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1п, 3п.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), ф. 208. оп. 2563, д. 28.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 644, оп. 2. Документы доступны на сайте «Документы советской эпохи». URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=366101>.
11. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М. 2010, с. 223.
12. Лубянка в дни битвы за Москву. М. 2002, с. 340.

13. РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 66, л. 401—406.
14. ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2564, д. 28, л. 8, 39.
15. РГВА, ф. 1п, оп. 7а, д. 1, л. 54.
16. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. М. 2003, кн. 1, с. 183.
17. РГВА, ф. 1п, оп. 23а, д. 2, л. 121.
18. Пополняющуюся базу данных по истории и географии исправительно-трудовых лагерей, действовавших в СССР с 1918 по 1960 г., см.: URL: <https://gulagmap.ru>.
19. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Курск. 1999, ч. 1, с. 463—466.
20. РГВА, ф. 1п, оп. 35а, д. 25, л. 1.
21. Там же, оп. 7а, д. 2, л. 13.
22. НОСЫРЕВА Л., НАЗАРОВА Т. Пойдем на Голгофу, мой брат. — Родина. 1995, № 12, с. 105.
23. Там же, с. 17.
24. АБРАМОВА Г. А. Спецконтингент радинского лагеря № 188 НКВД СССР. 1941—1942 гг.: по материалам ГА ТО. — Советский плен глазами узников Моршанского концлагеря 1940-х гг.: мат. междунауч. конф.-выставки. Тамбов. 2008. с. 58; МИЗИС Ю. А. Тамбовский спецлагерь для «бывших военнослужащих» Красной Армии. — Историко-культурное наследие города Тамбова. Тамбов. 2013. с. 114.
25. РГВА, ф. 1п, оп. 7а, д. 1, 2; оп. 2з, д. 1.
26. ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 1а, д. 90, л. 26—26об.
27. РГВА, ф. 1п, оп. 7а, д. 2, л. 57—58.
28. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Курск. 1999, ч. 1. с. 463—466.
29. РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 66, л. 407.
30. Там же, ф. 1п, оп. 8в, д. 6, л. 3.
31. Там же, оп. 7а, д. 1, л. 12; д. 2, л. 103; КУЗЬМИНЫХ А. Л., СТАРОСТИН С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника. — Российская история. 2010, № 3, с. 49.
32. РГВА, ф. 1п, оп. 2з, д. 1, л. 143об.
33. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М. 1992, с. 158—159.
34. РГВА, ф. 1п, оп. 8в, д. 6, л. 2.
35. Там же, оп. 7а, д. 1, л. 10, 45; д. 2, л. 57—58.
36. Там же, д. 2, л. 43.
37. Там же, д. 1, л. 7.
38. Там же.
39. Там же, л. 10.
40. Там же, л. 15.
41. Там же, л. 10.
42. ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 30, л. 16.
43. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 2. М. 2004, с. 215—216.
44. РГВА, ф. 1п, оп. 7а, д. 1, л. 28.
45. Там же, д. 2, л. 88.
46. ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 30, л. 16.
47. РГВА, ф. 1п, оп. 7а, д. 3, л. 42.
48. Там же, д. 2, л. 165, 242.
49. См.: ФИЛЬЦЕР Д. Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй мировой войны. В кн.: СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М. 2014.
50. АБРАМОВА Г. А. Ук. соч., с. 64.
51. РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 36, л. 52.
52. Там же, д. 27, л. 83.
53. ГОРЬКОВ Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М. 2002, с. 521.
54. РГВА, ф. 1п, оп. 12в, д. 7, л. 162об.

55. ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 636, л. 290.
56. Подробнее см.: КЛОЧКОВ А.Н. Деятельность лагерей НКВД СССР на территории Тульской области. В кн.: Великая Отечественная война: История и историческая память в России и мире. Т. 1. Тула. 2015.
57. РГВА, ф. 1п, оп. 9а, д. 24, л. 54.
58. ГА РФ, ф. 5446, оп. 83с, д. 55, л. 423.
59. ЦГАМО РФ, ф. 4616. оп. 1, д. 7, л. 3.
60. РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 45, л. 120, 124.
61. РГВА, ф. 1п, оп. 23а, д. 2, л. 119.
62. Там же, оп. 7а, д. 2, л. 310—312об.
63. ЦУНАЕВА Е.М. Учреждения военного плена НКВД-МВД (1939—1953) Волгоград. 2010, с. 103.
64. РГВА, ф. 1п, оп. 7а, д. 2, л. 240—241.
65. ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 642, л. 409—410.
66. РГВА, ф. 1п, оп. 7а, д. 2, л. 311.
67. Там же, л. 299.
68. РГВА, ф. 1п, оп. 6в, д. 10, л. 59.
69. ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 641, л. 54.
70. РГВА, ф. 1п, оп. 2и, д. 4, л. 86.
71. Там же, оп. 9в, д. 44, л. 318—320; д. 52, л. 1—4.
72. ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2564, д. 28, л. 30, 76.
73. РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 104, л. 3.
74. ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 642, л. 257.
75. РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 98, л. 14—17.
76. РГВА, ф. 1п, оп. 23а, д. 2, л. 121.
77. ГОЛЬДБЕРГ Р.С., ПЕТРУШИН А.А. Запрещенные солдаты. Т. 2. Тюмень. 2006, кн. 1, с. 25.
78. ФРОЛОВ Д.Д. Советско-финский плен. 1939—1944. По обе стороны колючей проволоки. СПб. 2009.
79. РОБЕРТС Д. Иосиф Сталин: От Второй мировой до «холодной войны», 1939—1953. М. 2014, с. 165—169, 178.
80. РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 128. л. 111.

Становление общих собраний как органа самоуправления моряков Балтийского флота в июне 1917 г.

Д. А. Бажанов

Аннотация. В предлагаемой работе ставится цель рассмотреть обстоятельства и причины становления общих собраний экипажей кораблей Балтийского флота. Для решения поставленной задачи автором на основе документов РГАВМФ и РГАСПИ, материалов периодической печати анализируется политическая обстановка на флоте в начале лета 1917 г., рассматривается положение и функционирование общих собраний накануне этого периода. В результате делаются выводы о попытках использования собраний радикальными течениями в качестве инструмента влияния на военных моряков. В то же время отмечаются сложности, а также определенный раскол во взглядах, который препятствовал их развитию на данном этапе.

Ключевые слова: Балтийский флот, общие собрания, Центробалт, революция 1917 г., судовые комитеты.

Abstract. The proposed work aims to consider the circumstances and the reasons for the formation of common assemblies of the Baltic Fleet ships crews. To solve the task, the author analyzes the political situation in the fleet at the beginning of the summer of 1917 on the basis of archive documents saved at the funds of RGAVMF and RGASPI, periodical materials, studies the situation and the aspects of common assemblies functioning on the eve of this period. As a result, the author marks the radical currents attempts to use assemblies as an instrument of the influence on military sailors. At the same time, the article summarizes the difficulties in that process, as well as a certain split in the views within the assemblies, which hindered their development at this stage.

Key words: Baltic Fleet, common assemblies, Revolution of 1917, ship committees, Tsentrobalt.

Вооруженные силы нередко играют важнейшую роль в революционных событиях. Они способны придать импульс развитию революции, повлиять на исход политического противостояния, выступив на чьей-ли-

Бажанов Денис Александрович — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург. E-mail: dbazhanov@herzen.spb.ru.

Bazhanov Denis A. — candidate of historical sciences (PhD), associate professor of the State Pedagogical University of Russia named after A.I. Herzen. St. Petersburg. E-mail: dbazhanov@herzen.spb.ru.

бо стороне. Не стал исключением революционный процесс в России 1917 года. Из-за близости к революционной столице — Петрограду — личный состав Балтийского флота был быстро вовлечен в водоворот событий.

С первых революционных дней представители рядового состава столкнулись с колоссальными изменениями в своем положении. Уже первые приказы нового морского министра А.И. Гучкова и командующего флотом вице-адмирала А.С. Максимова оформили отмену прежних обращений, санкционировали курение на улицах городов. Однако эти приказы не отразили всех изменений. Важнейшие из них затронули систему управления жизнью экипажей. Суть перемен современник увидел так: «Всего лишь в течение нескольких часов на корабле образовались два лагеря: один — офицеры с подорванной моралью..., другой — матросы, утратившие дисциплину, едва лишь стало известно об отречении государя»¹. В таких условиях рядовые и унтер-офицеры противопоставили прежней системе единоличного управления коллективное, понимаемое как демократическое. Выражением этого начала стали общие собрания, которые в первые месяцы революции играли скорее вспомогательную роль, оставаясь в тени многочисленных комитетов. Однако летом они стали обретать собственный «голос», отражавший противоречия и изменчивость настроений личного состава и дававший ему невиданную свободу высказывания. Этим они и заслужили ту популярность и силу, которая будет проявляться на Балтике вплоть до «Кронштадтского мятежа». Обстоятельствам и причинам роста самостоятельности этого органа самоуправления военных моряков в июне 1917 г. посвящается предлагаемая публикация.

Данный орган самоуправления в научной литературе является малоизученным. С начала 1920-х гг., когда еще были сильны воспоминания о событиях марта 1921 г. в Кронштадте, отечественные исследователи предпочитали в качестве альтернативы командному составу рассматривать комитеты. Оценки зависели от их положения в 1917 году. М.А. Петров, помощник флаг-капитана по оперативной части штаба флота, отмечал, что судовые комитеты своим стремлением управлять корабельной жизнью на деле вносили в нее дезорганизацию, подрывая принцип единоначалия². Г.И. Силин, один из создателей Центробалта, подчеркивал его объединяющую роль, связь с комитетами, растущий авторитет и заслуги в деле развития революции на Балтике³. Иной подход предлагался в статье В.П. Автухова, посвященной влиянию июльского кризиса на Балтийский флот. Автор рассматривал обстановку на флоте как результат борьбы партийных организаций, а также действий агитаторов. Поэтому, оценивая положение дел в Гельсингфорсе, он указывал, что там «команды были активнее и настроены по-большевистски», и прямо связывал это с отношением моряков к А.М. Коллонгай, И.Т. Смилге, В.А. Антонову-Овсеенко⁴. В то же время, исследователь не раскрывает, как проявлялось это влияние, в чем выражался большевистский настрой.

С 1930-х гг. подобный подход, когда революционный процесс представлялся через воздействие различных партий на массы, стал доминирующим. Переход к нему характерен, в частности, для работ А.К. Дрезена. Так, если в конце 1920-х гг. он рассматривал перипетии революционных

событий через роль и противостояние организаций матросов и офицеров⁵, то спустя несколько лет в фокусе его внимания оказались вопросы распространения большевистского влияния⁶. Он отмечал, что в июне «процесс большевизации проник чрезвычайно глубоко во флот и что все попытки, как правительства, так и соглашательских партий встречают крепкий отпор матросов Балтфлота»⁷. В дальнейшем этот взгляд был постуализирован в одном из определявших дальнейший взгляд на революцию 1917 г. трудов — «Истории гражданской войны»⁸. В главе «Большевистская партия в борьбе за массы» авторы сформулировали основное направление исследований революционных событий в вооруженных силах весной-летом 1917 г. как борьбу большевиков за «освобождение масс от доверия к “верхам” и самообмана». В качестве механизмов выступала агитационная деятельность партийных ячеек военных организаций большевиков и издание газет. События начала лета рассматривались как крупный успех большевиков, о чем свидетельствовал рост антивоенных настроений⁹. Однако реакция военных на другие вопросы, такие как роль органов самоуправления, авторами игнорировалась. В таком ключе был подготовлен целый ряд обобщающих работ по истории революции на Балтике¹⁰.

В 1960-е гг. историки вновь стали уделять больше внимания вопросам самоуправления военных моряков. Вышел ряд публикаций, посвященных деятельности ЦКБФ¹¹, а также комитетов и профессиональных организаций¹². Однако и эти авторы представляли комитеты как средство политической борьбы партии большевиков на определенном этапе революции и классового противостояния рядовых и командного состава.

Впервые внимание общим собраниям солдат, рассматривавшимся, однако, через митинги, уделил Г.Л. Соболев¹³. Исследователь на примере частей Петроградского гарнизона показал зависимость требований, взглядов личного состава частей от авторитета общего собрания. Интерес представляет и тот факт, что впервые это явление автор изучил на примере именно процессов, протекавших в столице в июне 1917 года¹⁴. В.И. Миллер в более поздней работе обозначил проблему взаимоотношений комитетов с избирателями как фактор их легитимности, поставив вопрос о самом их статусе. Однако рассматривать общие собрания как полноценного партнера комитетов в управлении жизнью воинских частей он не стал¹⁵. На современном этапе роль общих собраний по-прежнему остается слабоизученной. Исключение представляют работы К.А. Тарасова, где автор затронул общеполковые собрания и комитеты частей столичного гарнизона как часть механизма воздействия радикальных партий на солдат¹⁶. В то же время способы повышения влияния собраний на жизнь воинских частей, вопросы, решение которых они постепенно брали под контроль, автор не рассматривал.

Для зарубежных историков данная проблема также находится на периферии. Некоторое внимание деятельности судовых комитетов уделил в своей работе Н. Саул. Он представлял их как «передаточный механизм» между командным и рядовым составом, который впоследствии нарушил равновесие, сложившееся в первые месяцы. В то же время вопросы связи комитетов с экипажами он не рассматривал¹⁷. С позиции борьбы партий проблему затронул Э. Модсли¹⁸, сделав акцент на политизации матрос-

ских масс в 1917 году. В качестве одного из факторов радикализации их настроений автор рассматривал митинги. В то же время его интересовали чисто политические мероприятия на берегу, а собственно общие собрания им также не рассматривались. Вклад в разработку проблемы вносят работы А. Уайлдмана¹⁹. Американский исследователь, рассмотрев социальный состав «комитетского класса», пришел к выводу, что представители этих групп (интеллигенция, городское население) отличались от основной массы солдат, которую составляли крестьяне, и очень быстро перестали быть выразителями интересов своих выборщиков. К противоположному выводу об отсутствии отчуждения между личным составом и их представителями в комитетах пришел М.С. Френкин²⁰. Лишь агитация радикалов, главным образом большевиков, способствовала, по его мнению, кризисным явлениям во взаимоотношениях солдат и их комитетов. В то же время связи избирателей и депутатов этим автором практически не раскрывались.

Балтийский флот к началу Февральской революции решал несколько задач. Главной из них была оборона столицы от возможного прорыва германского флота через минные заграждения, выставленные в Финском заливе между Ревелем (Таллин) и Гельсингфорсом (Хельсинки). Кроме этого флот должен был прикрывать правый фланг Северного фронта, не давая противнику развернуть наступательные операции на Ригу через Рижский залив. Наконец, еще одна задача — оборона Великого княжества Финляндского. Это многообразие функций и объясняет некоторую расплывчатость сил флота. Основными местами базирования являлись Гельсингфорс и Ревель. Также небольшие отряды зимовали в Моонзундском архипелаге, Або (Турку). Устаревшие и учебные корабли находились в тыловом Кронштадте. Близость к столице, ставшей центром революции, а также действия командования сказались на сценариях вступления экипажей в революцию. В Петрограде, Кронштадте и Гельсингфорсе без кровопролития обойтись не удалось, в Ревеле, Моонзунде, Або падение монархии было воспринято более спокойно. В то же время, независимо от обстоятельств, общие собрания на кораблях Балтийского флота возникали стихийно в первые часы «втягивания» в революцию. Первое общее собрание, по имеющимся данным, 28 февраля 1917 г. провела команда крейсера «Аврора», находившегося на ремонте в столице. В этот день толпой на набережной были убиты командир и ранен старший офицер крейсера. Собрание избрало новых, а также судовой комитет²¹. Начало деятельности собраний других команд пришлось на первую декаду марта. Команды, пользуясь ими, подтверждали полномочия судовых делегатов, избранных в новые органы самоуправления, либо проводили их выборы.

В весенние месяцы общие собрания проходили нерегулярно, содержание их деятельности сводилось к реализации избирательного права моряков. На крейсере «Баян», например, первое собрание состоялось 12 марта для утверждения состава комиссии по кормлению, затем трансформировавшейся в судовой комитет. 20 мая экипаж выбирал представителей на 1-й съезд моряков Балтики, а 6 июня — переизбирал комитет. Экипаж минного заградителя «Волга» 15 марта на собрании избрал представителей в Ревельский Совет²². Вторым важным вопросом, окончательное решение которого относилось к компетенции всего личного состава,

было увольнение с корабля. За период с марта по май 1917 г. выявлено не менее 22 случаев, когда общие собрания добивались списания представителей командного состава — от начальников соединений и командиров кораблей до командиров рот и инженер-механиков. Аналогичные действия предпринимались и в отношении представителей унтер-офицерского и рядового составов²³. Резолюции выражали и реакцию команд на проходившие на кораблях политические мероприятия. Важную роль в передаче политической составляющей жизни личного состава кораблей Балтийского флота сыграли постановления Советов. По данным Тарасова, 21 марта на заседании Петроградского Совета совместно с делегатами ротных, батальонных и полковых комитетов было принято решение о признании главенствующей роли Совета в жизни частей столичного гарнизона. У комитетов осталось право обсуждения политических вопросов²⁴. В аналогичном направлении шли и некоторые Советы на Балтике. Например, постановление Исполкома Гельсингфорсского Совета от 12 апреля о «нежелательности» выступления комитетов по политическим вопросам²⁵ превратило общие собрания в единственный «политический клапан». Монополизировал право на проведение политических мероприятий Кронштадтский Совет. После неорганизованных выступлений ряда частей и кораблей 25 мая в связи с известными событиями «Кронштадтской республики» он запретил участие в любых не санкционированных им акциях²⁶.

В то же время, на кораблях Балтийского флота в этот период не прослеживается слияния митингов и общих собраний команд, которое обнаружил в частях столичного гарнизона Тарасов²⁷. Скорее всего, это связано с недостатками организации митингов непосредственно на кораблях: сравнительно небольшая, по сравнению с сухопутными, численность аудитории, а также ограниченность площади. К тому же, с апреля корабли стали чаще выходить в море, меньше находясь на базах. Поэтому если в течение марта митинги на отдельных крупных кораблях проводились довольно часто, то в апреле-мае их количество сократилось до минимума.

В июне 1917 г. общие собрания впервые продемонстрировали готовность к принятию самостоятельных решений, идущих вразрез с мнением представительных органов. Центром событий оказался Гельсингфорс. Являясь крупнейшей базой флота, он стал и общественно-политическим ориентиром. Причина крылась в активном функционировании высшего органа флотского самоуправления — Центрального комитета Балтийского флота, а также проведении в столице Финляндии 25 мая — 15 июня 1-го съезда моряков Балтики.

Поводом к активизации деятельности общих собраний стал вопрос о принципах назначения представителей командного состава. Избавившись в первые месяцы революции от ряда офицеров, высказываясь в ряде случаев против тех или иных кандидатов, назначение которых предполагалось, нижние чины сочли, что добились, по выражению Дрезена, «установления на флоте фактически выборного порядка»²⁸. Однако 11 мая военный и морской министр А. Ф. Керенский подписал «Приказ о введении положений об основных правах военнослужащих», более известный как «Декларация прав солдата». В качестве единственно допустимого провозглашалось назначение на должности высшим командованием. Обсужде-

ние «Декларации» проходило в Гельсингфорсе весьма драматично, большевистская фракция местного Совета до последнего пыталась добиться ее осуждения, но безуспешно²⁹. Этот вопрос представители радикальных политических сил выдвинули как принципиальный. Важной причиной для разворачивания дискуссии являлась необходимость расширения контактов с военными. Однако несмотря на утверждения ряда советских и зарубежных исследователей³⁰, вопрос о степени влияния большевиков на флоте является далеко не однозначным. Об ограниченности их возможностей к лету 1917 г. свидетельствует несколько обстоятельств. Судя по материалам Гельсингфорского комитета РСДРП(б), к июню 1917 г. на кораблях была создана 21 ячейка, объединившая в общей сложности 1556 человек³¹. Однако к марту общее количество русских моряков в столице Финляндии, согласно подсчетам Е.Ю. Дубровской, насчитывало порядка 25 тыс. человек³². Затрудняло дело и стремление моряков к надпартийности. Оно объяснялось как непониманием различий в программах социалистических партий³³, так и убежденностью, что борьба с врагами «революционной демократии» возможна только при «объединении усилий всех демократических сил»³⁴. Таким образом, для более продуктивных действий необходимо было разнообразить формы работы и найти актуальную тему.

Вопрос о выборности командного состава приобрел остроту, когда 1 июня 1917 г. Керенский назначил вице-адмирала Максимова, избранного в дни революции экипажами кораблей Гельсингфорской военно-морской базы командующим флотом, начальником Морского отдела Ставки Верховного командования. Командующим Балтийским флотом назначался контр-адмирал Д.Н. Вердеревский. На линейном корабле «Петропавловск» этот приказ был получен вечером 1 июня³⁵. На следующий день экипаж провел общее собрание. Однако, судя по докладам на съезде моряков Балтики, активную роль в нем сыграли не большевики, а анархист Е.С. Блохин и близкий ему по взглядам А.П. Скуев. Неудивительно, что на собрании была принята резолюция, требовавшая вернуть власть «нашему революционному адмиралу Максиму»³⁶. Однако она оказалась единственной, вызвав поток протестов. 3 июня на общих собраниях команд «Севастополя», «Полтавы» и «Гангута» принимались резолюции, осуждавшие подобные заявления и действия как анархистские и «вносящие разлад в боевую деятельность флота»³⁷. В то же время комитет 1-й бригады линейных кораблей, куда входили и представители судового комитета «Петропавловска», заверяли Вердеревского, что от подчинения ему команды дредноутов не отказываются. Тем не менее, лишь к вечеру 4 июня, после письменного отказа Максимова от должности и порицания со стороны общеполитического съезда, собрание постановило выразить доверие новому командующему³⁸.

Данная вспышка, однако, оказалась только началом. С согласия делегатов съезда командам кораблей всех баз было предложено провести собрания для обсуждения этого вопроса. По-видимому, представители радикальных течений восприняли это как свой успех, о чем свидетельствуют и воспоминания одного из руководителей Гельсингфорского комитета РСДРП(б) В.А. Антонова-Овсеенко³⁹. Однако обнаруженные отдельные ответы позволяют сделать вывод, что соединения, находившиеся

в Ревеле (1-я бригада крейсеров), в Моонзунде (эсминцы «Победитель», «Капитан Изылметьев») выступали за сохранение назначаемости офицеров⁴⁰.

Не было единства и в Гельсингфорсе. 1-я бригада линейных кораблей с назначением нового командующего флотом осталась без начальника. Вердеревский после переговоров с бригадным и судовыми комитетами намеревался передать эту должность командиру линейного корабля «Полтава» капитану 1-го ранга С.В. Зарубаеву⁴¹. Однако общие собрания экипажей линкоров неожиданно для командования потребовали проведения выборов через выдвижение кандидатов от каждого корабля. Это было тем более удивительно, что несколькими днями раньше ни один из дредноутов не поддержал команду «Петропавловска» в его выступлении за Максимова, то есть как раз за выборного командующего. По-видимому, причиной стало проведение общих собраний, на которых выступали и радикально настроенные члены Центробалта. На эту мысль наводит, прежде всего, обращение бригадного комитета, в котором сообщалось, что он действует «в согласии с Центральным комитетом Балтийского флота»⁴². Можно назвать и имена некоторых членов ЦКБФ, выступивших за проведение выборов. К ним относится, в частности, депутат-большевик от линкора «Севастополь» А.С. Штарёв. Результатом стал конфликт в штабе флота. 6 июня он отказался от должности комиссара ЦКБФ при штабе и был заменен на более умеренного С.С. Магницкого⁴³. Также 21 июня во время переговоров Вердеревского с представителями ЦКБФ командующий прямо обвинил в дестабилизации ситуации на «Петропавловске» и других дредноутах еще одного лидера большевиков Гельсингфорса П.Е. Дыбенко, заявив, что тот «ведет на “Петропавловске” свою игру»⁴⁴. Н.М. Пичугин, служивший на этом корабле, указал имена других активных участника событий — уже упомянутого Блохина и еще одного анархиста с «Севастополя» Э.А. Берга⁴⁵. Таким образом, можно говорить об одном из первых случаев проявления «радикального блока» в Гельсингфорсе.

На основании решений общих собраний в качестве единственного кандидата был выдвинут С.В. Зарубаев. Таким образом, данная ситуация представляется политическим демаршем. 15 июня командующий флотом отправил телеграмму на имя Керенского. Он сообщал: «... если комитет сочтет нужным предпринять шаги к утверждению своего решения на деле... я за последствия по обороноспособности отвечать не могу и прошу разрешения передать командование»⁴⁶. На это Керенский ответил радиogramмой в бригадный комитет, призвав его к подчинению. Аналогичная радиogramма пришла от Всероссийского съезда Советов. В этих условиях позиции общих собраний и комитетов не совпали. Именно депутаты судовых комитетов, а затем их представители в бригадном комитете дредноутов отменили выборы, ограничившись одобрением решения контр-адмирала Вердеревского⁴⁷. В то же время 7-й дивизион миноносцев высказался решительно против и действий команд дредноутов, и принципа выборности в целом⁴⁸.

Прошедшие 18 июня под антивоенными лозунгами демонстрации привели к новым конфликтам, наиболее активным в Гельсингфорсе. 20 июня общее собрание команды линкора «Слава» потребовало от пред-

седателя судебного комитета А. Е. Тунгускова довести до сведения командования протест против планов переброски корабля в Рижский залив. Рядовой состав мотивировал свое решение службой «Славы» в 1915—1916 гг. на передовой, а также возможностью отправить туда «собратьев» по бригаде — «Андрея Первозванного» или «Республику»⁴⁹.

На «Петропавловске» 21 июня прошел митинг о «проведении в жизнь решений 18 июня». На нем, по сведениям штаба флота, присутствовало около 400 чел. команды. В резолюции война была названа «грабительской, захватнической». Виновником объявлялось правительство, поэтому главным требованием стало: «Убрать в 24 часа 10 министров-капиталистов, в противном случае идти вместе с другими кораблями бомбардировать Петроград»⁵⁰. Показательно, что резолюция митинга была оформлена затем как решение общего собрания. Это стало первым установленным случаем слияния двух понятий, что свидетельствует о росте восприятия на Балтике этой инстанции как органа власти.

В то же время при столкновении интересов общее собрание мобилизовывало команды и на противодействие представительной власти более высокого уровня. Так действовало собрание экипажа миноносца «Инженер-механик Зверев» после конфликта с кронштадтской делегацией во главе с Ф. Ф. Раскольниковым на корабле 14 июня. По требованию делегатов следственная комиссия Центробалта во главе с Н. А. Ховриным постановила арестовать в качестве виновника флаг-офицера, начальника дивизиона мичмана Г. А. Севастьянова. Однако команда миноносца, проведя в тот же день общее собрание, постановила требовать освобождения офицера, что ЦКБФ и сделал. Разгадка заключалась в том, что поводом к столкновению стала антивоенная агитация кронштадтцев, что вызвало решительный протест со стороны экипажа «Зверева». Когда же, спустя две недели, Центробалт решил дать делу ход и возобновить следствие, новое общее собрание постановило считать действия мичмана «выражением всей команды»⁵¹. В адрес депутатов на заседании ЦКБФ звучали и прямые угрозы «добиться роспуска комиссии». Таким образом, идея о зависимости представителей от своих избирателей, о которой радикальная пресса начала писать с начала июня⁵², стала проникать в ряды моряков, обращаясь против представителей радикалов в ЦКБФ. В конечном счете, не добившись пересмотра решения в Центробалте, экипаж миноносца обратился в секцию охраны народной свободы Гельсингфорского Совета, которая отвечала за содержание арестованных, и взяла его на поруки. 30 июня Севастьянов был освобожден⁵³.

При этом не стоит считать, что идеи отзыва депутатов или перевыборов тех, кто не отражал взглядов избирателей, были характерны исключительно для радикальных течений. Более умеренно, «соглашательски» настроенные команды не только озвучили, но даже и реализовали этот принцип в июне 1917 года. На встрече 22 июня представителей президиума Местного флотского комитета Ревеля с командующим флотом один из них упомянул, что команда крейсера «Олег» отзывает своего представителя, так как он — большевик. Собрание экипажа хотело его заменить на того, кто будет «отражать интересы большинства, а не меньшинства». Показательно, что этот пример вызвал среди членов президиума неоднозначную реакцию. Так, если сообщивший об этом депутат охарактеризо-

вал этот случай как «травлю», то другой, выступавший после него, считал такой подход разумным⁵⁴.

Таким образом, на кораблях Балтийского флота общие собрания экипажей кораблей начинали играть более самостоятельную и независимую от комитетов роль. Важной причиной этого процесса стала борьба вокруг принципа выборности командного состава, обсуждение которого на флотских базах было инспирировано большевистской печатью. Полагая, что это было сделано для более активного включения в борьбу за влияние на рядовой состав на тех базах, где оно до этого было не очень значительным, — в Гельсингфорсе и Ревеле. Однако этими обстоятельствами пользовались также и представители более радикальных групп — в том числе анархистов. Это привело к вспышке их активности в Гельсингфорсе.

Команды на общих собраниях в июне стали выражать готовность к серьезным мерам в борьбе за отстаивание своего мнения. Это проявилось как в заявлениях о возможности переизбрания представительных органов власти, так и в отзыве своих представителей по мотивам несоответствия их политической ориентации мнению большинства избирателей. В то же время идеи такого «давления» на депутатов, исходившие от радикальных партий, были готовы взять на вооружение и их оппоненты. Это свидетельствует о ряде тактических сходств, характерных в тот период для всех пользовавшихся влиянием на флоте политических течений.

Благодаря подобным случаям как позитивные, так и негативные стороны деятельности общих собраний были заметны органам представительной власти. Показательно, что при обсуждении июльских событий в столице ни Советы военно-морских баз, за исключением Кронштадтского, ни Центробалт использовать проведение собраний команд для выработки решений не стали. Лишь ЦКБФ, благодаря позиции более радикальных представителей Гельсингфорса, провел 5 июля заседание совместно с командующим флотом и представителями 75 судовых комитетов, на котором была выработана известная резолюция о поддержке перехода власти в руки Советов с протестом против вызова в столицу командующего флотом Вердеревского. Но прибегать к поддержке общих собраний, как это произойдет в период борьбы с корниловским выступлением в конце августа 1917 г., депутаты не стали. Скорее всего, это было проявлением неуверенности в полной поддержке личным составом флота, где значительная часть экипажей выступала за правительство. Однако роль, которую сыграли собрания в июне 1917 г., стала толчком к росту их влияния на решение вопросов жизни команд летом-осенью 1917 года.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18—09—00466.

1. Д. А. День 4 марта 1917 г. на крейсере. — Военная быль. 1958, № 32, с. 4.
2. ПЕТРОВ М.[А.] Балтийский флот в октябре 1917 года. В кн.: Пять лет Красного Флота. 1917—1922. Пг. 1922, с. 25—26.
3. СИЛИН Г. И. Первый революционный штаб Балтфлота. В кн.: Красный Балтийский флот. 1918—1923. Пг. 1923, с. 21.
4. АВТУХОВ В. П. Июльские дни. — Морской сборник. 1924, № 6, с. 8, 12.

5. ДРЕЗЕН А.К. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году. — Красная летопись. 1929, № 3, с. 43—104; ЕГО ЖЕ. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. — Там же, № 5, с. 157—212.
6. ЕГО ЖЕ. [Вступительная статья]. В кн.: Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.-Л. 1932, с. III—XIV.
7. Там же, с. III.
8. История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М. 1935.
9. Там же, с. 143—144.
10. СИВКОВ П.З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М. 1946; БОГДАНОВ А.В. Моряки-балтийцы в 1917 году. М. 1955; ГОЛУБ П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции, март 1917 — февраль 1918. М. 1967; СТОЛЯРЕНКО М.А. Сыны партии — балтийцы. Л. 1969;
11. ИЗМАЙЛОВ Н.Ф., ПУХОВ А.С. Центробалт. М. 1963; ХЕСИН С.С., ЧУГАЕВ Д.А. Центральный комитет Балтийского флота [Вступительная статья]. В кн.: Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота 1917—1918. М.-Л. 1963, с. 5—30; БЛИНОВ А.М. Центробалт. — Вопросы истории. 1969, № 11, с. 28—42.
12. ПЕТРАШ В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л. 1966; МИЛЛЕР В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году (возникновение и начальный период деятельности). М. 1974; ХЕСИН С.С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М. 1977.
13. СОБОЛЕВ Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. в период двоевластия. Л. 1973, с. 198—200.
14. ЕГО ЖЕ. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л. 1985, с. 270.
15. МИЛЛЕР В.И. Солдатские организации 1917 года. К вопросу о содержании понятия. В кн.: Общественные организации в политической системе России 1917—1918 годов. М. 1991, с. 141—183.
16. ТАРАСОВ К.А. Роль общеполковых собраний и митингов в борьбе за власть в Петроградском гарнизоне в марте-июле 1917 г. — Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014, вып. 4, с. 182—188; ЕГО ЖЕ. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. — март 1918 г.). СПб. 2017; ЕГО ЖЕ. Выборная власть в Петроградском гарнизоне в 1917—1918 гг.: комитеты, командиры, комиссары. В кн.: Эпоха войн и революций: 1914—1922: Материалы международного colloquiuma. СПб. 2017, с. 207—221.
17. SAUL N. Sailors in Revolt. The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, Kansas. 1978.
18. MAWDSLEY E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics: February 1917 — April 1918. London. 1978.
19. WILDMAN A. K. The End of the Russian Imperial Army. Vol. 1: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March-April, 1917). Princeton. 1980; EJUSD. The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton. 1987.
20. ФРЕНКИН М.С. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение Октябрьского мятежа. 1917—1918 гг. Иерусалим. 1982.
21. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. Р-187, оп. 1, д. 330, л. 1.
22. Там же, ф. Р-207, оп. 1, д. 1, л. 55, 84, 86; ф. Р-596, оп. 1, д. 78, л. 4.
23. Подробнее см.: ФОТУНЬЯНЦ В.Н. Перемещения командного состава Балтийского флота в 1917 г. — Клио. 2000, № 1 (10), с. 187—190.
24. ТАРАСОВ К.А. Выборная власть в Петроградском гарнизоне в 1917—1918 гг.: комитеты, командиры, комиссары, с. 210.
25. Протокол № 24 заседания Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 12 апреля. — Известия Гельсингфорского Совета армии, флота и рабочих (Известия Гельсингфорского Совета). 20.IV.1917.
26. РГАВМФ, ф. 554, оп. 1, д. 127, л. 36об; ГОРДЕЕВ П.Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-октябре 1917 года: Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2007, с. 352.
27. ТАРАСОВ К.А. Роль общеполковых собраний и митингов в борьбе за власть в Петроградском гарнизоне в марте-июле 1917 г., с. 183.
28. ДРЕЗЕН А.К. [Вступительная статья], с. III.

29. Протокол № 12 общего собрания Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 18 мая. — Известия Гельсингфорского Совета. 27.V.1917.
30. БОГДАНОВ А.В. Ук. соч., с. 31; СТОЛЯРЕНКО М.А. Ук. соч., с. 24; MAWDSLEY E. Op. cit., p. 23, 31.
31. РГАВМФ, ф. Р-315, оп. 1, д. 123, л. 83.
32. ДУБРОВСКАЯ Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 г. (март-октябрь). Петрозаводск. 1992, с. 21.
33. КОРНЕВ Г. Опомнитесь! — Известия Гельсингфорского Совета 22.IV.1917.
34. ПИСЬМЕННЫЙ С. Берегите свободу. — Там же. 8.IV.1917.
35. РГАВМФ, ф. Р-29, оп. 1, д. 154, л. 9.
36. Там же, ф. Р-95, оп. 1, д. 71, л. 8; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 70, оп. 4, д. 198, л. 67.
37. РГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 879, л. 8; ф. 878, оп. 1, д. 148, л. 110.
38. Там же, ф. 477, оп. 1, д. 158, л. 96; ф. Р-95, оп. 1, д. 270, л. 6.
39. АНТОНОВ-ОВСЕНКО В.А. В семнадцатом году. М. 2017, с. 214.
40. РГАВМФ, ф. Р-95, оп. 1, д. 246, л. 13—14.
41. Там же, ф. 479, оп. 1, д. 880, л. 1.
42. Там же.
43. Там же, ф. Р-95, оп. 1, д. 234, л. 52.
44. Там же, л. 3об.
45. РГАСПИ, ф. 70, оп. 4, д. 198, л. 67 об.
46. РГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 880, л. 1.
47. Там же, л. 2—3.
48. Там же, ф. Р-95, оп. 1, д. 246, л. 12.
49. Там же, ф. 479, оп. 1, д. 880, л. 4.
50. Там же, л. 3—5.
51. Судовой комитет эскадренного миноносца «Инженер-механик Зверев». Письмо в редакцию. — Известия Гельсингфорского Совета. 22.VI.1917.
52. Волна. 2, 4, 5.VI.1917.
53. РГАВМФ, ф. Р-874, оп. 1, д. 1, л. 1.
54. Там же, ф. 479, оп. 1, д. 880, л. 9.

Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX — начало XX в.)

А. А. Иванов, А. Э. Котов

Аннотация. В публикации рассматриваются и анализируются взгляды русского консервативного лагеря конца XIX — начала XX в. на переселенческую политику в Российской империи. Опираясь на материалы периодической печати, публицистику, программные документы правых партий и стенографические отчеты Государственной думы, авторы вносят ряд уточнений в имеющиеся представления об отношении правых к деятельности правительства в деле переселения «излишков» крестьянского населения из европейских губерний империи на ее окраины — Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Центральную Азию. Авторы приходят к выводу, что для правых публицистов и политиков освоение, русификация и колонизация окраин империи была одной из важнейших тем в рассматриваемый период.

Ключевые слова: русские консерваторы, правые партии, консерватизм, национализм, переселенческая политика, Российская империя, национальные окраины, аграрный вопрос.

Abstract. The publication considers and analyzes the views of the Russian conservatives of the late XIX — early XX century on the resettlement policy in the Russian Empire. Based on the materials of the periodical press, the journalism of the era, the program documents of the right parties and the stenographic reports of the State Duma, the authors make a number of clarifications on the existing notions of the right-wing attitude toward the government's activity in relocating the "surplus" peasant population from the European regions of the empire to its outskirts — Siberia, The Far East, the Caucasus, Central Asia. The authors come to the conclusion that for right-wing publicists and politicians, one of the most important topics in the period under consideration was the development, russification and colonization of the outskirts of the empire.

Key words: russian conservatives, right-wing parties, conservatism, nationalism, immigration policy, Russian empire, national suburbs, agrarian question.

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru; *Котов Александр Эдуардович* — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.kotov@spbu.ru.

Ivanov Andrey A. — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru; *Kotov Aleksandr E.* — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: a.kotov@spbu.ru.

Переселенческая политика российского правительства во второй половине XIX столетия традиционно характеризуется исследователями как «непоследовательная и противоречивая»¹. Тем не менее, для консервативной печати тема освоения, русификации и колонизации окраин страны была одной из важнейших. Не выходя до определенного момента на первый план, во второй половине XIX в. она постоянно звучала на страницах изданий «русского направления» — тем более, что многие русские консерваторы и националисты сами были выходцами с имперских (по преимуществу западных) окраин. Региональные издания («Киевлянин», «Варшавский дневник», «Виленский вестник») во второй половине XIX в. регулярно писали о переселении «русского элемента» в Привислинский, Юго-Западный и Северо-Западный края.

Речь, разумеется, прежде всего шла об интеллигенции — чиновниках, учителях и пр. Русификация населенных белорусами и малороссами территорий с помощью великорусских крестьян противоречила главному тезису русских националистов, считавших Украину и Белоруссию освобожденными от панского гнета исконно русскими землями. Впрочем, иногда подобные предложения звучали. Так, в 1867 г. газета «Виленский вестник» предлагала выводить великорусские крестьянские колонии под Вильно и даже напечатала письмо некоего старосты Капитона, уговаривавшего односельчан «переселиться в край, поближе к речке»². В ответ полемизировавшая с «Виленским вестником» петербургская «Весть» не без оснований задавалась вопросом, улучшится ли положение Капитона после переселения, и сама же на него отвечала: «Никто Капитона не поддержит и всякий его надует. В жизни частной не найдет Капитон ничего, к чему привык с малых лет; другие понятия, нравы и обычаи встретит он, все чужое, все незнакомое, соскучится Капитон по родной сторонужке и всякое дело из рук у него вывалится»³.

В 1890-е гг. в фокусе внимания как правительства, так и общества, по понятным причинам (аграрное перенаселение в центре и развитие железнодорожной сети) оказывались восточные окраины, где для крестьянской колонизации открывались значительно более широкие перспективы. Им, в частности, был посвящен цикл публикаций омского корреспондента «Русского вестника» Т. И. Тихонова, констатировавшего в 1896 г.: «Окончание постройки Западно-Сибирского участка отразилось весьма заметным образом между прочим и на переселенческом движении, которое в нынешнем году достигло весьма значительных размеров, несравненно более, чем в прошлые годы, опровергнув таким образом все расчеты и предположения местных сибирских властей по этому предмету. Тюмень уже потеряла свое значение громадного переселенческого центра. Эта роль в нынешнем году выпала г.г. Челябинск, Петропавловск и Омск»⁴. Отмечая, что русская колонизация затрагивает и степные области, автор указывал: «Близкое и дружелюбное соседство кочевников и крестьян-переселенцев мало-помалу приучает первых к земледелию, так что уже наблюдаются попытки со стороны кочевников к самостоятельному ведению земледельческого хозяйства. В добрый час!..»⁵

Однако Тихонов указывал и на серьезные проблемы, с которыми сталкивалась русская колонизация. Так, степное положение 1891 г. сократило численность руководивших процессом переселения уездных

начальников, а также уездные и областные правления. Не справлялась с этим делом и отвечавшая за него местная полиция. Публицист предлагал изъять переселенческое дело из ведения полиции, создав специальные учреждения, аналогичные мировым посредникам, а также расширить заселяемые территории ⁶. Роль государства в колонизации Сибири представлялась Тихонову решающей, но категорически недостаточной: «Голых бедняков, беспомощных тружеников, является на окраины значительное подавляющее большинство, как показывают нам отчеты гг. переселенческих чиновников, командированных министерством внутренних дел в разные пункты Сибири... Такие незначительные ссуды-подачки... мало помогают делу скоро устройства прочного хозяйства новоселами» ⁷.

Впрочем, аналогичную ситуацию констатировали «Московские ведомости» и в Средней Азии: «Кое-как добравшись до Самарканда, переселенцы сразу разочаровываются. Поблизости все места, годные для поселения, давным-давно заняты, а если и имеются участки, то такие, что их первоначально следует подготовить для посевов — повести воду, что для переселенцев представляется делом совершенно новым; притом и климатические условия сильно дают себя чувствовать пришельцам; все это в совокупности делает то, что переселенцы, добравшись на последние гроши в Самарканд, отказываются идти на намеченные места и превращаются в нищих... Единственное желание таких переселенцев — вернуться в Россию и сесть на прежнее место» ⁸.

То же самое наблюдал С. Ф. Шарапов на Кавказе: «Повсюду видим мы совершенно одинаковое явление. Правительство, верно понимая государственные задачи, заботится о заселении таких-то и таких мест русским элементом. Нарезаются участки, пишутся правила, являются переселенцы. И что же? Русский человек, умница, сметливый, великолепный, исторически прославившийся колонизатор, не затерявшийся ни на Новой земле, ни под экватором, вдруг пасует, болеет, чахнет и уступает свое место расам, неизмеримо его низшим в культурном отношении. Чем это объяснить?» ⁹

Для редактора «Русского труда» это стало поводом как поразмышлять о соотношении в переселенческой политике общественного и государственного факторов, так и поддержать интересы определенной корпорации. Наиболее эффективная колонизация шла, по мнению Шарапова, из Ростова Великого: «Ростовец — тип умнейшего и талантливейшего русского промышленника. Он довел свои огороды до совершенства, размножился, дома ему тесно, он готов на всякое дело, и может в минуту овладеть всяким делом, ибо у него есть *школа*, есть *рассадник практических занятий*. Зимой собираются на свои старые гнезда погостить со всех мест России разбросанные ростовцы, здесь обдумываются всякие дела, здесь рассортировывается местная подростшая, пристраиваясь к живущим на стороне родным, кто в Ташкент, кто в Одессу, кто в Кронштадт. Люди делают тысячи разнообразнейших дел — и все неуклонно богатеют, потому что ведут дело смело, широко и культурно. Любому ростовцу ничего не стоит изучить совершенно новую местность и в ней укрепиться: он с детства огородник и хозяин, он умеет расспросить, выслушать, сообразить. Главное, самое в нем дорогое — это его постоянная живая связь

с его центром — Ростовом и земляками. Нужно что-нибудь — остановки нет ни за чем. Свистнуть, и десяток нужных людей приедут с первым поездом или пароходом. Это совсем не то, что забитый нуждою орловский, курский или воронежский поселенец, не знающий ничего, кроме экстенсивного земледелия, и все свои таланты сосредотачивающий в “хребте”... На Кавказе этого мало, с одним хребтом ничего не поделаешь»¹⁰.

Однако понимая, что на весь Кавказ выходцев из Ростова не хватит, Шарапов предложил правительству программу своеобразного посредничества, целью которого было «поручение живого дела не бумажному, а живому человеку, лично заинтересованному в успехе дела»: «доверенное лицо от министерства земледелия едет в Ростов и просит хотя бы Угодичское общество рекомендовать молодого сметливого огородника или двух на службу в казну... Прежде всего ростовцы командироваются на правительственную станцию, где под руководством заведующего быстро изучают все необходимые культуры... Затем они командироваются для осмотра годных под поселения земель на побережье и, возвратясь, дают обстоятельный отчет станции... И вот на основании этого отчета *им же* и никому другому поручается ехать внутрь России и пригласить русских поселенцев из местностей *по их усмотрению*. Они выберут людей, действительно желающих и способных»¹¹.

Принципиальным аспектом переселенческой политики стал вопрос о распространении в Сибири крупного землевладения — против чего в 1894 г. выступило «плебейское» «Новое время», по мнению своих оппонентов видевшее Сибирь «чисто крестьянским» регионом. «Московские ведомости», наоборот, считали это проблемой. Специфика местного населения (казаки, инородцы, промысловые рабочие, крестьяне) не создавала, по мнению консервативной газеты, предпосылок для «дела управления сельского населения». Отсюда — «неизбежность чисто бюрократической системы местного суда и управления» и связанных с ней зол. Публицист «Московских ведомостей» напоминал, что «основное историческое начало нашей областной администрации и суда заключается в привлечении к отправлению их, на правах государственной повинности, особого сословия, имеющего для этого необходимые навыки, образование и ответственное почетное и влиятельное положение в бытовой жизни». А так как Сибири «в недалеком будущем несомненно суждено увеличить собой метрополию многими и многими обширными областями с коренным русским и православным населением», ее особенности сгладятся, и на смену «односторонней государственной колонизации» придут «более или менее тесно сплоченные и организованные общественные союзы, группы, сословия». Поскольку же русское дворянство сформировано «под могучим воздействием государственной власти», то и в Сибири власть должна ему содействовать, распространяя в регионе крупное землевладение¹².

Развивая этот сюжет, три недели спустя газета напоминала: «Вся наша Новороссия, некоторые окраинные юго-восточные губернии, почти весь бассейн Волги, за исключением северных его частей, были колонизированы отнюдь не одним крестьянским сословием, а и крестьянством, и помещным дворянством, шедшими в этом деле рука об руку и делившими между собой все труды и лишения этого нашего родного

пионерства... Традиции, конечно всецело за колонизацию Сибири не одним лишь сословием, а обоими... Необходимо и образование сибирского дворянства не из одной среды местного чиновничества, но главным образом из потомков старинных, успевших доказать свою зрелость и способность дворянских родов старых областей Империи. Они перенесут с собой в Сибирь то, что не делается по заказу, что бессильны создать самые разумные законы и распоряжения, что собирается веками, что назревает в сердцах и душах, сменяющих одно другим поколений — традиции, “веру и верность”, административные навыки и здравые политические инстинкты»¹³.

Шараповский «Русский труд», наоборот, видел на востоке империи лишенную сословного «средостения» народную Русь. Медик и публицист К. К. Толстой, опубликовавший также в «Новом времени» и, ранее, в аксаковской «Руси», в цикле «Великорус в центре Азии» характеризовал население Алтая как «исконную и исключительно великорусскую колонию, притом населившуюся и устроившуюся почти самостоятельно, разумом и силами простых, серых, русских людей, заносимых в сердце Азии самыми разнообразными причинами»: «Многое меня на Алтае поразило, многое порадовало, много огорчило, но больше всего я удивлялся тому, что нигде не встречаю “Сибири”, “Азии”, а всюду вижу только одну среднюю Россию, почти такую же, какую я ее помню лет сорок-пятьдесят тому назад. Тот же климат, та же растительность, почти те же пейзажи, а главное — повсюду точь-в-точь такой же сплошной великорус, прекрасного подмосковного типа, с чистейшей великорусской речью, придерживающийся все тех же, давно мне знакомых, обычаев и образа жизни. По чистоте народонаселения Алтай представляет собою даже, пожалуй, большее сходство с Россией Ивана Грозного, чем современной... Но не одною только чистотою населения Алтай напоминает древнюю Русь. Он напоминает ее также простором, привольем жизни, первобытностью последней и полным отсутствием современной культуры»¹⁴.

Однако эта своеобразная славянофильская утопия имела крайне ограниченный потенциал: «Превратив Алтай в Тульскую губернию времен Ивана Грозного..., серый русский человек на том и остановился... Он отвоевал себе страну, построил избы и деревни, учредил общины, обработал, сколько ему нужно было земли... ловит рыбу, охотится, топит плохое масло из хорошей сметаны, торгует по малости, не выезжая из деревни — он, одним словом, заложил прочный фундамент будущей культуры страны и жизни, но самая эта культура не пошла в его руках дальше той точки, до которой доходила, вероятно, на его родине в XV столетии... Серый русский мужик сделал все, что от него зависело, все на что требует труд, характер, стойкость, энергия. Но он не мог сделать того, на что требуется знание, которым он сам не обладает»¹⁵. Бессословная «демократия» закономерно требовала вмешательства правительства, на которое автор возлагал ответственность на все аспекты развития региона — вплоть до развития там туризма: «Местные жители сами ничего устроить не сумеют, приедем чиновникам — не для того, у них своего, специального дела много... Остается, стало быть, рассчитывать только на главного, если не единственного инициатора всяких нововведений в нашем отечестве — на правительство»¹⁶.

В восприятии консервативных публицистов переселенческий вопрос был тесно связан с проблемой «инородческого засилья». Новым толчком к обсуждению этой темы стала опубликованная «Новым временем» 4 января 1896 г. записка генерала А.И. Косича, в которой утверждалось, что немецкая колонизация Юго-Западного края поддерживается германским правительством. С этого момента необходимость противостояния немецкой колонизации западных окраин России стала постоянной темой консервативной публицистики 1890-х годов. Так, на страницах «Русского труда» (где позже появится целая рубрика «Хроника иностранного нашествия»), освещавшая процесс проникновения в страну иностранного капитала) в 1897 г. появилась статья А.П. Липранди «Фатерланд в России», в которой утверждалось, что «экономические интересы наши требуют прекращения дальнейшего нашествия на русскую землю иноплеменных, интересы же политические, государственные требуют, чтобы пересевшие на нашу почву два с лишком миллиона немцев были русскими, а не германскими гражданами, каковыми пребывают до сего времени. Они должны обязательно сблизиться духовно с приютившею их Россией и если не исчезнуть окончательно в русском море (как славянские племена, достигнутые Пруссией, исчезли в немецком море), то, во всяком случае, навсегда отбросить свои, столько же вздорные, сколько и задорные тенденции и стать в ряды русского рабочего люда». Пока же этого не произошло, «русские зря бегут в отдаленную Сибирь, терпя всякие лишения и невзгоды, а старинные русские земли, еще недавно считавшиеся неотъемлемым достоянием русского народа, достаются мирному завоеванию германских пришельцев!»¹⁷

В том же году Д.И. Иловайский сочувственно цитировал в своем «Кремле» передовую статью из «толковой» газеты А.П. Пятковского «Гласность»: «В прошлом году из юго-западных губерний переселилось в южно-уссурийский край 300 крестьян, а в нынешнем туда же переселяется уже 1200... Чего бы, кажется, переселяться из такой благодатной стороны, как волынская, подольская или киевская губерния?... Крестьяне наши и в особенности хохлы очень неохотно идут на переселения; даже обжившись и хорошо устроившись на новых местах, хранят живое и теплое воспоминание о родных местах. И многих слез, и колебаний, и больших материальных потерь стоит всякое переселение. Это своего рода драма в крестьянском быту. Но что же гонит крестьянина переселяться?... На юго-западе гонит переселяться теснота, а тесноту сделал немец. Все мало-мальски удобные продававшиеся земли раскуплены немцами и по таким ценам, коих нелегко ожидать от хлеборода-хохла. Немцы, занявшие наш юго-запад, преимущественно уезды, граничащие с Пруссией и Австрией, имеют свои бюро в Берлине; из бюро им выдаются крупные суммы в ссуду или вроде субсидии — неизвестно. Но только чуть где продается хорошая земля, преимущественно стратегический пункт около перевозов через реку, немцы выкупят его во что бы то ни стало...» Подводя итог размышлениям Пятковского, редактор и единственный автор «Кремля» восклицал: «Итак, немцы в собственных наших пределах, теснят русских из Европы в Азию; а некоторые мнимые консерваторы заодно с радикалами толкуют об избытке у нас национализма!»¹⁸

Увязывал немецкий вопрос с переселенческим и омский корреспондент «Русского вестника» Тихонов, считая появление в Сибири немецких колонистов с Поволжья и Волыни «новым в переселенческом вопросе явлением», и скорее радуясь последнему. Опираясь на данные о росте «поземельной собственности иностранных или немецких поселенцев», публицист говорил о политическом характере немецкой иммиграции в наши западные окраины и преимущественно на Волынь. «Немецкая колонизация мало-помалу обратилась в систему как бы мирного завоевания наших земель на Западной окраине»¹⁹.

Там немецкие колонисты играли, по мнению Тихонова, исключительно отрицательную роль: «Отношение колонистов к местному крестьянскому населению вполне отчужденное. Русского языка колонисты не знают и не хотят знать и изучать его... Собственное немецкое образование у колонистов поставлено очень высоко»²⁰. Низко оценивал публицист и вклад немцев в развитие местного сельского хозяйства: «О какой-либо рациональной системе ведения хозяйства немецкими колонистами не может быть и речи, так как по-видимому все цели этих переселенцев направлены к возможно широкой эксплуатации местного населения и страны, приютившей их. Истощив одни земельные участки, они переходят на другие, применяя ту же немецкую культуру, которая сводится к тому, чтобы разорив чужую страну и ее жителей, обогатить только себя»²¹. В силу этого обстоятельства автор «Русского вестника» — будто и не было предыдущих тридцати лет — призывал к русификации землевладения, которая одна только могла привести «к возможно полному упрочению нашего положения именно на Западе, в западной полосе России»²².

Новым у Тихонова было предложение «видоизменения и расширения нашей колонизационной политики»: при содействии Крестьянского банка переселять крестьян из центральной России на западные окраины, а немцев отправлять «на Восток, в Сибирь, в киргизские степи»²³. Публицист был уверен в том, что подобная стратегия не угрожает перспективе заселения Сибири: «У нас так много безземельных и малоземельных, безлошадных и бесхозяйных крестьян, что их хватит, даже при условии широкой колонизационной политики, для всех наших окраин как в Азиатской, так и в Европейской России, в том числе и для Западного края, на долгое время»²⁴.

Наибольшую остроту обсуждение консервативным лагерем переселенческой политики правительства и связанных с ней проблем приобрело в начале XX в., что также было обусловлено правительственной политикой²⁵. Кроме того, по справедливому замечанию Р.Б. Ромова, «события первой русской революции ясно дали понять правым, что центральный вопрос, от которого зависят и государственная стабильность, и социально-экономическое развитие России, — это вопрос земельный»²⁶. Как отмечают историки правого движения Ю.И. Кирьянов, С.А. Степанов, А.В. Репников, И.В. Омельянчук²⁷, лидеры черносотенных партий и союзов, уделяя в своих программных документах, публицистике и воззваниях особое место экономическим интересам российского государства и русского народа, в большинстве своем выступали в поддержку переселенческой политики и ратовали за ее расширение и улучшение. Если в отношении части столыпинской аграрной реформы, касающейся выхо-

да крестьян из общины, единства в консервативном лагере не было, то придание нового импульса переселенческому делу воспринималось правыми с одобрением. Показательно, что именно члены фракции правых оказывались в III Государственной думе главными защитниками смет Переселенческого управления, выступая за расширение его прерогатив²⁸. Полемика, как правило, велась лишь о частных аспектах этого переселения, так как иной альтернативы решению проблемы крестьянского малоземелья в европейской части империи консервативными кругами найдено не было.

Проблемы переселенческой политики нашли отражение в ряде программных документов русских правых. В обращении Главного совета Союза русского народа (СРН) накануне выборов в I Государственную думу одним из программных пунктов значилось: «За крестьян земледельцев..., за государственное содействие переселению»²⁹. «Увеличение крестьянского землевладения путем рациональной организации переселенческого дела» — такая задача ставилась перед властью руководителем Русской монархической партии и редактором «Московских ведомостей» В.А. Грингмутом³⁰. Он, как и многие другие монархисты, был убежден, что «излишек русского населения, не находящий себе места в центральных губерниях», должен осваивать восток страны, но для этого власть обязана грамотно организовать крестьянское переселение на новые места³¹. Видя в переселении логичный и законный массовый способ решения аграрной проблемы, Грингмут заключал, что пока на земном шаре будут существовать малозаселенные места, «этот способ решения “аграрного вопроса” будет самым простым и естественным». А поскольку Россия, в отличие от западноевропейских стран, вынужденных «выплескивать» излишки населения в колонии, в силу огромных территорий, позволяет разместить фактически любой естественный прирост своего населения внутри страны, этим путем и следует идти, как наиболее логичным, оправданным географией и историей, и законным³². На это же указывал и лидер СРН Марков, заявлявший с думской кафедры: «... Переселение есть лучшее, вернейшее, наиболее правильное, наиболее экономически верное решение нашего теперешнего бедствия, именуемого малоземельем», подчеркивая, что «бедность русского народа надо лечить переселением и поднятием земельной культуры»³³.

Основным местом для проживания избытков крестьянского населения большинству русских правых (как, впрочем, и правительству) виделись бескрайние просторы Сибири. Видный консервативный публицист и политик Н.Д. Облеухов (псевдоним П. Ухтубужский), являвшийся заместителем лидера Русского народного союза им. Михаила Архангела В.М. Пуришкевича, раскрывал свою и партийную позицию в брошюре «Русский народ в Азии», первая часть которой — «Переселение в Сибирь» — была посвящена рассматриваемой проблеме. Начав с очерка о «бесценном и неизмеримом богатстве» Сибири, публицист указывал на крайне низкую плотность населения края и сетовал, что русское переселение на протяжении ряда лет происходит лишь в местности, прилегающей к Транссибирской железнодорожной магистрали³⁴. В связи с этим Облеухов предлагал помимо железнодорожного строительства обратить внимание на развитие речного судоходного сообщения с Сибирью, кото-

рое, во-первых, дешевле железнодорожного, а, во-вторых, позволяет не только улучшить транспортную ситуацию в регионе, но и более эффективно торговать дешевым сибирским хлебом³⁵.

Помимо решения проблемы крестьянского малоземелья в европейской части России, консервативных публицистов волновал и еще один немаловажный аспект — возможность утраты этого слабозаселенного края. «Монархическая партия считает долгом первостепенной важности, — отмечал Грингмут, — ... возобновление правительственной заботы о правильной организации переселенческого дела, имеющего серьезное государственное значение, как в смысле облегчения центральных губерний, так и в смысле прикрепления к России дальних окраин посредством заселения их русским народом»³⁶. «... Наши сибирские владения плохо закреплены за нами, — писал Облеухов. — ... Нам уже угрожает опасность лишиться этих земельных богатств. Японцы и китайцы спешно вооружаются, и нет никакого сомнения, что в недалеком будущем эти желтые народы сделают нападение на нас и попытаются отнять восток Сибири»³⁷. Отмечая далее, что мирная экспансия в Сибирь китайцев и японцев уже началась, автор писал: «А что мы можем противопоставить этому нашествию монголов? Население редко, по три-четыре человека на 10 квадратных верст. Нет ни русских земледельцев, ни рабочих, ни купцов, ни промышленников. Поневоле приходится уступать пользование местными богатствами желтым»³⁸.

Таким образом, заключал правый публицист, русские переселенцы, выбирая своим новым местом жительства Сибирь, приносят пользу не только себе и своим семьям, но и всему русскому государству, закрепляя своим присутствием регион за Россией. «Трудно себе даже представить то, чем будет Сибирь через 20—30—50 лет, — оптимистично заключал Облеухов. — Это будет величайшее и богатое царство, перед которым, может быть, потускнеет торгово-промышленная слава Соединенных Штатов и Англии. Царство это должно быть русским. Богатства Сибири должны остаться в русских руках. Для этого-то и идут ежегодно в Сибирь десятки и сотни тысяч русских людей, занимающие девственные пространства земли и обращая их в обработанные поля»³⁹. И в этом плане взгляд правых полностью совпадал с позицией П. А. Столыпина, отмечавшего в 1908 г., что дело государственной обороны затрагивает не только Морское и Военное министерства, но и переселенческое ведомство, «так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей»⁴⁰.

Рассуждая о необходимости переселения крестьян из европейских губерний России, консервативные публицисты указывали не только на Сибирь. Иловайский, например, считал целесообразным перенаправить основной поток крестьян-переселенцев не в «неприветливую Сибирь», чьи земли предлагалось оставить для будущих поколений, а прежде всего в «благоприятные земли Кавказа»⁴¹. Грингмут указывал, что заселяя русскими крестьянами Сибирь, не следует забывать про Среднюю Азию, Кавказ, «а также [про] те южные и юго-восточные губернии России, которые, к великому для нее ущербу, находятся в руках армян, немцев и евреев», так как помимо экономической целесообразности переселенческая политика должна преследовать и политические цели⁴².

Вопрос о необходимости усиления русской колонизации Кавказа и Закавказья активно поднимался в русском консервативном лагере с конца XIX века. В начале XX в. в этом отношении мало что изменилось. В ходе обсуждения переселенческой политики в III Государственной думе депутат-крестьянин от русского населения Закавказья Ф.Ф. Тимошкин, являвшийся членом Главного совета СРН, неоднократно указывал на значение этого края для переселенческого дела. Он утверждал, что орошение «пространств в Муганской и Ширванской кавказских степях», а также осушение низменностей Черноморского и Каспийского побережья, дадут государству «громадную территорию и облегчат таким образом решение переселенческого и самого земельного вопроса»⁴³. «Кавказ не так далек, как Сибирь, куда отправляют за 10—12,000 вер[ст] переселенцев хуже скота. Ведь Кавказ рядом с вами, он у вас под руками, а вы ничего о нем не говорите и не хотите обратить на него внимание», — обращался крестьянин к депутатам⁴⁴. «На Кавказе у нас есть масса земель, — продолжал Тимошкин, — которые праздно сейчас гуляют, а вместе с тем у нас в России нет земель свободных, крестьяне нуждаются в земле. Желают переехать куда-нибудь на жительство, а им говорят, что нет на Кавказе земель. Я утверждаю, что на Кавказе есть очень много земель, совершенно праздно лежащих, их необходимо заселить именно лицами из центральной России»⁴⁵.

В свою очередь правый депутат С.И. Келеповский обращал внимание Думы на «громадные земельные пространства» в Центральной Азии, которые, по его мнению, совершенно нецелесообразно использовались киргизами. «Эти земли считаются занятыми, и поэтому наши переселенцы не направляются в этот край, весьма богатый и обладающий роскошным климатом, а направляются в северную Россию, где, например, переселенцы с юга России совершенно не могут выдержать климата... Как я думаю, мы вовсе не покривим душой и не нарушим законов, если скажем этим киргизам: настало время уступить эту землю, которою вы временно пользовались, русскому народу»⁴⁶. Отметим, что такого же подхода в отношении «инородцев» придерживался и Облеухов, критиковавший власть за то, что долгое время она излишне «церемонилась» с туземными народами. Поскольку последние были завоеваны и присоединены к России, то они не вправе мешать «справедливому удовлетворению нужд русских переселенцев»⁴⁷. А уже упоминавшийся выше Тимошкин, недоумевал, почему Кавказ и Закавказье, значительная территория которых была в свое время отвоевана русским оружием, служит, прежде всего, экономическим интересам нерусского населения: «... Для чего же должны мы были воевать? Неужели для того, чтобы пролить кровь русского солдата и затем, чтобы уйти обратно, оставить земли и отдать их выходцам из Малой Азии, армянам и татарам и т.д.? Неужели для этого мы воюем и приобщаем земельные богатства? Если так на это смотреть, то мы не должны больше воевать никогда»⁴⁸.

Вторил ему и Марков, также считавший, что «в силу недостатков местной администрации» прекрасные земли Кавказа либо «совсем не заселяются русским населением, или заселяются элементами, враждебными русскому государству, элементами, пришлыми из Малой Азии и из Турции». «... Русские люди нужны на Кавказе, и это пусть знают госпо-

да кавказские туземцы, — заявлял с присущим ему пафосом правый политик. — Никого из кавказских жителей обижать не должно, они суть подданные русского царя, но не пускать русских людей, людей своего государства, народа-хозяина туда, где он свободно мог бы жить, этого Государственная дума не должна допускать, и пусть знают, это жители Кавказа, пусть они не становятся на опасный путь учинения препятствий шествию великого русского народа к занятию своих русских земель»⁴⁹. Такой подход к переселенческому делу нашел отражение и в программных документах правых. В постановлении IV Всероссийского съезда объединенного русского народа в Москве (1907), отмечалось: «Переселения должны содействовать мирному и промышленному закреплению за русским народом всех окраин, отнюдь не способствуя переходу коренных русских земель в руки инородцев или иностранцев»⁵⁰.

Помимо «инородцев» и иностранцев, правым виделось, как минимум, еще одно серьезное препятствие на пути освоения русскими переселенцами сибирских просторов. Если их подход к переселенческому делу отчасти можно свести к популярному в их среде лозунгу «Россия для русских», то реализации его на практике, полагали они, мешает «экономический сепаратизм» сибирского населения, вооружившихся лозунгом «Сибирь для сибиряков». Как утверждал член думской фракции правых епископ Митрофан (Краснопольский), ему не раз приходилось слышать от сибиряков эти слова, смысл которых заключался в том, что все богатства этого удаленного региона империи должны обслуживать только сибиряков-старожилов. «Отсюда замечаемое в некоторых местах недружелюбие или, вернее, неласковость к переселенцам», — заключал архиерей⁵¹.

Одобрив в целом переселенческую политику властей, представители консервативного лагеря указывали и на другие, по их мнению, оплошности, допускаемые правительством. СРН в своей программе по земельному вопросу требовал от правительства увеличения помощи русским переселенцам для проезда на новые места и обустройства там⁵². Не веря в возможности и желание Государственной думы решить переселенческий вопрос «сообразно интересам коренного русского населения», правые в 1907 г. связывали свои надежды с императором, предлагая ему для решения аграрного вопроса созвать «Освященный всесословный Земский Собор», собранный «только из православных и старообрядцев, без иноверцев и иноплеменников, и с крестьянами по одному от каждого уезда», полагая, что только такой состав смог бы «справедливо и безобидно устранить главную причину переживаемого нами земельного нестроения»⁵³. Как отмечал в одной из своих речей Тимошкин, «переселенческое дело у нас в России до сих пор было поставлено в высшей степени плохо, и в настоящее время оно стоит, нельзя сказать, чтобы очень хорошо»⁵⁴.

Марков также считал, что деятельность Переселенческого управления «хотя и заметно растет, но растет несоответственно с той важностью, с той государственной важностью, которую это дело переселения должно для государства нашего представлять». В этой связи политик требовал расширения дела переселения «до размеров, по крайней мере, равных, если не превышающих прирост народонаселения Российской империи» и признания Государственной думой этих мер «вопросом государствен-

ной важности и, а не вопросом мелкого ведомственного порядка», одним «из важнейших, крупнейших и надежнейших способов разрешения аграрного вопроса»⁵⁵. Товарищ председателя Русского собрания С. В. Воейков, выступая от имени фракции правых за ликвидацию порто-франко во Владивостоке, полагал, что введение таможенных пошлин в этом регионе даст новый источник дохода для казны, который можно будет обратить на помощь переселению и переселенцам⁵⁶. Но порой из правых рядов звучала и резкая критика организации переселенческого дела. В 1908 г. правый депутат Государственной думы крестьянин от Волынской губернии Я. Г. Данилюк в своей думской речи фактически солидаризировался с оппозицией, заявив, что при существующих условиях «переселяться может тот, кто обладает денежными средствами». «Но как же нашему голодному и холодному крестьянину, у которого за душой ни копейки, как же ему переселяться? — вопрошал депутат-крестьянин. — Как же ему переселяться, срываться со своего родного гнезда? Чтобы по пути помереть голодной смертью?»⁵⁷

Стремясь купировать подобные резкие суждения, епископ Митрофан (Краснопольский), признавая отдельные недостатки в переселенческом деле, призывал огульно не отрицать целесообразности работы, сделанной властью в этом направлении. «Конечно, как во всяком деле, так и в деле переселения, в деле молодом и слишком сложном, возможны и существуют теневые стороны, и надо желать, чтобы этих теневых сторон было как можно меньше, чтобы все недочеты, по возможности, были устранены. Но всего нельзя сразу охватить и всего нельзя сразу сделать», — убеждал архиерей. И хотя, продолжал владыка, многие крестьяне опасаются того, что на новом месте им будет еще хуже — «смею уверить, не хуже будет, а лучше будет, и тем смелым, энергичным людям, которые не убоятся дальнего пути, и тем, которым они облегчат земельную тяготу до некоторой степени, оставивши свои участки». «Однако, — добавлял он, — не надо скрывать, что не молочные реки и кисельные берега ожидают переселенцев, но большею частью суровая природа, которую нужно сначала победить трудом упорным и настойчивым»⁵⁸.

Помимо поддержки правительственной политики, указаний на ее отдельные недостатки и разговоров о безальтернативности переселения избытка крестьянского населения из европейских губерний, правые и сами предлагали программы корректировки постановления переселенческого дела. В 1909 г. Монархический съезд русских людей в Москве принял целый ряд предложений видного правого деятеля — протоиерея И. И. Восторгова — посчитав необходимым указать на них правительству. Суть этих предложений, расширенных делегатами съезда, вкратце сводилась к следующему: переселение крестьян должно пользоваться государственными льготами и субсидиями только в том случае, если это переселение происходит в стратегически и экономически важные для страны регионы (пустующие земли); пособия переселенцам, помимо денежных сумм, должны даваться льготами на пользование землею, лесом, рыбную ловлю, охоту и т. п.; взять под контроль вопрос, соответствуют ли новые земли, на которые едут переселенцы, прежнему месту их проживания (чтобы, например, житель степей не оказался в непривычной для себя лесной местности); командирование к переселенцам агрономов и создание специаль-

ных земледельческих школ; привлечение на дальневосточные земли не только крестьян, но и рабочих, чтобы эта сфера не оказалась полностью захваченной рабочими из Китая и Кореи; ограничить «сибирских инородцев» (бурят, алтайских калмыков, киргизов и др.) размером земельных наделов, не превышающих наделы русских переселенцев; создать систему чрезвычайных льгот для переселенцев, выбравших местом своего нового проживания Камчатку и Сахалин; воспретить продажу и раздачу окраинных земель иностранцам и евреям; учредить специальный переселенческий банк «на разумно-экономических началах»; усилить правительственную деятельность в развитии сети грунтовых и железных дорог в пределах важнейших переселенческих районов ⁵⁹.

В предложении думской фракции правых, озвученном в 1909 г., содержалось еще одно требование к правительству, достойное внимания: принять меры к тому, чтобы при ликвидации переселенцами своих земельных наделов в европейской части России, ценность последних не падала ниже средней стоимости земли в данной местности, поскольку поспешные продажи крестьянами своих прежних наделов нередко приводили к тому, что их скупали у них за бесценок ⁶⁰. Грингмут предлагал содействовать добровольному переселению на окраины империи не только крестьян, но и дворян-помещиков, поскольку «правильное сельское хозяйство возможно лишь при зрело-обдуманной комбинации крупного и мелкого землевладения» ⁶¹. Эта идея развивала основные тезисы, изложенные «Московскими ведомостями» в полемике 1894 г. с «Новым временем», однако в начале XX в. ее утопичность была очевидной.

Предпринимали правые и практические шаги, призванные помочь реализации массового переселения на окраины империи. Так, например, самый многочисленный отдел СРН — почаяевский — выступая в роли защитника малоземельного русского крестьянства, стал выдавать ссуды на покупку земли. В феврале 1911 г. был утвержден устав «Почаево-Волынского народного кредита», основной капитал которого состоял из членских взносов и займов от Министерства финансов (50 000 руб.), Главного Управления земледелия и землеустройства (50 000 руб.) и Главного переселенческого управления (10 000 р.). Основным полем деятельности «Почаево-Волынского народного кредита» была выдача ссуд крестьянам на покупку земли, предоставленной в распоряжение почаяевского отдела в Алтайском округе и Приморской области ⁶². Поддерживая эту деятельность монахов-почаяевцев, епископ Митрофан (Краснопольский) отмечал: «Факт исторический, что обитатели наши всегда были лучшими колонизаторами..., что, обыкновенно, в старину население оседало около обителей и монастырей... И надо... пожалеть, что наши монастыри забыли эту свою историческую задачу или, по крайней мере, проявляют ее слишком слабо... Но и помимо согласия с историей, выступление Почаяевской лавры в качестве колонизатора Сибири нужно приветствовать и с другой стороны, как проявление местной инициативы, направленной к устройству судьбы переселенцев» ⁶³.

Обсуждение в консервативном лагере переселенческой политики продолжалось в том же духе вплоть до революции 1917 года. Первая мировая война актуализировала проблему, связанную с землевладением немецких колонистов (так называемым «немецким засилием»), за счет кото-

рых правыми предлагалось если не решить, то хотя бы ослабить аграрный вопрос. На земли немецких колонистов предлагалось расселять русских крестьян, а самих колонистов либо выселять на историческую родину, либо переселять в отдаленные регионы России. Однако останавливаться подробно на этом сюжете нет необходимости, поскольку он достаточно подробно освещен в исследовательской литературе⁶⁴.

Подводя итог, необходимо сделать некоторые выводы, позволяющие охарактеризовать позицию русского консервативного лагеря в отношении правительственной переселенческой политики. Как для консервативной печати конца XIX в., так и для правых публицистов и политиков начала XX в., тема освоения, русификации и колонизации окраин империи была одной из важнейших. Всецело поддерживая правительство в стремлении ослабить остроту аграрного вопроса в европейской части империи путем переселения «излишков» крестьянского населения на ее окраины, консервативные круги указывали не только на экономические последствия этой меры, но и на важность переселенческого дела для русификации окраин, дальнейшего закрепления их за Россией и создания на них оплота для защиты от возможных иностранных посягательств. Для консервативной печати 1890-х гг. дискуссионным был вопрос о том, за кем должен сохраняться приоритет в колонизации и русификации окраин — за обществом или государством. В начале XX в. консервативные круги на общество уже не слишком уповали, возлагая свои надежды на императора, помощь которому в этом вопросе должен был бы оказывать собор из «истинно-русских людей». При этом правые видели и недостатки правительственной политики, указывая на то, что переселенческое дело ведется недостаточно широко, что без увеличения финансовых вложений со стороны государства оно не сможет быть достаточно эффективным; призывали власть к более активному развитию путей сообщения (железнодорожных, грунтовых, водных), видя в этом один из залогов успеха переселения; требовали введения широкой системы льгот для русских переселенцев. Обозначив Сибирь и Дальний Восток в качестве важных регионов для освоения русскими переселенцами, консервативные круги также обращали внимание власти и общества на земли Кавказа, Закавказья, Центральной Азии, считая, что успех русского переселения на эти территории будет способствовать ослаблению «инородческого» влияния и сепаратистских настроений. Русский национализм, являвшийся одним из центральных идеологических постулатов консервативного лагеря, проявлялся также в требованиях «поприжать» в случае необходимости коренные народы территорий, предназначенных для русских переселенцев и категорически не допускать перехода свободных земель в руки евреев и иностранцев. Помимо участия в полемике о переселенческой политике властей, правые и сами в меру сил пытались участвовать в практической деятельности по ее усовершенствованию и развитию, однако имеющиеся у них возможности не позволили достичь заметных результатов.

Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18—18—00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917)».

This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18—18—00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)”.

1. БЕЛИКОВ А.В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. — Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007, № 1, с. 69—79.
2. Виленский вестник. 24.05.1867.
3. Весть. 23.06.1867.
4. ТИХОНОВ Т.И. Письма о переселенцах Сибири. — Русский вестник. 1896, № 1, с. 316—351.
5. Там же, с. 348.
6. Там же, с. 350.
7. Там же, с. 316.
8. Московские ведомости. 15.07.1894.
9. ШАРАПОВ С.Ф. По Черноморскому побережью. — Русский вестник. 1895, № 10, с. 91—114.
10. Там же, с. 110—111.
11. Там же, с. 112—113.
12. Московские ведомости. 1.07.1894.
13. Там же. 24.07.1894.
14. Русский труд. 8.02.1897.
15. Там же. 15.02.1897.
16. Там же. 22.02.1897.
17. Там же. 8.11.1897.
18. Кремль. 1.03.1897.
19. ТИХОНОВ Т.И. Письма о переселенцах. Немцы-колонисты в Волыни и в Сибири. — Русский вестник. 1896, № 10, с. 316—322.
20. Там же, с. 326.
21. ТИХОНОВ Т.И. Письма о переселенцах. Немцы-колонисты на Волыни и в Сибири. — Там же, № 11, с. 380—392.
22. Там же, с. 387.
23. Там же, с. 387—388.
24. Там же, с. 389.
25. ЯНЧЕНКО Д.Г., СЛОБОДЗЯН Г.М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909—1911 гг. — Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2017, № 12, с. 93—106.
26. РОМОВ Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907—1912). Дисс. канд. ист. наук. М. 2003, с. 225.
27. КИРЬЯНОВ Ю.И. Правые партии в России. 1911—1917. М. 2001, с. 142, 177, 326; СТЕПАНОВ С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М. 2013, с. 224—225, 431; РЕПНИКОВ А.В. Консервативные модели российской государственности. М. 2014, с. 361; ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914). Киев. 2006, с. 347, 356—357.
28. РОМОВ Р.Б. Ук. соч., с. 240.
29. Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. 1. М. 1998, с. 129.
30. ГРИНГМУТ В.А. Монархическая партия. В кн.: Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Вып. 3. М. 1910, с. 178.
31. ЕГО ЖЕ. Русская монархическая партия. Там же, с. 278.
32. ЕГО ЖЕ. «Аграрный вопрос». Там же. Вып. 4. М. 1910, с. 71.

33. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 1306—1307.
34. УХТУБУЖСКИЙ П. Русский народ в Азии. СПб. 1913, с. 3—9.
35. Там же, с. 18—19.
36. ГРИНГМУТ В. А. Русская монархическая партия, с. 278.
37. УХТУБУЖСКИЙ П. Ук. соч., с. 11.
38. Там же.
39. Там же, с. 62.
40. Государственная дума. Стенографические отчеты..., стб. 1403.
41. Кремль. 11.10.1903.
42. ГРИНГМУТ В. А. Русская монархическая партия, с. 278.
43. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1907, стб. 484.
44. Там же. СПб. 1908, стб. 1263—1264.
45. Там же, стб. 128.
46. Там же, стб. 1509.
47. УХТУБУЖСКИЙ П. Ук. соч., с. 60—61.
48. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 1264.
49. Там же, стб. 1307—1308.
50. Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы, т. 1, с. 322.
51. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. СПб. 1909, стб. 480.
52. Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы, т. 1, с. 193.
53. Там же, с. 321—322.
54. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 1262.
55. Там же, стб. 1306—1307.
56. Там же, стб. 1763—1764.
57. Там же, стб. 1250.
58. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II, стб. 477—478.
59. Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы, т. 1, с. 490—494.
60. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II, стб. 484.
61. ГРИНГМУТ В. А. Русская монархическая партия, с. 278.
62. СТЕПАНОВ С. А. Ук. соч., с. 431.
63. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II, стб. 479—480.
64. См., напр.: СОБОЛЕВ И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб. 2004.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ББК 63.3(0)63

Развитие газораспределительного комплекса в Ленинграде в первые послевоенные десятилетия

А.Б. Мокеев, С.И. Подольский

Аннотация. В публикации рассматривается история развития и эксплуатации газораспределительной инфраструктуры СССР в первые послевоенные десятилетия. Данный вопрос изучен на примере Ленинграда. В работе уделено внимание не только самому процессу организации газораспределительного комплекса, но и его влиянию на социальную и экологическую жизнь советского мегаполиса. Исследования, посвященные этой теме, являются актуальными, так как в ближайшие десятилетия эпоха газа будет продолжаться, а его добыча и экспорт в нашей стране будут только увеличиваться. Газовое обеспечение сыграло одну из ключевых ролей в российской истории развития топливно-энергетической базы страны, а также серьезно изменило образ жизни людей.

Ключевые слова: инженерное развитие, газораспределение, топливо, энергия, СССР, Ленинград, общественная жизнь, советский мегаполис.

Abstract. The publication deals with the problem of development and exploitation of gas distribution infrastructure in the USSR in the first postwar decades. This issue is studied on the example of Leningrad. The work focuses on the impact not only of the process of organizing the gas distribution complex, but also of its influence on the social and environmental life of the Soviet metropolis. Research on this topic is relevant, as in the coming decades the gas era will continue, and its production and export will only increase in our country. Gas supply has played a main role in the Russian history of the development of the fuel and energy base of the country. And also seriously changed the way people live.

Key words: engineering development, gas distribution, fuel, energy, USSR, Leningrad, the social life, soviet megalopolis.

A lot of significant scientists dwell upon this topic nowadays. The works of A.Z. Vakser dedicated to Leningrad as one of the most developed Soviet megalopolises are of special interest. A.Z. Vakser dedicates separate pages to the development of the city gas infrastructure ¹. Such notable historians as A.N. Chistikov and N.B. Lebina were interested in social outcomes of

Мокеев Антон Борисович — кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский горный университет. E-mail: amokeev@yandex.ru; *Подольский Сергей Игоревич* — кандидат исторических наук. Санкт-Петербургский горный университет. E-mail: octet@yandex.ru.

Mokeyev Anton B. — PhD (History). St. Petersburg Mining University. E-mail: amokeev@yandex.ru; *Podolsky Sergey I* — PhD (History), St. Petersburg Mining University. E-mail: octet@yandex.ru.

incorporating gas into everyday life of the citizens ². Historical studies of incorporating gas into the economy of the country by A. P. Sokolov, S. V. Gustov, S. Efimov, D. V. Mityurin and others were really important ³. Such work as “Two Centuries of Russian Gas” plays a significant role in the modern historiography of gas infrastructure development of the USSR; in our case the 2nd volume “Time of Great Gas. 1917—1993” is of interest ⁴. It is a fundamental work dedicated to the development of gas system in Russia and the USSR.

In foreign historiography researchers were more interested in studying the strategic meaning of gas distribution system development for the USSR ⁵. In particular, one of the main subjects was usage of gas resources in commercial and industrial relations between the West and the USSR in the years of the Cold War. Thus, P. Högselius writes about Soviet “energy weapon” and dependence of the West on Soviet energy resources ⁶.

Thus, modern historiographic studies of gas distribution in the USSR are numerous but they do not estimate the role of the Councils of National Economy in the USSR gas infrastructure development during the years of N.S. Khrushchev; interdependence of gas infrastructure development and social and environmental changes in the Soviet society is not shown.

Materials and methods. The main methods include aspects of the regional approach presented using the Russian material in monographs on the history of gas distribution infrastructure in the USSR in the first postwar decades. The basis of the article has been provided by archival materials and published sources. Important information was found in the State Archives of the Russian Economy. This information concerns the history of developing gas policy in the top government echelons. Files in the Central State Historical Archives of St. Petersburg are of great value. In them we can find information about different measures, important technical details, role of such a significant managerial agency as the Leningrad Council of National Economy. The materials printed in the factory mass-circulation newspapers are also very important for the study; from them we found out facts not present in the memoirs and archives. At the same time memoirs written by V.A. Golovko, A.P. Ivanov and D.F. Ustinov made the story more vivid; we learned facts rarely present in record keeping materials.

Results and discussion. In the first postwar decade gas became the most important source of energy in the USSR. New gas deposits were discovered and new gas pipelines were built in different regions of the Soviet Union. In Leningrad gas successfully replaced traditional sources of energy: expensive coal and sources with low heating value, such as peat, slate and wood wastes. Coke gasworks at the Obvodny Canal was restored as early as in 1945. Mines and gasworks in Slantsy, Kohtla-Järve, Akhtma were under construction. Gas infrastructure development of the city on the Neva was supported by the decree “On Development of Fuel and Energy as well as Metallurgical Base of Leningrad” issued in 1948 by the USSR Council of Ministers. According to the decree the industry of the city should be made independent of far-away sources of fuel and raw materials. At the same time building of Kohtla-Järve — Leningrad gas pipeline was finished. A gas distribution unit was erected on Bronevaya Station and at the beginning of 1949 gas started to come into Leningrad. Electric power stations were the first to receive gas which allowed to increase the volume of cheaper electric power and to activate the development of the city economy.

But the housing facilities were poorly supplied with gas in Leningrad in the first postwar years. In 1946 just 22 thousand flats were considered supplied with gas in Leningrad.

The need of Leningrad in blue fuel was gradually increasing but at the beginning of the 1950s just one gas pipeline — Kohtla-Järve — Leningrad — was functioning, thus the administration of the city on the Neva started to think about new ways of delivering gas. However, the interests of the citizens of Leningrad faced the opposition of the government of the Estonian Soviet Socialist Republic. Golovko wrote that Kohtla-Järve gas pipeline was “very profitable for Estonia, that is why it was not interested” in building new ways of delivering gas to Leningrad. “All our attempts to find the solution in Moscow were blocked by Estonian government”, says Golovko. There even was an open opposition between the Estonian Soviet Socialist Republic Academy of Science and Lensovet Energy Committee under the leadership of Academician D.V. Nalivkin. At the end, Leningrad scientists could proof financial benefits of building a new gas pipeline ⁷. An important role played the fact that the first secretary of the Leningrad regional committee of CPSU F.R. Kozlov could finally see eye to eye with the head of Glavgaz of the USSR A.T. Shmarev. Working together they could insist on building a new gas pipeline Serpukhov — Leningrad in May 1957⁸. As a result on the 12th of July 1957 the USSR Council of Ministers issued a decree No. 830 “On Providing Leningrad with Natural Gas” ⁹.

Another reason causing delay in building the gas pipeline Serpukhov — Leningrad was connected with creating a concept of gas system development in Leningrad region as well as in the Soviet Union. In 1955—1957 Gosplan of the USSR, the Ministry of oil industry and Glavgaz of the USSR were deciding which fuel should be used for Leningrad — natural or shale. In the course of discussions and building parallels with the experience of the USA and Great Britain the point of view suggested by Y.I. Bokserman, one of Glavgaz of the USSR administrators, won, which sped up the construction of the gas pipeline Leningrad — Serpukhov ¹⁰.

These events coincided with economic zoning of the USSR, organizing a new form of industry and building management — Councils of National Economy. Setting up the Leningrad Council of National Economy allowed to accumulate the resources of the region in the hands of local administrators. Thus, within the limits of the Leningrad economic zone the Energy and Fuel Administration started to act and united gas, slate and peat industry, oil refining, industrial energy and gas infrastructure development. The main engineer, that is the head of the administration, was the oldest power engineer of Leningrad, Nikolay Alekseevich Dubasov.

The structure of the Leningrad economic zone allowed to plan a number of enterprises connected with gas network enlargement. Thus, the experts of the Leningrad Council of National Economy studying the productive forces of Novgorod region in December 1957 named the fields where future pump station of the gas pipeline Serpukhov — Leningrad were to be built. At the same time the experts proceeded from planning the construction of new electrical substations necessary for building and gas industry ¹¹.

An important result achieved by the Leningrad Council of National Economy was the ability to cooperate efforts of different industries. On

commission from Energy and Fuel Administration in 1957 samples of new tools were produced at Leningrad enterprises. At Nevsky engineering plant gas turbines and compressors were produced to equip the gas pipeline Serpukhov — Leningrad. Thanks to new tools and the gas pipeline gas extraction increased by 52% in 1958. In 1959 the length of gas pipelines in Leningrad economic region should have grown by 3.8 thousand kilometers. The gas pipeline was finished in spring of 1959 and gas resources of the city were six times as large as before giving Leningrad 500 million cubic meters more of natural gas. Thanks to this fact there began a process of replacing coal with gas at the boiler stations. 300 workers and engineers were being taught to work with the new powerful source of energy at the advanced training institution of the Leningrad Council of National Economy ¹².

Despite the economic and political conflict between the heads of Leningrad and the Estonian Soviet Socialist Republic, the economic agencies of the two subjects created an industrial union as the parties understood that they could not use the gas network of the region in any other way. Thus, as early as in November 1957 measures to clean Kohtla-Järve — Leningrad gas pipeline from polymers were developed. Estonians helped Leningrad. At the end of 1957 manufacture of different details for the Leningrad part of the gas pipeline was organized at Tallin engineering plant ¹³.

Gas supply system development in Leningrad promoted changes in gas distribution economy of the Estonian Soviet Socialist Republic. After gas had been supplied to Leningrad from Stavropol Territory, the administration of the Estonian Soviet Socialist Republic started to concentrate on providing the republic with local shale gas. Depositories were built for it in Tallin in 1960. In the years to come Leningrad proved to be useful for the Estonian Soviet Socialist Republic as it provided it with more valuable fuel: in 1969 gas was supplied from the city on the Neva via Kohtla-Järve — Leningrad gas pipeline; this gas was mixed with Estonian gas and the resulting more powerful product was delivered to the consumers in Tallin.

Thanks to the growth of gas distribution system, processes connected with lifestyle changes, environment and new tools implementation started to develop. Gas infrastructure development in Leningrad coincided with a pilot process — housing revolution started by N.S. Khrushchev; new houses were supplied with gas from the very beginning.

But they started to supply older houses having water and sewage systems with gas, too; the houses had been warmed with stoves, people cooked using kerosene and wood stoves. For many years stored wood had been a detail of the city landscape, says Golovko: “yards were stocked with wood, stacks of wood were like mountains, every flat had its “own” small woodyard” ¹⁴.

When gas had been supplied to older houses, gas stoves appeared. The first stoves appeared in the houses in Nevsky Prospekt, after that they were mounted in Stalin Prospekt (Moskovsky since 1956). By 1956 256 thousand of flats had been supplied with gas. In 1957 87% of dwelling houses were supplied with gas. When gas stoves appeared in the houses inhabitants started to dismount wood stacks; there often appeared much space in the kitchens. Heating stoves started to disappear, round brick ones covered with corrugated metal being the first. Woodyards known to the citizens were shutting down.

Thanks to gas infrastructure development most of the citizens started to wash their linen in flats and not to take them to the community laundries which shut down. But there were people living in community flats, besides not everyone had a good washing machine, commercial laundries were a good way-out for them. Building of large commercial laundries started in 1961 in Polyustrovsky Prospekt and in Alexandrovsky Farm Prospekt. By 1965 there were 25 commercial laundries in Leningrad and more than 200 linen receiving stations in different districts of the city. Their services were utilized by almost 1.5 million customers, who mostly lived in community flats in the central districts of the city ¹⁵.

But there also were suburbs of Leningrad where it was hard to build gas pipelines, and liquid gas was put into practice. Golovko participated in providing the city with liquid gas: “it was used for the first time at Oktyabrskaya railway in 1954. Containers were filled on the open square in Shuvalovo.

Liquid gas changed the lifestyle of people living in the suburbs of provincial towns. According to the memoirs belonging to one of the citizens of Kalinin whose childhood fell on the 1950s-1960s gas stoves with reusable gas tanks containing liquid gas replaced wood stoves and compulsory sawing up in summer. Besides, being a schoolboy in the middle of the 1960s he rode his bike from Perevolotsky Proezd to a small office in Pervomaiskaya Roshcha where one could replace used tanks with new ones. One of the models of the gas stove was relatively small and could be used to cook meals out of doors. At the same time as one of the citizens of Kalinin remembered she saw while at her friend’s in a private house in Chekhov Street that gas came from a large tank situated in a special facility. Workers were paid to replace the old container with the new one and they removed the old one. In the conditions when gas infrastructure development of different regions of the country took several decades it was very important to supply population with tanks full of liquid fuel.

At the same time exploitation of gas network has been dangerous from the very beginning — accidents have always been possible. Let’s address the informative memoirs of Golovko once again. He describes problems in gas sector in full detail. Use and maintenance of gas infrastructure have always presented some danger and demanded a number of safety measures. As an example one can use a leaflet published in 1948 which called the farmers of Leningrad region to help the specialist to protect Kohtla-Järve — Leningrad gas pipeline (Attachment — Leaflet published in 1948 for local citizens) ¹⁶. Gas leaks presented the main threat. To find them fuel was mixed with reagent. According to the author of the memoirs “at the entrance of the main gas pipeline a powerful reagent station was built” which was supposed to prevent the threat of gas explosions in flats.

But alas, accidents happened. Golovko remembered: “Once on Sunday I was sitting at the table at my father’s place in Krasnoarmeyskaya Str., 6. Suddenly a strong explosion sounded as if a bomb fell down somewhere in the vicinity... I ran across the Fontanka River in the direction of Obukhov Bridge where a throng of people could be seen”. The results were disastrous: “Here I saw a terrible picture reminding me of the blockade years. The right pavement of the bridge was broken by the explosion, thick concrete panels littered the bridge and the granite guard rail had partially fallen into the Fontanka and partially tilted. Killed and injured people were lying on the bridge”.

Specialists of “Lengaz” thoroughly looked into the matter and found out that “there were many empty spaces along the gas pipeline. Faulty welding of the pipeline joints led to leaks and accumulation of gas in the empty spaces... Apparently, a smoldering cigarette stub dropped on the panel and set fire to the explosive substance”. Golovko remembered that following that tragedy leak security measures were revised in Leningrad: “a special committee of scientists, representatives, agencies heads was established and authorized to develop measures preventing such accidents. Wide and systematic propaganda of rules governing the usage of blue fuel was started in the city. All the subdivisions dealing with gas industry were occupied with taking gas pipelines out of cellars and non-residential premises, liquidating any empty spaces where explosive combination of gas and air could be formed. Emergency services of “Lengaz”, in particular their vehicles, were provided with two-way radios”.

But of course benefits of using gas in everyday life were greater than all the risks. It even caused improvement of environmental situation. Gas infrastructure development led to abandoning uncontrolled building of small boiler-houses. As a result they started to build joint boiler stations and set up “Lengazteplstroy” agency; Vasily Sergeevich Tolstikov, a qualified constructing engineer, became its head.

As for cleaning the air basin of the city, one could also see great improvements here, but for some time citizens of Leningrad addressed different authorities complaining of black coal smoke. Thus, a letter written by one of the citizens of Leningrad was returned to the Leningrad Council of National Economy from the Supreme Council of the USSR. The author offered to accelerate gas infrastructure development to avoid smog. There are impressive memoirs of Golovko describing environmental situation: “As a witness I can say: on the Victory Day, May 9, my fellow soldiers ascended the Pulkovo Hills and could observe a dark “hat” of smog covering the city. Black smoke came out of numerous chimneys. It looked as if there were a large cauldron down there where asphalt was being boiled”. After they started to use gas the air basin became clean: “... from the windows of my flat in the northern district of the city I can clearly see the dome of St. Isaac Cathedral, the spire of the Admiralty and even the Pulkovo Hills! The city is free from smoke and soot! Just because all boilers run on gas now!”¹⁷

Gas infrastructure development in Leningrad led to development of Leningrad region as well as its nearest neighbor, the Estonian Soviet Socialist Republic. At the same time Leningrad desperately needed access to power sources which were cheaper than Kohtla-Järve — Leningrad gas pipeline. To solve the problem the gas pipeline Serpukhov — Leningrad was built. Gas infrastructure development in Leningrad demanded new security measures connected with its use and transfer. It seems that gas infrastructure development became one of the achievements of N. S. Khrushchev’s leadership period. Gas infrastructure development seriously influenced the lifestyle of the citizens and those living in the suburbs; everyday life was improved. Gas infrastructure development greatly influenced the city design: wood yards and stacks of wood disappeared from the streets; stoves were dismantled in the flats. Modern household appliances run on gas were used now in flats. Gas significantly changed the environmental situation in the megalopolis: the air basin of the city was cleaned.

References:

1. VAKSER A.Z. Postwar Leningrad. 1945—1982. St. Petersburg. 2005 (in Russian); EJUSD. Reviving of Leningrad Industry. 1945 — the beginning of the 1950s. St. Petersburg. 2015 (in Russian).
2. LEBINA N.B. Routine of the Epoch of Space and Maize: Destruction of Great Style. Leningrad in the 1950s-1960s. St. Petersburg. 2015, p. 155—158 (in Russian); LEBINA N.B., CHISTIKOV A.N. Common Citizens and Reforms. Glimpses of Citizens' Everyday Life in the Years of NEP and Khrushchev's Decade, St. Petersburg. 2003, p. 111—115 (in Russian).
3. SOKOLOV A.R. Relevance of Historical Studies of Gas Industry. In: From Thermolamp to Main Gas Pipelines. Materials of the 1st and the 2nd International Scientific Conferences on the History of Gas Branch. St. Petersburg. 2013, p. 23—35 (in Russian); EFIMOV S. From the History of Estonia Gas Supply. In: *Ibid.*, p. 128—130; GUSTOV S.V., SOKOLOV A.R., MITYURIN D.V. From Glavgaz to Minpromgaz. — *Gazinform. Bulletin of Gas Club. Quarterly journal.* 2013, No. 1(43), p. 69—73 (in Russian).
4. GUSTOV V.S., MITYURIN D.V., SOKOLOV A.R. Two Centuries of Russian Gas. Vol. 2. Time of Great Gas. 1917—1993. 2013 (in Russian).
5. HÖGSELIUS P. Red Gas. Russia and the Origins of European Energy Dependence, N.Y. 2013. p. 1—3.
6. *Ibidem.*
7. VAKSER A.Z. Postwar Leningrad. 1945—1982; EJUSD. Reviving of Leningrad Industry. 1945 — the beginning of the 1950s.
8. EVDOSHENKO Y.V. Shale Gas or Natural Gas? From the History of Gas Infrastructure Development in Leningrad. Petersburg — the Cradle of the Russian Gas Industry. — *Gas in Russia. Quarterly industrial scientific, technical and manufacturing journal* (in Russian) 2016. Access: <http://www.gazrossii.ru/page/history/history6>.
9. Central State Historical Archives of St. Petersburg, f. 9683, inv. 1, f. 52, Leningrad 3 (in Russian).
10. State Archives of the Russian Economy, f. 8627 (Ministry of oil industry of the USSR), inv. 11, f. 292, Tendency of Slate Refining Industry Development, April 13 — July 6, 1955. Leningrad 1 (in Russian).
11. Central State Archives of the Historical and Political Documents, f. 7550, inv. 1, f. Leningrad 50 (in Russian).
12. Sketches of Leningrad History. Vol. VI. Leningrad. 1970 (in Russian).
13. Council of National Economy of the Leningrad economic administrative zone. Administrative Department. Correspondence with the National Committees of the USSR Council of Ministers. Central State Historical Archives of St. Petersburg, f. 8963, inv. 1, f. 52. Leningrad 43—44 (in Russian).
14. EFIMOV S. *Op. cit.*, p. 128—130
15. LEBINA N.B. *Op. cit.*, p. 155—158.
16. EFIMOV S.)*p. cit.*, p. 128—130 (in Russian).
17. GOLOVKO V.A. Life was interesting. St. Petersburg. 2002, p. 135 (in Russian).

Белые власти Юга России и аграрный вопрос (по литературе русского зарубежья)

И. С. Бакланова

Аннотация. В публикации рассматриваются точки зрения эмигрантских авторов относительно попыток белых властей на Юге наметить подходы к разрешению аграрного вопроса и, соответственно, проведению аграрной реформы в России. Особое внимание уделяется анализу крестьянской политики командования генерала А.И. Деникина на контролируемых руководством ВСЮР территориях, «аграрной декларации» и теоретическим наработкам комиссий под руководством В.Г. Колокольцова и В.Н. Челищева. Приводятся существующие в литературе русского зарубежья мнения по поводу сущности концепции аграрной реформы генерала П.Н. Врангеля и ее реализации в Крыму в 1920 году.

Ключевые слова: гражданская война в России, литература русского зарубежья, аграрный вопрос, аграрная реформа.

Absrtact. The publication examines the points of view of emigrant cars regarding the attempts of the white authorities in the South to outline approaches to resolving the agrarian question and, accordingly, carrying out agrarian reform in Russia. Particular attention is paid to the analysis of the peasant politics of the command of General A.I. Denikin on the territories controlled by the VSYUR, the “agrarian declaration” and the theoretical findings of the commissions under the leadership of V.G. Kolokoltsova and V.N. Chelishchev. Presented in the literature of the Russian foreign countries are views on the essence of the concept of agrarian reform of General P.N. Wrangel and its implementation in the Crimea in 1920.

Key words: Civil war in Russia, literature of the Russian abroad, agrarian question, agrarian reform.

Эмигрантские авторы, стремясь определить причины поражения Белого движения (часто имея в виду необходимость «разбора ошибок» во имя будущей борьбы с «советами») назвали ряд факторов, от которых зависели итоги братоубийственного противостояния начала XX века. В данной связи в литературе русского зарубежья отмечается большое, нередко классифицируемое как основополагающее, значение позиции кре-

Бакланова Ирина Семёновна — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет гражданской авиации». E-mail: bairs777@mail.ru.

Baklanova Irina S. — PhD (History), associate professor at the Moscow State Technical University of Civil Aviation. E-mail: bairs777@mail.ru.

стьянства по отношению к Белому делу. В частности, генерал-лейтенант Д. В. Филатьев писал, что «самая же главная причина» «белых неудач» заключалась в том, что «мужик и серая солдатская шинель оказались не на нашей стороне»¹. Еще более решительно по данному поводу высказался историк, политолог, редактор нескольких печатных изданий, видный деятель меньшевистской партии Д. Ю. Далин, по мнению которого, именно «интересы крестьянства» и определяли «судьбу всей политики»². Аналогичных высказываний в литературе русского зарубежья встречается достаточно много. Вот еще одно: начальник части печати Генштаба генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля в Крыму, в дальнейшем — белоэмигрантский журналист и публицист Г. В. Немирович-Данченко считал земельный вопрос в России той «осью, вокруг которой вращались все политические и экономические интересы населения»³.

Поэтому такие эмигрантские авторы как, например, П. В. Жадан, еще подростком пришедший в ряды Добровольческой армии и участвовавший в ее вооруженной борьбе начиная со Второго Кубанского похода⁴, считали насущной необходимостью разрешение в рамках Белого движения земельной проблемы для «закрепления» за собой крестьянства⁵. Что же касается выбора региона данного исследования, то южный анклав просуществовал, как констатировал уже упоминавшийся выше генерал Филатьев, дольше остальных, да и «достижения» в области вооруженной борьбы здесь были более «блестящими»⁶. К тому же и аграрный вопрос на Юге России стоял более остро, чем, допустим, на Востоке⁷, поскольку там «помещика», по выражению генерал-лейтенанта Н. Н. Головина, «в обыденном» смысле не существовало. А достаточно зажиточные крестьяне-«старожилы» и казаки враждовали лишь с «новоселами»⁸. (Кстати, последних омский журналист В. Н. Иванов охарактеризовал как людей неприспособленных к сибирским условиям, безынициативных, экономически зависимых от старожилов)⁹. В данной связи сама жизнь требовала от белых властей на Юге России более активных действий в области решения аграрных проблем. Что же касается литературы русского зарубежья, то, как неоднократно отмечалось в новейшей отечественной историографии, ее значение и в области общекультурного развития цивилизации, в целом, и в изучении гражданской войны и Белого движения, в частности, представляется «неоспоримым»¹⁰.

Общеизвестно, что основным лозунгом Белого дела стал призыв к разнородным политическим силам (кроме «федералистов и самостийников») объединиться в борьбе с большевиками за Великую, Единую и Неделимую Россию. Главнокомандующий ВСЮР, генерал-лейтенант А. И. Деникин считал, что трехцветное знамя сохранения российской государственности и «непредрешение» ее будущего устройства, являвшееся «требованием жизни», поможет дойти до Москвы¹¹. В данной связи представляет интерес свидетельство управляющего Отделом законов и временно исполняющего обязанности управляющего Отделом пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР К. Н. Соколова о том, что генерал Деникин свою программу сформулировал просто и образно: сначала восстановить Россию, а лишь потом — «сажать капусту»¹². Это положение касалось и решения аграрного вопроса, по поводу которого Антон Иванович писал в своих «Очерках Русской Сму-

ты»: «полное разрешение» земельной проблемы будет осуществлено созданными в будущем «законодательными учреждениями», «через которые русский народ выразит свою волю»¹³.

Однако территория, контролируемая белыми, увеличивалась, и перед командованием Деникина встал вопрос о необходимости определения своей позиции по отношению к так называемому «черному переделу», в частности, к собственности на урожай, выращенный крестьянами на захваченных землях. Так появилось «текущее» аграрное законодательство, которое К.Н. Соколов назвал «казуистичным и отрывистым»¹⁴. В 1918 г. в соответствии с приказами белого командования помещики получили треть урожая — каждый «третий сноп», выращенный на захваченных крестьянами землях¹⁵. В начале 1919 г. «держателям земли» уже вменялось в обязанность проведение сева, за что правительство обещало осенью обеспечить интересы крестьянства. По изданным в конце июня 1919 г. правилам, помещики получали половину урожая трав, треть урожая хлебов, одну шестую урожая корнеплодов. Осенью этого же года указанный расчет был скорректирован, по замечанию Соколова, «в пользу захватчиков»: помещики имели право на пятую часть урожая зерновых и одну десятую — корнеплодов¹⁶. При этом стремление со стороны властей обеспечить существовавшие до революционных событий 1917 г. права собственности на землю привело к тому, что даже при отсутствии землевладельцев крестьяне не получали весь выращенный ими урожай. Причитавшаяся помещикам часть шла местному начальству, которое, в свою очередь, ее продавало, а деньги зачисляло «в свой депозит»¹⁷. То есть командование и правительство генерала Деникина в полной мере фактически так и не признали уже сложившихся земельных отношений, что в литературе русского зарубежья рядом авторов квалифицируется как серьезная политическая ошибка, имевшая негативные последствия¹⁸.

Не способствовали увеличению социальной базы Белого движения на Юге России грабежи и другие злоупотребления в отношении крестьянства. Руководитель конституционно-демократической партии, профессиональный историк П.Н. Милюков констатировал, что вслед за победами в вооруженной борьбе начинались экзекуции местного населения, инициаторами которых часто выступали сами «пострадавшие» помещики. Они приводили карательные отряды, устраивавшие массовые порки, требовали от крестьян возмещения убытков «за сожженные дома, имущество, скот и т.д.»¹⁹ Причем, в работах критиков «деникинщины» указывалось, что восстановление частной собственности осуществлялось в «диких формах произвола гражданских и военных чинов»²⁰. Крестьянское имущество становилось объектом хищений и со стороны военнотружущих белых вооруженных формирований. По данному поводу Главнокомандующий Русской армии, генерал-лейтенант Врангель писал: «Война обратилась в средство наживы, довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию»²¹. Причем, как отмечал Соколов, борьба командования против произвола по отношению к местному населению в рамках ВСЮР практически не давала никаких результатов²². Таким образом, трудно не согласиться с генерал-лейтенантом А.С. Лукомским, являвшимся начальником военного управления, помощником Главнокомандующего, председателем Особого Совещания при генерале Деникине²³, в том, что

действия помещиков, мстивших за свои потери, а также грабежи и бесплатные реквизиции белых войск вызывали широкое недовольство и возмущение крестьянских масс ²⁴.

Концепция «непредрешения» представляла собой основную стратегическую линию политики командования Деникина. Однако, как писал сам Главнокомандующий ВСЮР: «Жизнь не ждет» ²⁵. И, возможно, для того, чтобы все-таки определиться с основными направлениями решения аграрного вопроса в будущем, ответив на вызовы времени в настоящем, 23 марта/5 апреля 1919 г. был принят единственный официальный программный документ, названный Деникиным «аграрной декларацией» ²⁶. Сам Антон Иванович отверг авторство «декларации». Основные ее положения, по свидетельству Главнокомандующего, были «составлены» в Национальном центре известным общественным и политическим деятелем, членом центрального комитета конституционно-демократической партии Н.И. Астровым. Деникин лишь отредактировал документ, придав ему форму предписания Особому Совещанию ²⁷.

Достаточно подробный анализ «аграрной декларации» содержится в работе Соколова. Программное «письмо генерала Деникина по земельному вопросу» наметило, по мнению данного автора, три этапа будущей реформы. Сначала должны были состояться мероприятия по обеспечению малоземельных крестьян наделами. Далее следовало разработать Земельное положение, в соответствии с которым, на основе норм, выдвинутых для каждой отдельной местности, определялись размеры помещичьей собственности на землю. Участки, превышавшие указанные нормы, переходили к малоземельным. Причем, данный процесс осуществлялся как в результате «добровольных соглашений», так и принудительно. Но, как было прописано в документе, крестьяне в любом случае должны были обязательно заплатить за получаемую землю. Окончательно аграрная реформа «для всей страны» утверждалась высшими законодательными учреждениями России ²⁸. (Заметим в скобках, что генерал Деникин в качестве серьезного достижения рассматривал появление в формулировках документа «принципа принудительного отчуждения») ²⁹.

Следующим шагом в области разработки теоретической базы будущей аграрной реформы стала деятельность комиссии, возглавляемой начальником управления земледелия В.Г. Колокольцовым. Уже в августе 1919 г. был представлен первый вариант Земельного положения. Однако Деникина данный документ не устроил в силу ряда причин. Во-первых, в нем содержался значительный перекос в сторону защиты земельных владений помещиков, что дало возможность охарактеризовать указанное Положение как «акт отчаянной самообороны класса». Во-вторых, неприятие Главнокомандующего ВСЮР вызвали слишком затянутые сроки перехода к отчуждению части помещичьей собственности, а именно: данный процесс должен был начаться только через три года после установления в России гражданского мира. В итоге — проект Земельного положения был отвергнут. Колокольцов ушел в отставку. Главой новой комиссии был назначен начальник управления юстиции В.Н. Челищев ³⁰.

Вариант Земельного положения комиссии Челищева был готов в ноябре 1919 года. Данный документ в Особом Совещании не обсуждался, но все-таки был предан гласности, как отмечалось, для того, чтобы узнать

мнение общественности³¹. Новое Земельное положение, по характеристике генерала Деникина, отличалось от предыдущего варианта лишь «лучшей юридической формулировкой, осторожностью и стиранием острых углов». Тем не менее, Главнокомандующий ВСЮР оценил его как «попытку проведения грандиозной социальной реформы», своевременное воплощение которой в жизнь (до начала первой мировой войны) смогло бы предотвратить революционные потрясения 1917 г. и их негативные последствия³². В ряде работ эмигрантских авторов Деникину инкриминируется то, что его командование не использовало все возможности для победы над большевиками, в частности, отказалось от проведения крестьянской реформы, которая, как предполагалось, смогла бы расширить социальную базу Белого дела³³. Как бы отвечая на упреки оппонентов, Главнокомандующий ВСЮР обосновал прекращение работы в данном направлении тем, что, во-первых, требования крестьян к рассматриваемому времени уже вышли за рамки Земельного положения. Во-вторых, для проведения столь радикальной аграрной реформы на Юге России не было ни идеологов, ни исполнителей. Ну и, в-третьих, Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак требовал до решения Народного Собрания не идти далее узаконения безвозмездного пользования захваченной землей³⁴. (Член правительства адмирала Колчака Г.К. Гинс подтвердил, что для генерала Деникина действительно были установлены ограничения в вопросах земельного законодательства)³⁵.

Представляется вполне правомерной постановка следующих вопросов: насколько положения названных выше документов отвечали действительным требованиям земледельцев и, соответственно, способствовала бы реализация взглядов белого руководства расширению социальной базы антибольшевистского движения? Общеизвестно, что российское крестьянство в начале XX в., в том числе и в рассматриваемый период, не представляло собой единую, однородную массу. В нем, в соответствии с материальным положением, выделялись различные группы, имевшие свои собственные, особые интересы. Тем не менее, по наблюдениям генерала Лукомского, во время гражданской войны сутью устремлений всего крестьянства было получение «законного документа», удостоверяющего право собственности на «отобранную» у помещиков землю³⁶. В данной связи представляется, что программа действий, выдержанная в духе работ конституционно-демократической партии, сохранявшая помещичье землевладение и не легализующая результаты «черного передела», вряд ли была бы поддержана российским крестьянством. Аналогичной точки зрения придерживался и Соколов. По его мнению, единственным политически целесообразным решением, соответствующим требованиям времени, хотя и не гарантирующим успех, ибо крестьяне могли и «не поверить», была легализация земельных захватов. Соколов считал ее «экономически бессмысленной», «морально предосудительной». Тем не менее, только легализация являлась серьезным «козырем» в «игре на «психологию масс»». Причем указанный автор отверг ссылки на отсутствие поддержки со стороны «общественности». Военная диктатура, по его мнению, уже исходя из своей сущности, была призвана «провозгласить и предписать власти» соответствующую аграрную политику, а после этого появились бы «и люди, и организации»³⁷.

Однако в работах эмигрантских авторов, оппозиционно настроенных по отношению к командованию генерала Деникина, приводятся аргументы, на основании которых Земельное положение отвергается в принципе. Так, например, последовательный критик «деникинщины» Г. Покровский заявил, что реализация указанного документа была вообще не способна решить аграрный вопрос в России. Свою позицию он обосновал расчетами, в результате которых определил, что в ходе реформы к крестьянам ежегодно переходило бы только около 3% помещичьей земли. Именно столько земледельцы итак получали в результате купли-продажи. Отсюда и тот политический вывод, который сделал Покровский: правительство генерала Деникина неукоснительно соблюдало интересы помещиков, имея в виду реставрацию порядков царской России³⁸.

Тем не менее, ряд эмигрантских авторов, в числе которых можно назвать и Соколова, решительно отвергали обвинения в проведении пропомещичьей, реставраторской политики. Один из приведенных аргументов состоял в том, что Главнокомандующий ВСЮР не принимал радикальных, революционных методов руководства. Он хотел разрешить аграрный вопрос «по-хорошему», по «чести и справедливости», восстановив нарушенное событиями 1917 г. право. Однако действовал Деникин не соответствовавшими времени методами, а, видимо, в духе хорошо ему известной, по выражению Соколова, «бюрократической — петроградских канцелярий и генерального штаба — традиции». Отсюда — и реализация достаточно сложной схемы: заявить о восстановлении прав помещиков на землю, чтобы в дальнейшем обосновать их притязания на вознаграждение за последующее в будущем отчуждение «юридически» возвращенных им земель³⁹. Можно отметить, что в литературе русского зарубежья встречаются мнения о необходимости обязательного сохранения помещичьих хозяйств с точки зрения экономической целесообразности. Ибо в антибольшевистском лагере существовало мнение о них как о практически единственных в стране носителях высокой агрикультуры. Следовательно, уничтожение помещичьего землевладения нанесло бы удар экономике всей России⁴⁰.

Таким образом, в литературе русского зарубежья не существует единого мнения ни относительно оценки сути положений задуманной руководством генерала Деникина аграрной реформы, ни относительно возможных последствий ее проведения. Но если Главнокомандующий ВСЮР так и не решился на активные действия в области земельных преобразований, то его преемник — генерал Врангель — все-таки смог осуществить аграрную реформу. Причем это произошло не на огромной территории, контролируемой в свое время командованием генерала Деникина, а на небольшом клочке земли, в Крыму, в условиях, которые ряд эмигрантских авторов определяли как «безнадежные»⁴¹. В данной связи встает вопрос: почему же Врангель вообще сделал столь ответственный и рискованный шаг?

Представляется, что ответить на него помогут записки известного политического и общественного деятеля, монархиста, участника Белого движения В. В. Шульгина. В них Василий Витальевич привел содержание своих бесед с генералом Врангелем и председателем его Правительства, человеком, принимавшим активное участие в разработке еще «столыпин-

ской» аграрной реформы, А. В. Кривошеиным. Судя по их содержанию, барон Врангель прекрасно понимал безнадежность Белого дела в данное время и в данном месте. Поэтому, принимая командование над Вооруженными силами Юга России, он видел свою основную задачу в необходимости, покончив с «позорищем» и «безобразиями» столь активно критикуемого им в недавнем прошлом «деникинского» периода, уйти «с честью». Но после того, как положение дел было «более или менее» налажено, с грабежами и другими злоупотреблениями, в основном, покончено ⁴², оказалось, что можно еще некоторое время и побороться. Пётр Николаевич оговорился относительно того, что он не строил «широких планов». Тем не менее, по замыслам командующего Русской армии предполагалось, превратив Крым в некое подобие «опытного поля» (по выражению Кривошеина — в «опытную станцию»), продемонстрировать всей «остальной», прежде всего, большевистской России, способность белых властей к созидательной работе. При этом крестьяне, естественно, должны были сравнить политику красных и белых, что выявило бы преимущество последних. Ибо у большевиков — «голод и чрезвычайка», а здесь, на клочке истинно русской земли — «заводится порядок и возможная свобода». Следовательно, крестьянам предстояло сделать выбор в пользу антибольшевистских властей. В данном случае можно было бы медленно, «закрепляя за собой захваченное», продвигаться вперед. И этот поход уже нельзя было бы классифицировать как поход по «завоеванию России», каковыми, по существу, являлись вооруженные действия ВСЮР при генерале Деникине, ибо население, поняв, что ему есть за что бороться, активно поддержало бы Русскую армию ⁴³. Аграрная реформа в данных стратегических планах имела ключевое значение, представляя собой оружие «психологического воздействия на крестьянские массы», наносившее решающий удар по пропаганде большевиков, обвинявших белых в реставрации старого аграрного строя и наказании крестьян за захват помещичьей земли ⁴⁴.

Однако при разработке концепции земельных преобразований сразу же возникли определенные противоречия, ибо, как отмечал Миллюков, Врангель являлся «кандидатом правых», а его политика, отвечая запросам времени, должна была стать «левой». Но новый Главнокомандующий ВСЮР не «плутал» в теоретических дебрях, а по-военному четко определил основной принцип своей деятельности — «с кем угодно и какими угодно средствами, только бы добиться бы успеха». Отсюда — и характеристика политики генерала Врангеля, данная известным общественным и политическим деятелем П. Б. Струве, — «левая политика правыми руками» ⁴⁵.

Первый вариант проекта аграрных преобразований, разработанный комиссией под руководством бывшего товарища министра земледелия и начальника переселенческого отдела еще дореволюционного периода, сенатора Г. В. Глинки, генерала Врангеля, как в свое время и генерала Деникина, не устроил. В данном документе было прописано, что помещичьи землевладения сохранялись в размерах до двухсот десятин. В случае признания данных хозяйств имеющими краевое или государственное значение — в размере до четырехсот десятин. Неприкосновенными объявлялись усадебные земли и постройки, а также площади ценных культур.

Отчуждению подвергались лишь сдававшиеся в аренду и не обрабатываемые пахотные и сенокосные земли. При их продаже преимущества получали постоянные арендаторы. Не распроданные к определенному сроку участки поступали в распоряжение правительства «для дальнейшего их использования по назначению»⁴⁶. (Заметим, что данные положения мало отличались от наработок деникинского периода).

Несмотря на то, что генерал Врангель квалифицировал работу комиссии сенатора Глинки как давшую «обширный материал», тем не менее, Петра Николаевича, судя по его «Запискам», прежде всего, не устроила сама концепция проекта. Поэтому он четко определил основную направленность будущей реформы и, соответственно, готовившихся документов — «поднять» именно трудовое крестьянство, «организовать, сплотить и привлечь его к охране порядка и государственности»⁴⁷.

В связи с острой необходимостью скорейшего проведения земельных преобразований, следующие законопроекты готовились, по настоянию Врангеля, «в самый кратчайший срок». И уже 25 мая 1920 г. были обнародованы три основополагающих документа: «Приказ о земле», «Правила о передаче распоряжением правительства казенных государственных, земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» и «Временное положение о земельных учреждениях»⁴⁸.

Основная роль в проведении аграрной реформы принадлежала волостным и уездным советам. Именно они занимались «распределением земли и выработкой условий, на которых она должна была переходить в собственность обрабатывавших ее хозяев»⁴⁹. В данной связи разработчиками предлагались достаточно демократичные и не допускавшие злоупотреблений условия формирования указанных учреждений. А именно: право участия в выборах получили только те «хозяева» (независимо от пола), которые уже имели земельную собственность и самостоятельно вели «полевое или приусадебное хозяйство». При этом каждое владение могло посылать в состав волостных земельных сходов только одного своего представителя. В помощь местным земледельцам назначались специалисты по межевому делу и землеустройству⁵⁰.

Между «хозяевами» распределялись значительные земельные массивы: «казенные» имения и имения государственного банка, а также угодья, превосходившие «неприкосновенные размеры» частных владений. Причем, указанные «неприкосновенные размеры» определялись в каждой волости своим земельным советом, а в дальнейшем утверждались «высшей правительственной властью». Созданные большевиками совхозы с «правильным хозяйством и обзаведением», а также «особо культурные или промышленные хозяйства» в случае их квалификации местным населением как имевшими государственное или краевое значение, могли передаваться в «казенное» управление или местному волостному земству. Однако и в этом случае земли как арендного фонда, так и признанные «излишними», подлежали распределению между крестьянами. По отношению к созданным советской властью в годы гражданской войны коммуна предписывались следующие действия: их можно было или разделить между «хозяевами», или волостные земельные советы учреждали над ними особое управление⁵¹.

Неотчуждаемыми объявлялись «усадебные» наделы, леса, находившиеся в государственной или частной собственности (правда, население получало право удовлетворения за их счет своих хозяйственных нужд), земли, купленные при содействии крестьянского банка по установленным нормам; выделенные на хутора и отруба по законам землеустроительным и др.⁵²

В первую очередь земельные наделы должны были получить те крестьяне, которые уже занимались сельскохозяйственным трудом на данной территории и вели свое хозяйство. Внутри этой категории преимущественное право имели участники антибольшевистской борьбы и их семьи. Кроме того, правительство генерала Врангеля гарантировало не только в полной мере сбор урожая на захваченных землях, но и «вознаграждение за труд» по их обработке⁵³.

В законодательстве определялось, что земля крестьянам передавалась не бесплатно, а за выкуп, вносимый зерном (в определенных случаях — деньгами по рыночным ценам на зерно к срокам платежа). При этом цена на землю, рассчитанная в соответствии с предложенной разработчиками схемой, по данным Немировича-Данченко, в целом соответствовала российским условиям и тем ценам, которые существовали до первой мировой войны, «в условиях нормальной хозяйственной жизни»⁵⁴.

Известно, что аграрная реформа Врангеля не оправдала возлагавшихся на нее больших надежд, и земельные преобразования в Крыму не стали основой для дальнейшего «триумфального шествия» Белой армии по российским территориям. Причину данной неудачи эмигрантские авторы видели, прежде всего, в том, что аграрные преобразования начались слишком поздно и к тому же проводились на слишком ограниченной территории⁵⁵. Тем не менее, достойным внимания представляется и высказывание Немировича-Данченко о том, что столь серьезную реформу вообще нельзя осуществлять в нестабильной ситуации, «в обстановке ожесточенной гражданской войны»⁵⁶. К тому же и крымские условия не способствовали подобным аграрным преобразованиям. На территории полуострова не существовало никакого «земельного голода». Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные: к весне 1920 г. значительные сельскохозяйственные площади оказались просто незасеянными. Да и крестьяне восприняли волостное земство как «барскую выдумку», следствием которой являлись новые поборы в пользу теперь уже волостной интеллигенции⁵⁷.

Однако в литературе русского зарубежья имеются и принципиальные замечания по концептуальным основам данной реформы. В частности, на взгляд Немировича-Данченко, упор следовало делать не на всякого мало-земельного «хозяина», а только на эффективного собственника. В данной связи указанный автор сослался на опыт западных стран, прежде всего, США, где раздавали землю только тем фермерам, которые были способны обеспечить подъем товарности своего хозяйства. Причем, по мнению Немировича-Данченко, нельзя ограничивать и рост крупных капиталистических производств (к чему, скорей всего, привела бы масштабная реализация аграрной реформы генерала Врангеля). Такие хозяйства имеют серьезные преимущества перед мелкими и, соответственно, большие перспективы своего развития. И если бы острие аграрных преобразова-

ний по концепции Врангеля было направлено не против всех помещиков, а только против тех, кто постоянно сдавал свои земли в аренду, то «у противников реформы было бы отнято последнее серьезное возражение»⁵⁸.

Таким образом, в литературе русского зарубежья поставлены важные вопросы, в частности, о причинах поражения Белого движения, о содержании аграрной политики, о разработке концепции оптимальной структуры аграрного сектора, о направлениях его реформирования и т. д. И хотя эмигрантские авторы не пришли к единой точке зрения, их наработки представляют несомненный интерес для дальнейшего исследования темы, которое, как представляется, должно состоять не только в более глубоком анализе трудов эмигрантских авторов, но и в привлечении наработок отечественных и зарубежных ученых.

Примечания

1. ФИЛАТЬЕВ Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири 1918—1922. Впечатления очевидца. Paris. 1985, с. 139.
2. ДАЛИН Д. После войн и революций. Берлин. 1922, с. 13.
3. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Г. В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин. 1922, с. 44.
4. ЖАДАН П. В. Русская судьба: Записки члена НТС о Гражданской и второй мировой войне. Нью-Йорк. 1989, с. 47, 84.
5. Там же, с. 60.
6. ФИЛАТЬЕВ Д. В. Ук. соч., с. 9.
7. См., например: ДЕНИКИН А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 4. Вооруженные силы Юга России. Берлин. 1925, с. 214.
8. ГОЛОВИН Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч. 4. Кн. 8. Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны. [Париж. 1937], с. 3.
9. ИВАНОВ В. В гражданской войне. (Из записок омского журналиста). Харбин. 1921, с. 59.
10. См., например: БОРДЮГОВ Г. А., УШАКОВ А. И., ЧУРАКОВ В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М. 1998, с. 25.
11. ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., т. 4, с. 201, 210.
12. СОКОЛОВ К. Н. Правление генерала Деникина. София. 1921, с. 93.
13. ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., т. 4, с. 212.
14. СОКОЛОВ К. Н. Ук. соч., с. 188.
15. Там же, с. 222.
16. Там же, с. 188.
17. ПОКРОВСКИЙ Г. Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани: 1918—1919 гг. Берлин. 1923, с. 171—172.
18. См., например: СОКОЛОВ К. Н. Ук. соч., с. 188—189.
19. МИЛЮКОВ П. Н. Россия на переломе. Т. II. Антибольшевистское движение. Париж. 1927, с. 79.
20. ПОКРОВСКИЙ Г. Ук. соч., с. 171.
21. ВРАНГЕЛЬ П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). В 2-х тт. В кн.: Белое дело. Т. V. Берлин. 1928, с. 259.
22. СОКОЛОВ К. Н. Ук. соч., с. 193—194. Генерал А. И. Деникин объяснил указанный феномен: все принимавшиеся в Белой армии меры — законы, предусматривавшие, в том числе, смертную казнь; лица и комиссии, облеченные чрезвычайными правами для разбора на месте преступлений; приказы Главнокомандующего и военачальников — все это встречало сопротивление со стороны «среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости». См.: ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., т. 4, с. 95.
23. ЛУКОМСКИЙ А. С. Воспоминания. Т. I. Берлин. 1922, с. 7.
24. Там же. Т. 2. Берлин. 1922, с. 158.

25. ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., т. 4, с. 212.
26. Там же, с. 213.
27. Там же, с. 212.
28. СОКОЛОВ К. Н. Ук. соч., с. 288.
29. ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., т. 4, с. 213.
30. Там же, с. 222.
31. СОКОЛОВ К. Н. Ук. соч., с. 187.
32. ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., т. 4, с. 224.
33. См., например: ЗАЛЕССКИЙ П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин. 1925, с. 228, 246; ЖАДАН П. В. Ук. соч., с. 33, 60; ФИЛАТЬЕВ Д. В. Ук. соч., с. 139 и др.
34. ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., т. 4, с. 224—225.
35. ГИНС Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918—1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. II. Пекин. 1921, с. 315.
36. ЛУКОМСКИЙ А. С. Ук. соч., т. 2, с. 188.
37. Там же, с. 189, 287—288.
38. ПОКРОВСКИЙ Г. Ук. соч., с. 173—176.
39. Там же, с. 287—288.
40. ГОЛОВИН Н. Н. Ук. соч., ч. 5, кн. 12. Освобождение Дона и Кубани и образование «Белого» Южного фронта Гражданской войны. [Париж. 1937], с. 74, 77.
41. См., например: ИЛЬИН И. А. Над могилою вождя. В кн.: Главнокомандующий Русской армией генерал барон П. Н. Врангель. К десятилетию его кончины 12/25 апреля 1938. Берлин. 1938, с. 183; БОЛЕНСКИЙ В. Крым при Врангеле. — На чужой стороне. Париж. 1925, № 9, с. 45 и др.
42. В. В. Шульгин, приехав на полуостров в 1920 г., застал в Крыму кардинально отличавшуюся от ситуации на территории ВСЮР, картину. В разговорах с различными лицами Василий Витальевич выяснил, что грабежи, за исключением отдельных случаев, практически прекратились. За ущемление прав крестьян теперь полагались следствие и суд. По оценке некоторых военных, власти «с мужиком цацкаются», тем не менее, в армии окрепло понимание необходимости соблюдения законности. Как следствие — изменилось в лучшую сторону и отношение населения к белым. См., например: ШУЛЬГИН В. В. 1920 г.: Очерки. София. 1921, с. 195, 200.
43. Там же, с. 204—205, 208—209.
44. ВРАНГЕЛЬ П. Н. Ук. соч. В кн.: Белое дело. Т. VI. Берлин. [1928], с. 5.
45. МИЛЮКОВ П. Ук. соч., т. II, с. 212, 222, 228.
46. ВРАНГЕЛЬ П. Н. Ук. соч., т. VI, с. 55—56, 58.
47. Там же, с. 56.
48. Там же, с. 57, 59.
49. Там же.
50. Там же, с. 47—48.
51. Там же, с. 60—61.
52. Там же, с. 61.
53. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Г. В. Ук. соч., с. 47, 49.
54. Там же, с. 46, 49—50.
55. См., например: ЗАЛЕССКИЙ П. И. Ук. соч., с. 252.
56. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Г. В. Ук. соч., с. 46.
57. Там же, с. 31, 113.
58. Там же, с. 50—51.

Предпосылки создания государства для армян на землях Азербайджана

Г. Д. Наджафли

Аннотация. В представленной работе рассмотрены предпосылки, способствовавшие расселению армян на землях Азербайджана и зарождению идеи создания на этих землях государства. Автором на основе первоисточников приведены факты, доказывающие, что католикосы Учкилсе (Эчмиадзина), пользуясь покровительством государств Караююнулу, Акююнулу и Сефевидов, а также их покровители в Европе способствовали расселению армян на землях Азербайджана.

Ключевые слова: Сефевидское государство, азербайджанские земли, армянская григорианская церковь, европейские миссионеры, «армянское государство».

Abstract. The publication lists the factors that promote the idea of settling of Armenians on the Azerbaijani lands and creating an Armenian state at the expense of these lands. The author proves using historical sources that the Uchkilsa Catholicoses and their patrons in Europe used the protection of the Garagoyunlu, Aghgoyunlu and Safavi states, and enabled the Armenians to settle in the Azerbaijani lands.

Key words: Safavi state, Azerbaijani lands, Armenian Gregorian church, European missionaries, “Armenian state”.

Важнейшими предпосылками, способствовавшими зарождению идеи создания армянского государства за счет азербайджанских земель, были:

1. Тяжелые последствия сефевидо-османских войн, происходивших в конце XVI — начале XVII в., которыми армяне сумели воспользоваться, добившись расположения правящих кругов как Сефевидской, так и Османской империй.

2. Материальная поддержка и секретная деятельность со стороны армянской григорианской церкви, а также армян, проживавших в различных государствах мира.

Наджафли Гунтекин — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. А. Бакиханова. Национальная Академия наук Азербайджана. Баку. E-mail: guntekin.cemil@gmail.com.

Najafli G. — candidate of historical sciences, associate professor, leading researcher at the Institute of History named after A. A. Bakihanov of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. Baku. E-mail: guntekin.cemil@gmail.com.

3. Сложившаяся в тот период международная обстановка и упадок Сефевидского государства.

Именно сефевидо-османские войны, продолжавшиеся на протяжении XVI—XVII вв., стали основным фактором, создавшим благоприятную почву для переселения армян на азербайджанские земли, а впоследствии и для реализации идеи создания здесь государства. Армянам удалось скупить у новых османских властей азербайджанские земли. Об этом свидетельствует, в частности, сообщение, приведенное Х. Мамедовым со ссылкой на труд османского летописца Ибрахима Рахимизаде «Гянджине-йи фатх-и Гянджа». Так, в 1588 г., узнав о наступлении на Гянджу османской армии, беглярбек Гянджи и Карабаха Мухаммед-хан вместе со своей семьей вывел из области около 50 тыс. чел., находившихся в его подчинении, переправил их на противоположный берег р. Араз и разместил в районе Карадага. В этой ситуации христианские мелики Гянджинско-Карабахской области, прибывшие к османам для изъявления покорности, сумели не только сохранить за собой свои должности, но вдобавок заполучить и новые земли ¹.

Массовый исход местного мусульманского населения, происходивший во время военных походов османской армии в Азербайджан, привел к изменениям в демографическом составе населения, что можно проследить не только на примере Гянджинско-Карабахского, но и Чухурсаадского беглярбежства. Турецкий историк Ф. Кырзыюглу, основываясь на источниках, освещающих события того периода, пишет, что в августе 1583 г. в условиях наступления османской армии под предводительством Фархад-паши со стороны Шурегеля и Талина, мусульманское (тюркское) население города Иреван и Иреванской области покинуло родные места. Оно ушло в сторону Агрыдага и прилегающих к нему яйлагов ².

Следует подчеркнуть, что широкие возможности для упрочения позиций армян, поселившихся на азербайджанских землях, — в селе Учкилсе и его окрестностях — создал сефевидский правитель шах Аббас I (1587—1629). Согласно его указу, армянским купцам были предоставлены значительные льготы ³ в сфере внешнеэкономических связей Сефевидского государства, а армянской церкви были даны особые привилегии ⁴.

Это подтверждали и сами армяне, разместившиеся в тот период в окрестностях Учкилсе (Эчмиадзин) ⁵. Обратим внимание на следующий факт. Глава армянской общины в Учкилсе в своем обращении к шаху Аббасу II (1642—1667) писал: «Сим покорно докладываем Вам, что многие из коренных армян этих мест проживают в престольном Исфahanе и многие [из тех], что ныне живут в нашем вилайете, прибыли сюда по частям из различных вилайетов благодаря неисчерпаемой августейшей любви и заботе. И триста богомольцев его святейшества, августейшего величества — пусть сто тысяч душ подобных нам богомольцев станут жертвами священных копыт его коня — в Учкилсе день и ночь проводят в молитвах и прожитием обязаны целиком милосердию его святейшества, августейшего величества» ⁶.

Негативные последствия сефевидо-османских войн продолжали сказываться и после их прекращения во второй половине XVII в., что привело к резкому сокращению численности населения. Об этом свидетельствуют сообщения путешественников, посещавших Азербайджан в тот период.

Так, если в 1647 г. в городе Иреван, согласно данным турецкого путешественника Эвлии Челеби, насчитывалось 2060 домов ⁷, то уже в 1673 г., по сообщению посетившего город французского путешественника Жана Шардена, там имелось всего лишь 800 домов ⁸. По данным путешественника, внутри крепости Иреван проживали только чистокровные кызылбаши (азербайджанские турки) ⁹.

Другой европейский путешественник, немец Каспари Шиллингер, посетивший Иреван весной 1700 г., также подтверждает, что в этом городе и численно, и политически преобладали азербайджанские турки: «Внутри города Иреван (то есть внутри крепостных стен города. — Г.Н.) проживают лишь иранцы ¹⁰ (азербайджанские турки. — Г.Н.), а в относительно крупном городском поселке (вероятно, в Учкилсе. — Г.Н.) и других местах — армянские купцы и ремесленники, обслуживающие церковь. Они выплачивают иранцам (азербайджанским туркам. — Г.Н.) подати» ¹¹.

Ерванд Шахазиз, подтверждая в своей книге «Старый Ереван» сведения французского путешественника Шардена о населении Иреванской крепости, отмечает один интересный нюанс. Он пишет, что у армян в Иреване есть только магазины, днем они там торгуют, а вечером закрывают лавки и идут по своим домам ¹².

Россия и другие европейские страны получали неверные сведения, в которых искусственно завышалась численность армян, проживавших на территории Азербайджана, в первую очередь в области Чухурсаад, хотя исконно армяне постоянно в самом Иреване не проживали. Это подтверждают документы, датируемые началом XVIII века. В первой части второго тома сборника документов, посвященного армяно-русским связям, есть одно интересное сообщение. В «Памятных записках» от 25 июля 1701 г. сын мелика Зангезура Исраил Ори, стремясь подтолкнуть Россию к организации военного похода на Южный Кавказ, предлагает императору Петру I проект из 18 пунктов. В 7-м пункте, где были представлены сведения разведывательного характера, указывается, что в городе Иреван проживает чуть более 300 армян, которые занимаются торговлей ¹³.

На данной территории появление армян, исключая григорианских миссионеров, началось после перенесения в 1441 г. резиденции армянского католикосата из Киликии в Учкилсе на территорию азербайджанского государства Гарагоюнлу ¹⁴. Это со всей очевидностью подтверждается и хранящимися в Матенадаране документами относительно покупки католикосами Учкилсе сел, земельных владений и пр. у азербайджанских правителей.

Особый интерес, с точки зрения того, какими способами занимались азербайджанские земли, представляет документ из фондов Матенадарана, датированный 1687 годом. В документе сообщалось, что армянин получал землю, если он ее «... купил, либо захватил, либо освободил, дав взятку, либо получил в качестве пожалования, или же завоевал силой» ¹⁵. По свидетельству самого армянского автора, земельные владения, как армянской церкви, так и светских феодалов в период XV—XVIII вв. приобретались именно такими путями ¹⁶.

Следует отметить, что вплоть до перенесения резиденции армянского католикосата в провинцию Чухурсаад (Иреван) в 1441 г. на данной

территории не было ни единого села или земельного владения, принадлежавшего армянам. И село Учкилсе (Валаршабад) ¹⁷ — место размещения армянского католикосата — теми или иными путями, шаг за шагом стало отбираться у азербайджанских тюрок уже после 1443 года. К примеру, армянский источник второй половины XVIII в. «Джамбр» содержит неоспоримое свидетельство того, с какого времени начался процесс завладения азербайджанскими землями и какие методы при этом использовались. Так, Григор Макуйский, с согласия гарагоюнлинского правителя Джаханшаха назначенный католикосом Учкилсе в 1443 г., за 8 тыс. 40 динаров в селе Учкилсе (Валаршабад) приобрел земельное владение, принадлежавшее представителю известной азербайджанской династии, малолетнему Саид-беку ¹⁸, а 3 года спустя за 90 тыс. динаров скупил остальную часть села у мусульманина Рустама и вдобавок еще 6 сел ¹⁹.

Таким образом, армянская церковь, разбогатевшая за счет перечислений от зарубежных покровителей и христианских миссионеров, путем скупки у азербайджанских правителей новых участков земли обзавелась постоянными поселениями на исторических землях Азербайджана. Однако в этническом составе жителей этой области все же преобладали азербайджанские тюрки, что подтверждается источниками того периода. Член ордена иезуитов миссионер Монье, в начале XVIII в. прибывший в Иреван с миссионерской целью, писал: «Город, изобилующий более садами и виноградниками, нежели строениями, был окружен двумя рядами крепостных стен. 1/4 часть населения составляют армяне» ²⁰. Позже Мами-Клерак, побывавший в Иреване в XVIII в., подтвердил достоверность этих сведений. Армянский исследователь А.Г. Иоаннисян, соглашаясь с данными французского историка и инженера Мами-Клерака, отмечает, что «по данным источников, армяне составляли 1/4 часть жителей Иревана, а азербайджанцы — преобладающее большинство» ²¹.

Архивные документы конца XVIII в. также свидетельствуют, что армянское население Иреванской области составляло незначительное меньшинство. В 1783 г., отвечая на вопрос П. Потёмкина о том, почему на письмах армян, отправленных из Иреванского ханства, нет печати и подписи католикоса, их представитель пояснил: «... поскольку католикос является духовным главой всех армян, рассеянных по миру, он не станет прикладывать печать на письмах, составленных только одной частью армян, расселенных на территории страны Арарат» ²².

Ввиду очевидности того факта, что в XVIII в. армяне составляли меньшинство на территории Иреванского ханства, его признает и армянский исследователь В.Р. Григорян. Чтобы утаить малочисленность армянского населения, часто приходилось идти на ухищрения, намеренно преувеличивая в посланиях в Россию его численность. К примеру, глава армянской общины в Иреване С. Тер-Саакян в своем письме, адресованном князю Г. Потёмкину в декабре 1784 г., сообщал, что он, действуя по поручению Аргутяна (религиозный глава армян в России), преувеличил численность армян (9 млн. или и того больше) ²³.

Английский дипломат Джеймс Морьер, посетивший Иреван в 1813 г., указывает, что население Иреванского ханства составляло 100 тыс. чел., 25 тыс. из которых были связаны с работой на летних и зимних пасбищах (яйлагах и гышлагах) ²⁴.

Важнейшим источником, позволяющим определить численность и этнический состав населения Иреванского ханства в конце XVIII — начале XIX в., является камеральное описание, составленное И.И. Шопеном по поручению графа И.Ф. Паскевича в 1829—1832 гг., то есть сразу после завоевания ханства Россией²⁵.

Накануне этого события численность всего христианского населения²⁶ Иреванского ханства не превышала 20%. Этот факт признает в своих исследованиях и западный историк армянского происхождения Дж. Борнотьян, ссылающийся на труд Шопена²⁷. Затрагивая вопрос о численности армян на территории Иреванского ханства, он отмечает: «Во всяком случае, ни в один из периодов персидского правления (времени независимого Иреванского ханства. — *Г.Н.*) армянское население не составляло большинства и не было равно по численности мусульманам. Хотя исследование и показывает преобладание армян в ряде магалов, это произошло после оттока с данной территории свыше 25 000 мусульман. Так что нет ни одного доказательства, позволяющего говорить об армянском большинстве в период персидского правления»²⁸.

В первоисточниках содержится много сведений о мусульманском населении²⁹, составлявшем более 80% общей численности жителей Иреванского ханства. В управлении Иреванским регионом большую роль играли садли, румлу, устаджлы, алпоут, баят и другие азербайджанские племена, с древних времен населявшие область Чухурсаад. Начиная же с периода правления шаха Аббаса I, ведущая роль в управлении регионом перешла к племени агджакоюнлу каджар, также проживавшему в этих краях³⁰.

В проведении политики завладения азербайджанскими землями и заселения их армянами особая роль принадлежала армянской церкви и ее покровителям в европейских государствах. Армянский священник Т. Кигамиянц в своем труде «Краткая история армянского движения» подчеркивает, что армянское освободительное движение зародилось именно тогда, когда оно стало координироваться из единого центра, возглавлявшегося григорианской церковью. Далее он пишет: «... европейцы в стремлении завладеть восточными странами разжигали у армян Ирана, переселившихся сюда из Киликии в течение XVI—XVII столетий, религиозные чувства. Их миссионеры убеждали григорианцев, что если те будут с Папой, то их станут почитать наравне с ними, и что они даже добьются независимости»³¹.

На средства, отправлявшиеся из Европы, религиозные миссионеры открывали бесплатные больницы, школы для проживавших в восточных странах армян, создавали типографии и тайные вооруженные отряды, укрепляя тем самым свое влияние среди простых людей и верующих. Согласно Кигамиянцу, миссионеры стремились распространить влияние Папы Римского на проживавших в восточных странах христиан, в том числе армян, а впоследствии прибрать к рукам европейских государств алтарь мусульманских стран³².

Согласно документам Матенадарана о купле-продаже, еще в 1431 г. представитель гарагоюнлинского падишаха Джаханшаха Эмир Рустам за 530 тыс. тебризских динаров продал католикосу Григорию Макуйскому 7 сел, включая и Учкилсе³³. А в 1443 г. избранный католикосом Учкилсе Григорий Макуйский купил у азербайджанского правителя Сеид бека

село Вагаршабад целиком со всеми мюльками. Таким способом армяне расселялись на новых владениях и создавали там постоянные поселения.

По сообщению Симеона Иреванского, который был католикосом Учкилсе в период 1763—1780-х гг., во времена католикоса Григория (XV в.) вышеупомянутые села и все владения в них принадлежали азербайджанцам. Он писал: «Никому не известно о том, что села Аштараг, Агвард и Агавнатун когда-то были собственностью армянской церкви»³⁴. Данное сообщение среди прочего свидетельствует о том, что армяне, заняв азербайджанские села, сразу же давали им названия христианского происхождения, и делали это с определенной целью.

Католикосы в Учкилсе обладали не только религиозной, но и политической властью. Они владели крупными земельными угодьями, приносившими значительную прибыль. Именно здесь после долгих скитаний армянская церковь нашла, наконец, пристанище. Начиная с этого времени, проживавшие на азербайджанских землях армяне стали скупать земельные участки у местных правителей. Так, сын жителя Тебриза Ахмед бека Алидост и сыновья иреванского жителя Муслима Мухаммед Садиг и Мухаммед Магсуд продали село Норк (Гырхбулагский магал. — Г.Н.) сыну Амиргюне-хана Назаргюне-хану. В 1674 г. католикос Учкилсе Акоп Джульфинский (1655—1682), купив у Сары-хана село со всем земельным недвижимым имуществом, приобрел и все старинные купчие на него³⁵.

Примерно аналогичным способом в середине XVIII в. село Дибекли Абаранского магала оказалось во владении Учкилсе. Село, до этого неоднократно перепроданное, в начале XVIII в. было выкуплено Вардапетом Степаном у иреванского хана (беглярбека Чухурсаада. — Г.Н.). Впоследствии католикос Учкилсе Абраам Канакерский (1734—1736) добился от Надир-шаха (1736—1747) подтверждения принадлежности этого села Учкилсе.

Все это привело к тому, что армяне методично расселялись на западных землях Азербайджана. Одно можно утверждать с уверенностью — ни один источник той эпохи не сообщает о компактном проживании армян на азербайджанских землях вплоть до завоевания Азербайджана Россией.

Сложившаяся на тот период международная ситуация и упадок Сефевидского государства стали основными факторами, способствовавшими идее создания армянского государства на азербайджанских землях. История XVIII в. характеризуется, как известно, частыми войнами и объединениями государств в военно-политические блоки. При совпадении целей и интересов государства объединялись, а когда интересы сталкивались, недавние союзники превращались в противников и даже действовали вопреки общим интересам, если того требовали стратегические интересы данного государства.

С конца XVII — начала XVIII в. европейские государства стали проводить активную завоевательную политику в отношении стран мусульманского Востока, в том числе Османской и Сефевидской империй. В этом они полагались на содействие проживавших в этих странах христиан, в частности армян, рассчитывая использовать их для дестабилизации ситуации и провоцирования внутренних беспорядков в этих государствах. На деле лозунг оказания «помощи христианам» был для западных государств всего лишь средством реализации собственной политики,

но армяне воспользовались им для воплощения своих планов в жизнь. В этот период наиболее активными на международной арене государствами были Англия, Франция и Россия — в Восточном вопросе они преследовали аналогичные цели.

Российская империя, проводившая наиболее агрессивную и целенаправленную политику, осуществляла колониальные завоевания под лозунгом «защиты христиан». Ее стратегическим планам вполне соответствовала мечта армян о создании «Великой Армении». С другой стороны, Российская империя, планировавшая завоевание Индии и Ближнего Востока, нуждалась в надежной опоре на стыке границ Турции, Ирана и Азербайджана. При благоприятных условиях можно было бы использовать эту территорию в качестве военного плацдарма.

Таким образом, в начале XVIII в. сложились условия, способствовавшие созданию армянами государства за счет азербайджанских земель. Для реализации этих планов нужны были покровители, на роль которых вполне подходили иностранные государства. И вовсе не случайно, что именно с этого времени в иностранных источниках начинают появляться необъективные сообщения об истории армянского народа, вымышленные, не соответствующие действительности сведения о положении армян. Подобная дезинформация была на совести армянских религиозных деятелей и богатой прослойки армян.

Примечания

1. Пространный реестр Гянджинского-Карабахского зялета. Баку. 2000, с. 15 (на азербайджанском языке).
2. КЫРЗЫОГЛУ Ф. Завоевание османами кавказских областей (1451—1590). Анкара. 1976, с. 346; Пространный реестр Гянджинского-Карабахского зялета, с. 13.
3. Забота, оказываемая сефевидскими шахами христианскому населению, в том числе и армянам, была проявлением политики шаха Аббаса I, который, в ответ на продажу ему западными государствами оружия, используемого в войне с Османской империей, содействовал покровительству европейскими странами христиан, проживавших в мусульманских странах Востока.
4. ПЕТРУШЕВСКИЙ И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XIX — начале XX вв. Ленинград. 1949, с. 181—182.
5. Название этого храма, в искаженном виде употребляемое армянами как «Эчмиадзин», не имеет никакого смысла на армянском языке. Поэтому, комментируя его, армянские авторы прибегают к весьма пространному пояснению. См.: ЕРЕВАНЦИ С. ДЖАМБР. Памятная книга, зеркало и сборник всех обстоятельств святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей. М. 1958, с. 374. В слове «Учмуэдзин» «уч» на азербайджанском тюркском языке означает число три, а «муэдзин» по-арабски — «читающий азан». В содержащихся в Матенадаране средневековых документах название храма упоминается в виде «Учкилсе». См.: Персидские документы Матенадарана. Вып. II (1601—1650 гг.). Ереван. 1959; Персидские документы Матенадарана, II. Купчие. Вып. первый (XIV—XVI вв.). Ереван. 1968.
6. Персидские документы Матенадарана, вып. II (1601—1650 гг.), с. 368—369.
7. ЧЕЛЕБИ Э. Книга путешествия. Баку. 1997, с. 155 (на аз. языке).
8. ШАРДЕН И. Путешествие Баку. 1994, с. 21 (на аз. языке).
9. Там же.
10. Европейские путешественники, посещавшие территорию Сефевидского государства, как правило, получали те или иные сведения от армянского католикосата в Учкилсе. Под влиянием последнего миссионеры-путешественники называли государство Сефе-

- видов «иранским государством», а азербайджанских тюрок — «иранцами». Подлинная история Иреванского ханства, достоверные первоисточники, наконец, азербайджано-тюркские названия местностей однозначно доказывают, что коренное население этого региона всегда составляли азербайджанские тюрки.
11. SCHILLINGER F. G. *Persianische und Ost-Indianische Reise*. Nürnberg. 1716, S. 118.
 12. Յերվանդ Շահազիզ: Հին Յերեվանը: Յերեվան. 1931, էջ:34.
 13. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сб. документов. Т. II. Ч. I. Ереван. 1964, с. 213.
 14. АРАКЕЛ ДАВРИЖЕЦИ. Книга Историй. М. 1973, с. 326—327
 15. ЕРЕВАНЦИ С. ДЖАМБР. Ук. соч., с. 28.
 16. Там же.
 17. Топоним Валаршабад, не имеющий никакого истолкования на армянском языке, происходит от имени сына Санатурка Валар шаха (194—216), принадлежащего династии Аршакидов (Арсаков). Этот топоним, длительное время употреблявшийся как «Валаршабад», в армянской литературе трансформировался в «Вагаршабад». Валаршабад был основан Валар шахом. См: ШОПЕН И. И. Исторический памятник состояния армянской области в эпоху ее соединения к Российской империи. СПб. 1852, с. 116.
 18. Միմեօնէ Երեւանցիոյ Ջամբր: Գիրք, որ կոչի յիշակարան արձանացուցիչ, հայելի եւ պարունակող բնավից որպիսութեանց Սրբոյ Աթոռոյս, եւ իւրոյ շրջակայից վանօրէիցն: Վաղարշապատ: ՌՀԻԳ: էջ:100.
 19. *Ibid.*, p. 102.
 20. Le MAMYE-CLAIRAC. *Histoire de Perse, depuis le commencement de ce sincl*. Т. II: Paris. MDCCL (1750), p. 154.
 21. *Ibid.*, p. 153; Армяно-русские отношения в первой трети..., с. LXXVII.
 22. Գրիգոր Վ. Ռ. Երեւանի խանութունը 18-րդ դարի վերջում, Երեւան, 1958: էջ:107.
 23. *Ibid.*, p. 109.
 24. MORIER J. *Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie-Mineure, fait de 1810 a 1816*. Т. 2. Paris. 1818, p. 256.
 25. ШОПЕН И. И. Ук. соч.
 26. В целях искусственного завышения численности армян на территории Иреванского ханства, большинство армянских авторов выдает в своих трудах за армян всех живших в регионе христиан (например, грузин, айсоров, цыган, курдов-христиан) и иудеев. Тем самым, эти авторы осознанно фальсифицируют историю Иреванского региона. Например, за армян, проживавших в городе Иреван, выдаются 100 богатых семей цыган-христиан. См: Армянская анонимная хроника. 1722—1736. Баку. 1988, с. 12.
 27. BOURNOUTIAN G. A. *The khanate of Erevan under Qajar rule 1795—1828*. Mazda Publishers in association with Bibliotheca Persica, Costa Mesa, California and New York. 1992, p. 59; Иреванское ханство. Российское завоевание и переселение армян на земли Северного Азербайджана. Баку. 2010, с. 76.
 28. BOURNOUTIAN G. A. *Op. cit.*, p. 59—60.
 29. Под «мусульманским населением» в источниках имеются в виду азербайджанские тюрки и переселенные в регион османами в период сефевидо-османских войн курды-мусульмане.
 30. ПЕТРУШЕВСКИЙ И. П. К вопросу об имунетете в Азербайджане в 17—18 вв. — Исторический сборник. 1945, № 4, с. 141.
 31. КИГАМИЯНЦ Т. Краткая история армянского движения. Баку. 1917. Научный Архив Института Истории НАНА, инв: АХС/4152, с. 3—4
 32. Там же, с. 2—3.
 33. Персидские документы Матенадарана, II. Купчие. Вып. I (XIV—XVI вв.), с. 262—273; Միմեօնէ Երեւանցիոյ Ջամբր., էջ:99—103.
 34. Միմեօնէ Երեւանցիոյ Ջամբր., էջ:37.
 35. *Op. cit.*, p. 122.

Развенчание вождей в конце 1930-х годов: реакция советской молодежи

А.А. Слезин, К.А. Якимов

Аннотация. В публикации рассматривается процесс трансформации общественных настроений молодежи в связи с активизацией сталинским руководством масштабных политических репрессий в отношении бывших лидеров коммунистической партии. Проводится анализ влияния советской пропаганды, в частности, использования образа «врага народа», на сознание молодых людей. В исследовании раскрываются причины поддержки молодежью политических репрессий, а также источники возникновения оппозиционных и протестных настроений в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, советское общество, комсомол, общественные настроения, «враг народа», большевики, Сталин, Троцкий, репрессии, пропаганда.

Abstract. The publication addresses the transformation of public attitude towards the former communist party leaders among the youth due to the increase of massive political repressions by the Stalin's administration. The effect of the soviet propaganda on the minds of young people, particularly, the use of the term "the people's enemy" ("vrag naroda"), is analyzed closely. The study discloses the reasons for the young people to support the political repressions and describes the sources of opposition and protest spirits among the youth. The relevance of the research owes to the importance of studying the formation of public attitude and young people's conscience under the totalitarian regime.

Key words: young people, soviet society, Komsomol, public attitude, "the enemy of the people", Bolsheviks, Stalin, Trotsky, repressions, propaganda.

Репрессивная политика сталинского руководства достигла своего пика в 1936—1938 гг., оставив неизгладимый отпечаток в общественном сознании советского общества. Именно в эти годы состоялись три больших открытых судебных процесса над бывшими видными функционерами компартии. Важную роль в разъяснении молодежи сущности «вражеской деятельности» осужденных лидеров ВКП(б) сыграл комсо-

Слезин Анатолий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Тамбовского государственного технического университета. E-mail: slezins@mail.ru; *Якимов Кузьма Александрович* — кандидат исторических наук, преподаватель Лицея № 14 им. заслуженного учителя РФ А.М. Кузьмина. Тамбов. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru.

Slezin Anatoly A. — doctor of historical sciences, professor, head of department at the Tambov State Technical University. E-mail: slezins@mail.ru; *Yakimov Kuzma A.* — candidate of historical sciences, teacher at the Lyceum № 14 named after honoured teacher of Russian Federation A.M. Kuzmin. Tambov. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru.

мол, который к середине 1930-х гг. превратился в инструмент правящей партии. Комсомольские организации стремились убедить молодых людей в справедливости и необходимости вынесения строгого приговора «изменникам». В постановлениях ЦК ВЛКСМ «врагов народа» неоднократно обвиняли в стремлении к ликвидации многих достижений социалистического строительства.

Для того, чтобы почувствовать атмосферу и дух эпохи, обратимся к рассмотрению стенограммы IV пленума ЦК ВЛКСМ, в которой провозглашалось, что троцкистско-бухаринская оппозиция ставит своей целью восстановление капиталистической эксплуатации трудящихся с каторжным подневольным трудом, возвращение земли помещикам, возврат к «старому пути нищеты»¹. При этом никакими конкретными фактами данные обвинения не подкреплялись. Кроме того, бывших большевистских вождей бездоказательно обвиняли в сотрудничестве с капиталистическими разведками, в подготовке террористических актов против советских политических лидеров. Комсомол требовал относиться к арестованным как к изменникам, наемным убийцам, предателям Родины.

Безусловно, советская пропаганда, посредством использования средств массовой информации, имела колоссальное влияние на несформированное сознание и психику молодых людей. Как справедливо заметил Д. Бург, доверие и преданность большей части молодежи советскому руководству были обусловлены неосознанным влиянием официальной пропаганды и отсутствием альтернативного источника информации². На основании изученных архивных документов можно утверждать, что значительная часть молодежи действительно увидела в арестованных партийных руководителях «врагов народа», которые якобы стремились отнять «счастливую и радостную жизнь». Неслучайно многие юноши и девушки выступали за вынесение строжайших приговоров. В частности, молодой машинист Мороз говорил: «Троцкисты и зиновьевцы хотели предать страну фашистам, но просчитались. За свои преступления они должны быть расстреляны»³. Поездной контролер комсомолец Датий требовал расстрелять «этих собак из троцкистского центра», «уничтожить до конца всех наймитов кровожадного фашизма, которые погубили и травили многих лучших людей нашей Родины»⁴.

Одобрению молодежи репрессивной политики в первую очередь способствовали боязнь утраты достижений социалистического строительства. Так, ученица ФЗУ Сидорова призывала расстрелять обвиняемых, так как они якобы хотели отнять «добытое счастье», восстановив в союзе с «фашистскими друзьями» «проклятое прошлое»⁵. Член ВЛКСМ Шутков именно в деятельности Г.Л. Пятакова и К.Б. Радека увидел попытки забрать «счастливую, радостную жизнь», которую он связывал с деятельностью И.В. Сталина⁶. Трудно не согласиться с мнением М.В. Дьяченко, что именно стремление жить без эксплуатации, в условиях социального равенства убеждало общество в справедливости борьбы с «врагами народа» за идеалы социализма⁷.

Рост недовольства и возмущения по отношению к «врагам народа» во многом был обусловлен тем, что многие юноши и девушки действительно поверили в стремление бывших лидеров Октября к реставрации капиталистического строя, к которому большинство молодых людей от-

носились крайне негативно. Например, молодой электромонтер Хреношин напрямую называл бывших коммунистических вождей предателями рабочего класса, «подлыми псами», душившими и травившими рабочих, воровавшими народные деньги⁸. Не менее показательна оценка комсомольца Кировского завода: «Врагам народа, которые хотели уничтожить завоевания рабочего класса, восстановить капитализм в стране социализма, нет, и не может быть никакой пощады»⁹. В массовом сознании молодежи все прочнее укреплялась концепция «мы — они», основанная на противопоставлении «вражеской деятельности» бывших коммунистических вождей достижениям советского общества.

В обстановке нагнетания массового психоза, когда среди молодежи нормой становилось недоверие и подозрительность даже по отношению к родным и близким, тем не менее находились юноши и девушки, которые осознавали абсурдность ситуации. Молодой учитель математики прямо заявил, что подобные измены у людей, делавших революцию, невозможны. По его мнению, по этой логике можно подумать, что и современные соратники Сталина могут изменить. Учитель задавал вопрос: «Как после этого и кому верить кроме Сталина?»¹⁰ Комсомолец Самсония рассуждал о том, что любой вождь завтра можешь стать ренегатом¹¹. Впрочем, комитет ВЛКСМ ренегатом счел самого Самсония и исключил его из ВЛКСМ¹².

Многие молодые люди знали о том времени, когда Л.Д. Троцкий наряду с другими осужденными большевиками был ближайшим соратником В.И. Ленина и одним из наиболее популярных членов советского правительства, а потому с подозрением и недоумением относились к обвинительным приговорам. Например, колхозник Алексеев, выступая на комсомольском собрании, напомнив о заслугах Троцкого во время гражданской войны, не удержался от вопросов: «Почему же он вдруг стал врагом? Может быть, у нас действительно много ошибок?»¹³ Сомнения и скептицизм нашли свое отражение в выступлении комсомольца-машиниста Тимофеева, поставившего под сомнение «троцкизм» Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Комсомолка Тербунова, несогласная с критикой Троцкого, напоминала о его выдающихся ораторских способностях и военных заслугах, выполнении самых ответственных поручений Ленина¹⁴. Аналогичные настроения были свойственны и другим комсомольцам, помнившим, что Троцкий был ближайшим соратником Ленина, «зажигал своими речами целые корпуса и дивизии»¹⁵. Однако большинство юношей и девушек небезосновательно боялись высказывать подобные мнения публично, так как даже упоминание о роли «врагов народа» в социалистическом строительстве расценивалось как пособничество «изменникам».

Некоторые молодые люди с состраданием относились к судьбам бывших лидеров коммунистической партии. Так, комсомолка Мешкова говорила: «Я очень жалею, что их расстреливают, такие гениальные умы были»¹⁶. Подобное сочувствие к «врагам народа» трактовалось комсомольскими организациями, как политическая неустойчивость и являлось веской причиной для исключения из молодежного союза. Например, одну молодую активистку резко критиковали за проявленное сочувствие к «врагу народа» — бывшему редактору газеты «Комсомольская правда» Файнбергу, в то время как та оправдывалась, что плакала, узнав про

обвинения в его адрес не из сочувствия, а из-за чувства горькой досады на себя за доверие к нему¹⁷. Тем не менее, комсомольские работники не стали вникать в суть дела и вынесли решение об исключении девушки из молодежного союза. Учитывая масштаб проводимых репрессий можно предположить, что подобное бездушное бюрократическое отношение, искалечившее судьбы многих невинных людей, было присуще многим комсомольским организациям.

Особого внимания заслуживают примеры оппозиционных и антисоветских настроений со стороны молодежи, вызванных репрессивной политикой сталинского руководства. Подобные настроения чаще всего находили свое выражения в порче портретов вождей народа, антисоветских разговорах и анекдотах. Показательно поведение студента Якушева, который во время занятий в пединституте снял со стены портрет Сталина и разрезал ножом, заявив при этом: «Бухарин — авторитет для всего народа»¹⁸. Тем не менее, протестные настроения среди молодых людей были немногочисленны и носили скорее стихийный характер, поскольку сложившийся политический режим препятствовал формированию организованной оппозиции большевистской власти.

Несмотря на усилия советской пропаганды и агитации, авторитет многих лидеров Октября, особенно Троцкого, в глазах некоторых юношей и девушек оставался довольно высоким, а потому обвинение их во «вражеской деятельности» способствовало росту антиправительственных настроений в молодежной среде. В частности, комсомолец Кошкин говорил: «Троцкий является великим оратором подобно Цицерону, а Сталин не оратор»¹⁹. Во время беседы с товарищами комсомолец Черников сказал: «Зиновьев и Троцкий — вожди народа. Троцкий брал Кронштадт, заключал Брестский мир, а Сталин выскочка»²⁰. Молодой рабочий Гродшин заявлял: «Если бы Троцкий был в Советском Союзе, то было бы лучше, он пользуется авторитетом большим, чем Ворошилов»²¹. В разговоре среди молодежи комсомолец Смирнов критиковал сталинское руководство, утверждая: «Если бы зиновьевцы пришли к власти, то у каждого в деревне была бы корова»²². Характерен и отрывок из докладной записки комсомольца Морозова: «Был бы Троцкий, то жизнь бы улучшилась. Если бы во время коллективизации послушались, как говорил Троцкий, то жилось бы легче»²³. Как мы видим, многие юноши и девушки, несмотря на всю тяжесть возможных последствий, не боялись выражать свое сочувствие к судьбам осужденных большевиков, с именами которых связывали свои надежды на возможное улучшение жизни.

Таким образом, многогранный спектр общественных настроений молодого поколения позволяет утверждать, что молодежь не была безоговорочно предана делу партии, однако плюрализм мнений искусственно сдерживался механизмами террора и устрашения. В результате эффективного воздействия пропаганды на сознание большинства молодых людей, многие юноши и девушки, опасаясь возможности реставрации капитализма и возврата к прошлому, требовали вынесения строго приговора «изменникам Родины», поддерживая репрессивную политику сталинского руководства. Муссирование советской пропагандой образа «врага народа» способствовало нагнетанию в обществе атмосферы недоверия и подозрительности. Вместе с тем, среди молодых людей нашлось

немало тех, кто сомневался в справедливости приговоров в отношении бывших лидеров большевистской партии, обвиняемых во «вражеской деятельности». Такая реакция объясняется тем, что многие осужденные коммунисты небезосновательно пользовались большим уважением и авторитетом в молодежной среде.

Примечания

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. М-1, оп. 2, д. 133, л. 4.
2. БУРГ Д. Оппозиционные настроения молодежи в годы после «оттепели». Мюнхен. 1960, с. 7.
3. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 1234, л. 2.
4. Там же, л. 2—3.
5. Там же, л. 8.
6. Там же.
7. ДЬЯЧЕНКО М. В. Общественно-политические настроения в СССР накануне Великой Отечественной войны: 1939—1941 гг.: дисс. канд. ист. наук. М. 2009, с. 41.
8. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 1234, л. 2.
9. Там же, л. 8.
10. Там же, л. 11.
11. Там же, д. 1299, л. 134.
12. Там же.
13. Там же, д. 1234, л. 10.
14. Там же, д. 1299, л. 136.
15. Там же, д. 1234, л. 115.
16. Там же, д. 1243, л. 9.
17. Там же, д. 1244, л. 57.
18. Там же, д. 1234, л. 116.
19. Там же, л. 18.
20. Там же, л. 32.
21. Там же, л. 54.
22. Там же, л. 17.
23. Там же, д. 1236, л. 38.

Основы развития сельского хозяйства в Советской России в трудах ученых-экономистов русской эмиграции 1920—1930-х гг.

А. В. Берлов

Аннотация. В публикации проанализирована динамика научных взглядов выдающихся экономистов русской эмиграции, их оценки развития сельского хозяйства, судьбы аграрной России после установления советской власти, отношение к государственной политике обобществления земельных фондов и средств производства в сельском хозяйстве Советской России.

Ключевые слова: ученые-эмигранты, частная собственность, индустриализация, коллективизация, сельское хозяйство.

Abstract. The publication analyzes the dynamics of scientific views of prominent economists of Russian emigration, their assessment of agricultural development, the fate of agrarian Russia after the establishment of Soviet power, the attitude to the state policy of socialization of land funds and means of production in agriculture of Soviet Russia.

Key words: emigrants, agricultural production, private property, industrialization, the collectivization of agriculture.

Эмиграция русских ученых после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. стала одним из самых трагических для отечественной науки событий в XX веке. Независимо от политических взглядов, масштаба научной деятельности, своей идеологической ориентации, они могли продолжить традиции российской науки конца XIX — начала XX столетия в различных областях знаний, быть полезны своей стране, способствовать технической модернизации производства.

Политическая победа большевиков и укрепление их власти после окончания гражданской войны привели к вытеснению немарксистских

Берлов Артур Валерьевич — кандидат исторических наук. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. E-mail: Arberlov@mail.ru.

Berlov Arthur V. — candidate of historical sciences. Military University of Ministry of Defense of the Russian Federation. E-mail: Arberlov@mail.ru.

парадигм научного знания, в том числе либеральной и неонароднической теорий аграрного производства. В вынужденной эмиграции оказались выдающиеся экономисты, теоретики и практики аграрного производства С.Н. Прокопович, Б.Д. Бруцкус, А.Н. Анцыферов, С.С. Маслов, Н.Н. Зворыкин, С.О. Загорский и другие. Органично влившись в европейскую научную среду, русские экономисты создали своеобразный экспертный центр, деятельность которого в советский период не находила должного освещения по идеологическим причинам. Отечественный экономист Бруцкус так сформулировал миссию русских ученых в эмиграции: «Создать верную общую концепцию русского народного хозяйства и дать правильную оценку действующей системе есть обязанность, возложенная судьбой на нас, зарубежных экономистов. Только мы, свободные от тисков коммунистической цензуры, могли бы выполнить эту важную задачу, которой наши коллеги в России по внешним условиям своей работы надлежащим образом выполнить не в состоянии»¹.

В основе заочной дискуссии русских ученых-эмигрантов с представителями официальной марксистской экономической науки лежала проблема частной собственности на средства производства в сельском хозяйстве. Ссылаясь на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», В.И. Ленин отмечал, что «всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было, — оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство»². Стремясь к построению идеальной общественной модели, теоретики и практики марксизма-ленинизма хотели утвердить господство общественной (по факту — государственной) собственности на средства производства, освободить трудящихся от эксплуатации и обеспечить справедливое распределение материальных благ.

С точки зрения теоретиков марксизма, земля в качестве основного средства производства в аграрном секторе подлежала экспроприации у частных хозяев и обобществлению в интересах трудящихся масс. Характеризуя основы будущего социалистического общества, Энгельс писал о том, что «общественная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность на остальные продукты, т.е. на предметы потребления»³.

Стремление большевиков отменить право частной собственности, в том числе на землю, которую марксизм рассматривал как средство производства в аграрной сфере, проявилось не только в эсеровском по своей сути «Декрете о земле» но и в «Основном законе о социализации земли», подписанном Лениным в феврале 1918 года. В дальнейшем государственная монополия на землю была закреплена Земельным кодексом РСФСР 1922 года. Разумеется, ученые-экономисты русской эмиграции критиковали установившуюся в Советской России систему исключительных прав государства на землю, все сделки с которой — купля-продажа, аренда, залог — были запрещены.

Ученые-экономисты русской эмиграции, особенно либерального направления, крайне негативно оценивали большевистское стремление к обобществлению земельных фондов и средств производства в сель-

ском хозяйстве. Критикуя ленинскую практику создания товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) и сельскохозяйственных артелей с объединением инвентаря и техники, русские ученые-эмигранты настаивали на том, что наилучшей социальной формой организации труда на земле является крестьянская семья, в частной собственности которой находится и земля, и технические средства труда на ней. По мнению Бруцкуса, крестьянская семья, как миниатюрное фермерское хозяйство, способна оптимально организовать сельскохозяйственное производство, приспособившись к неравномерному ходу аграрных работ, сезонности, климатическим изменениям, динамике рыночной конъюнктуры и прочим экономическим, социальным и политическим обстоятельствам. Ученый писал о том, что обеспеченная собственными средствами производства крестьянская семья «представляет собой в подавляющем большинстве случаев наиболее благоприятную комбинацию разнородных работников, кровно заинтересованных в успешном ведении хозяйства, обеспечивающего их существование»⁴.

Обогащенные европейским опытом аграрного производства с опорой на частную собственность, русские ученые-эмигранты считали полезным для России сделать ставку на индивидуальные крестьянские хозяйства, превратить их в частные фермы с использованием личного инвентаря и техники. Убежденные сторонники капиталистических отношений в деревне, они резко негативно оценивали советскую политику ограничения хозяйственной самостоятельности крестьянства и ликвидации частной собственности, в том числе на землю и средства производства.

Критике ученых русской эмиграции подверглась советская политика национализации земли, которая оценивалась как крупнейшая в истории российского крестьянства катастрофа. Экономисты русского зарубежья считали частное землевладение основным средством обогащения сельских тружеников, тогда как большевики были убеждены в том, что национализация земли уничтожит абсолютную ренту, которой земельные собственники обложили общество, как данью. Стремясь ликвидировать единоличное крестьянское землевладение, Ленин руководствовался тем, что частная собственность на землю является препятствием для рационального ведения сельского хозяйства, создает в деревне несправедливые капиталистические отношения. Известно его высказывание о том, что «мелкое производство рождает капитализм постоянно, ежедневно, ежедневно, стихийно и в массовом масштабе»⁵.

Профессор политэкономии Люблянского университета А.Д. Билимович в своих трудах показывал абсурдность утверждений Ленина и большевиков о том, что национализация всей земли является требованием широких масс крестьянства и соответствует их коренным интересам. Крестьяне, по его мнению, не могли требовать национализации земли, находящейся в их частной собственности⁶. С точки зрения ученых русской эмиграции, главная ошибка большевиков заключалась в том, что вместо поддержки социально сильных и зажиточных слоев крестьянского общества, то есть потенциальных фермеров, советская власть искусственно разжигала огонь классовой борьбы в деревне, преследуя цель изъятия земельных фондов у богатых крестьян в пользу государства. Об этом, кстати, прямо говорил Я.М. Свердлов на заседании ВЦИК 20 мая

1918 г., посвященном задачам Советов в деревне: «Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенских буржуев, только в этом случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов»⁷.

Ученые-эмигранты считали исторической ошибкой, и даже преступлением, раскол деревни большевиками по имущественному признаку с опорой на комитеты бедноты. По их мнению, в крестьянском мире не могло быть такой острой классовой борьбы, как в городских промышленных центрах. В одном из отчетов по обследованию крестьянских дворов в Пензенской губернии за 1924 г. приводятся слова сельских жителей в адрес кулачества: «Что же из того, что он кулак, но зато он давал нам заработок, мы от него кормились, а теперь этого заработка нет»⁸. По мнению ученых русского зарубежья, в результате постигшей Россию катастрофы сельское хозяйство потеряло свои производительные силы. В докладе Бруцкуса, прочитанном на съезде экономистов русской эмиграции в апреле 1924 г., отмечалось, что посевная площадь в Советской России «сократилась на 64% (считалась за 100% площадь 1913 г.). Количество скота упало на 63%, принимая за 100% количество скота в 1916 г. Площадь зерновых хлебов сократилась на 22%, интенсивная площадь сахарной свеклы на 92%, конопли на 61%, льна на 58%»⁹.

Наиболее негативные оценки ученых русского зарубежья получила политика коллективизации, сопровождавшаяся экспроприацией земельных фондов и инвентаря зажиточных крестьян. Оценивая беспрецедентный масштаб данного явления, С.С. Маслов писал: «По глубине переворота, его размаху и темпам — это действительно величайшая из революций, какие переживало крестьянство всех народов и на всей памяти человеческой истории»¹⁰. Получая сведения о событиях в России не только из официальных источников, но и от бежавших за рубеж крестьян, ученые русской эмиграции разрушали миф о добровольности коллективизации, который транслировался властью. Маслов подчеркивал, что сельские жители оказались в таких условиях, когда отказ от вступления в колхоз ставил крестьянина в положение изгоя: «в колхоз загоняли непомерными налогами, угрозами раскулачивания, вменением каких-либо нарушений с последующей высылкой в назидание остальным»¹¹.

В 1933 г. в статье «Голод и коллективизация» Бруцкус писал, что в процессе сплошной коллективизации для большевиков «дело шло совсем не об успехах русского сельского хозяйства, а об успешном укреплении их власти над крестьянством»¹². Лишенные частной собственности крестьяне теряли не только хозяйственную самостоятельность, но и способность к общественной самоорганизации, гражданскому сопротивлению. По мнению Бруцкуса, власть рассматривала крестьян «как батраков, сидящих на государственной земле, обязанных вести хозяйство под диктовку власти и сдавать весь продукт государству». Разумеется, никакой личной заинтересованности в результатах своего труда при такой системе у крестьян не оставалось, и они превращались в аморфную социальную массу, выполняющую хозяйственные задания власти на не принадлежащей им земле, на не принадлежащей им технике.

Обобществление земельных фондов и хозяйственного инвентаря советской властью в годы коллективизации вызвало критику не только либеральных экономистов, но и ученых-эмигрантов, придерживавшихся социалистических взглядов. Теоретики неонародничества были вынуждены признать, что почти все советские коммуны, артели и совхозы пребывали в «жалком состоянии и едва прокармливали собственных работников»¹³. Независимо от идейной направленности, ученые русской эмиграции считали программу большевиков по изъятию частной собственности на средства производства у личных крестьянских дворов экономически нерациональной и социально опасной. Больше всего они опасались того, что большевики окончательно ликвидируют крестьянство, заменив его сельским пролетариатом, работающим на обобществленных земельных фондах.

Анализируя данные статистики, статьи советской прессы, выступления партийных лидеров и законодательные документы, ученые имели достаточно полное представление о процессах, происходивших в советской деревне. Особое их негодование вызывало отделение тракторных отрядов (в дальнейшем — машинно-тракторных станций) от колхозов, что свидетельствовало о стремлении власти окончательно дистанцировать крестьян от средств производства в аграрном секторе. Впервые продать технику МТС колхозам предложили В.Г. Венжер и его жена А.В. Санина в своих письмах И.В. Сталину. Они писали о неразумности отделения собственности на средства производства от колхозного производства, исходили из того, что, если колхозы, как официально считается, действительно кооперативные предприятия, то они должны стать собственниками средств производства и результатов своего труда.

Разумеется, советская власть не могла допустить хозяйственную самостоятельность колхозов и наличие товарных отношений в деревне. Об этом убедительно свидетельствует ответ Сталина: «Предлагая продажу МТС в собственность колхозам, гг. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории... Основная ошибка гг. Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму. Они, видимо, думают, что можно и при товарном обращении перейти от социализма к коммунизму, что товарное обращение не может помешать этому делу. Это глубокое заблуждение, возникшее на базе непонимания марксизма»¹⁴.

В середине 1930-х гг. ученые русской эмиграции констатировали факт окончательной передачи всех средств производства и распределения в собственность государства. Считалось, что тем самым частная собственность, то есть отношения частной собственности, были ликвидированы. Конституция СССР 1936 г. закрепила социалистическую собственность в трех формах: государственной, кооперативно-колхозной и личной. При этом государственная собственность была обозначена как общенародная. В докладе на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. «О проекте Конституции Союза ССР» Сталин утверждал: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, то есть осуществило то, что

у марксистов называется иначе первой, или низшей, фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм»¹⁵.

Главная проблема строительства социализма в СССР заключалась даже не в том, что политика большевиков была ориентирована на обобществление земельных фондов и насильственное изъятие частной собственности крупных крестьянских хозяйств, а в том, что на момент революции капитализм в России еще не исчерпал своих прогрессивных возможностей, особенно в деревне. Это прекрасно осознавали ученые-эмигранты, предлагавшие либерализацию общественно-экономических отношений в аграрном секторе, легализацию купли-продажи земли, сосредоточение средств производства в руках справных хозяев-кулаков. Их предложения оказались невостребованными победившей в России властью, что повлекло за собой комплекс известных исторических последствий.

Примечания

1. БРУЦКУС Б.Д. Народное хозяйство сов. России, его природа и его судьбы. — Современные записки. 1929, № 38, с. 408
2. ЛЕНИН В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М. 1954, с. 81.
3. ЭНГЕЛЬС Ф. Анти-Дюринг. М. 1953, с. 123.
4. БРУЦКУС Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг. 1922, с. 94.
5. ЛЕНИН В.И. ПСС. М. 1954, с. 6.
6. БИЛИМОВИЧ А.Д. Экономический строй освобожденной России. М. 2006, с. 51.
7. СВЕРДЛОВ Я.М. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 213.
8. РОСНИЦКИЙ Н. Полгода в деревне. Пенза. 1925, с. 45.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5937, оп. 1, д. 7, л. 1.
10. МАСЛОВ С.С. Колхозная Россия. М. 2007, с. 83.
11. Там же, с. 91.
12. БРУЦКУС Б.Д. Голод и коллективизация. В кн.: Современные записки. Т. 52. 1934, с. 2017.
13. АНЦЫФЕРОВ А.Н. Революция и русское земледелие. — Земледелие. Ежемесячный журнал общественной агрономии, земледельческой кооперации и аграрной политики. Прага. 1921, с. 22.
14. Слово товарищу Сталину. М. 2002, с. 298—299.
15. СТАЛИН И. Сочинения. Т. 14. М. 1997, с. 127.

НАРОДЫ РОССИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Решение Организации Объединенных Наций объявить 2019-й год Международным годом языков коренных народов закономерно встретило широкий интерес и поддержку в многонациональной России. На территории нашей страны проживают, по самым скромным подсчетам, представители порядка 190 народов, многие из которых в силу малочисленности и других проблем сталкиваются с угрозой утраты своего языка, культуры и национальной идентичности,

Не меньшую угрозу для культурно-национального единства и многообразия российского государства несет подрывная деятельность националистов и радикалов, зачастую тесно связанных с международными террористическими структурами. Сепаратисты Северного Кавказа, националисты и экстремисты в Поволжье и других регионах страны делают основную ставку на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, спекулируя на подлинных и мнимых проблемах и недоработках государственных институтов в сфере межэтнических отношений.

В этих условиях активные усилия Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), Министерства культуры, Министерства просвещения, Министерства науки и высшего образования, Ростуризма, Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также органов власти российских регионов в рамках утвержденного российским правительством плана по реализации Стратегии государственной национальной политики на 2019–2021 гг представляются крайне важными. Следует подчеркнуть, что указанный план, в свою очередь, был разработан ФАДН в связи с появлением новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Фе-

дерации на период до 2025 года, утвержденной президентом страны 6 декабря 2018 года. Этот документ провозглашает в качестве целей государственной национальной политики России, в частности, сохранение и поддержку «этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества», а также гармонизацию «межнациональных (межэтнических) отношений».

В этой связи важная роль отводится проведению мероприятий в рамках Международного года языков коренных народов, в том числе в целях повышения уровня знаний граждан Российской Федерации об их истории и современном положении, пропаганды идеалов межнационального мира и дружбы народов, обеспечения сохранения ими уникального языка и культуры. Ведь кому, как не историкам, хорошо известно, к чему приводили человечество пещерный национализм и попытки разыграть карту межэтнических противоречий.

Журнал «Вопросы истории», считая своим долгом принять активное участие в реализации указанной программы, открывает новую рубрику – «Народы России». Здесь будут публиковаться статьи и другие материалы, посвященные актуальным проблемам истории межнациональных отношений в России, положению малых и коренных народов нашей страны, задачам сохранения ее уникального культурно-национального многообразия. Мы также приглашаем профессиональных историков, преподавателей, аспирантов, студентов, представителей широкой научной общественности и всех наших читателей к заинтересованной дискуссии на страницах журнала по всем аспектам рассматриваемой темы.

Вклад спецпереселенцев в развитие кооперативно- кустарного производства в 1930—1940 гг.

Л. Н. Лобченко

Аннотация. Публикация посвящена одной из страниц истории Северного края — героическому труду и вкладу спецпереселенцев в развитие кооперативно-кустарного производства в 1930—1940-х годах.

Ключевые слова: спецпереселенцы, Северный край, кооперативно-кустарное производство.

Abstract. The publication is dedicated to a page in the history of the Northern Land — the heroic work and contribution of special settlers in development of cooperative craft in 1930s-1940s.

Key words: special settlers, Northern Land, cooperative craft.

Проблема трудового использования спецпереселенцев и их вклада в развитие экономики отдаленных районов СССР, куда эти люди были насильно депортированы на «трудовую ссылку», остается весьма актуальной и недостаточно исследованной в масштабах отдельных регионов спецпоселений. В отечественной исторической науке советского периода многие аспекты комплексной проблемы раскулачивания в СССР замалчивались или трактовались политизировано и тенденциозно. Вместе с тем, спецпереселенцы внесли существенный вклад в освоение целинных земель и развитие сельского хозяйства Урала, Сибири, Казахстана, Северного края, Карелии и Кольского полуострова. Они составили основной костяк постоянной кадровой рабочей силы в сельском хозяйстве и промышленности, основали тысячи новых населенных пунктов, пробудили к жизни гигантские безлюдные пространства, веками находившиеся в своем первозданном состоянии.

Лобченко Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Мурманского арктического государственного университета. E-mail: l.lobchenko@mail.ru.

Lobchenko Liudmila N. — candidate of historical sciences, senior lecturer at the Murmansk Arctic State University. E-mail: l.lobchenko@mail.ru.

16 августа 1931 г. вышло постановление СНК СССР «О спецпереселенцах», в котором признавалось необходимым организовать в спецпоселках кооперативы, а спецпереселенцев принимать в производственные и потребительские кооперации в качестве пассивных членов, которые не могли участвовать в выборах правлений и не имели права быть избранными в руководящие органы кооперации. Центросоюзу СССР поручалось развернуть широкую сеть торговли во всех местах расселения «бывших кулаков» и снабжать их наравне со всеми рабочими и служащими.

В связи с отсутствием достаточного количества литературно-правовых источников можно сделать лишь самый общий вывод о развитии кооперативно-промысловых артелей спецпереселенцев на стадии их становления и развития. Руководствуясь директивами СНК СССР, Всесоюзный кооперативный промысловый совет СССР 13 марта 1931 г. разработал и согласовал с ГУЛАГом ОГПУ «Инструкцию об организации неуставных кооперативно-промысловых артелей спецпереселенцев».

Согласно этой инструкции, кооперативно-промысловые артели спецпереселенцев рассматривались как подсобное производство, использующее преимущественно местное недефицитное сырье. Промысел артелей должен был проводиться на коллективных предприятиях (в мастерских), организуемых и содержащихся на средства артелей. Всю свою работу артель проводила под руководством промсоюза и по его указанию. Решения собраний артели вступали в силу после утверждения промсоюзом и комендантом спецпоселка. Делами артели управлял староста, выдвигаемый (избираемый) общим собранием артели и утверждаемый комендантом спецпоселка и промсоюзом ¹.

К развитию кустарно-промысловой кооперации спецпереселенцев Западно-Сибирский, Казахстанский, Уральский, Северо-Кавказский кустарно-промысловые кооперативные союзы приступили в начале IV квартала 1931 года. На 1 января 1932 г. в спецпоселках ГУЛАГа ОГПУ в Западной Сибири в 306 артелях насчитывалось 4260 человек. Стоимость произведенной ими продукции составляла 23 884 тыс. руб., а капитальные затраты — 200 тыс. рублей. В Уральской области 5420 членов 214 артелей изготовили продукции на 209,9 тыс. руб. при капитальных затратах в 600 тыс. рублей. В Казахстане насчитывалось 50 артелей и 1875 работников, а в Северо-Кавказском крае — соответственно 90 и 3600. Здесь стоимость произведенной продукции составила 260 тыс. рублей. Таким образом, всего в 660 артелях работало 15 156 чел., выпустивших продукции на 2 853 300 тыс. руб. при капитальных затратах 800 тыс. рублей ². Только за 3 месяца работы стоимость произведенной продукции более чем в 3 раза превысила капитальные затраты.

Почти во всех регионах спецпоселений основными видами артельного производства были: дегтекурение, смолокурение, деревообработка, производство стройматериалов и кирпича, мастерские бытового обслуживания. Основную рабочую силу составляли нетрудоспособные спецпереселенцы и подростки, а трудовой ресурс составляла «неполноценная рабочая сила».

К июлю 1932 г. в Ленинградской, Уральской областях, в Казахстане, Карелии, Западной и Восточной Сибири, в Северо-Кавказском, Нижегородском, Дальневосточном краях было скооперировано в промысловых

артелях 45 463 спецпереселенца, капитальных затрат на создание артелей произведено на сумму 5 440 100 рублей. Планировалось произвести продукции на сумму 45 393 600 рублей³. Таким образом, кустарно-промысловая кооперация в спецпоселках ГУЛАГа постепенно набирала обороты.

О ходе процесса кооперации в спецпоселках Северного края свидетельствуют ограниченные архивные материалы. Уже на 1 января 1932 г. были скооперированы 6 593 спецпереселенца, или 5% от их общего числа. Эти сведения не вошли в таблицу ОГПУ о расселении спецпереселенцев по отраслям промышленности и сельского хозяйства по всем регионам СССР. На 1 января 1933 г. только в системе многоотраслевой кооперации краевого промыслового Совета действовало 209 неуставных артелей, в том числе: 46 портновских, 33 сапожно-шорных, 24 кузнечно-слесарных, 13 парикмахерских, 27 плетения кружев и др.⁴

Мастерские располагались в специальных помещениях, создававшихся при строительстве спецпоселков. Произведенную продукцию члены артелей сдавали кооперативным союзам по расценкам, установленным на каждый вид товара, основными потребителями которого были рабочие леспромхозов и жители спецпоселков.

Работа в артелях осуществлялась под руководством уполномоченных. Они назначались из среды спецпереселенцев, вели учет продукции, отвечали за ее реализацию, организацию труда рабочих, состояние дисциплины, выполнение производственного плана. Снабжение неуставных артелей сырьем производилось по линии кооперации. Только в первом полугодии 1933 г. неуставным артелям было отпущено 2 450 м мануфактуры, 3 825 кг кожи, 4 тыс. кг железа.

В рамках промысловой кооперации создавались самостоятельные неуставные артели с отдельными производственными фондами. В тех спецпоселках, где ведущей отраслью являлось сельское хозяйство, организовывались промышленные цеха по бытовому обслуживанию населения. Во всех артелях и цехах краевого промыслового Совета было занято 2 079 человек.

Кроме того, на 1 июля 1933 г. по системе «Севкрайлесхимпромсоюза» были созданы 72 неуставные артели, в которых работали 2 010 спецпереселенцев⁵. Это были главным образом лица, по состоянию здоровья не пригодные для работы на лесоразработках, занятые в артелях на производстве дегтя, смолы, изготовлении мебели, сборе дикорастущих ягод. Таким образом, во всех видах производственной, торговой и промысловой кооперации в Северном крае в 1933 г. были заняты 10 682 спецпереселенца.

Каково же было социально-экономическое положение спецпереселенцев, особенно в первые 2 года их пребывания в отдаленных и глубинных районах страны? Объективный анализ и обобщенные оценки положения спецпереселенцев содержатся в двух документах за 1931 г.: докладной записке Г.Г. Ягоды, направленной в октябре председателю ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутаку, и письме наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко во фракцию ВКП(б) ВЦИК Российской Федерации.

В первом документе говорилось, что, вопреки решению ЦК об обеспечении спецпереселенцев наравне с вольными рабочими, на местах

наблюдается «разбазаривание фондов, отпущенных им». Ягода констатировал: «Особо тяжело положение спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности, т.к. местная кооперация вследствие своей неповоротливости и халатности не реализует вовремя отпущенных ей фондов продовольствия... Таким образом, дело со снабжением спецпереселенцев, полностью урегулированное в центре, на местах практически все еще обстоит плохо, и на почве недоедания мы имеем значительное количество заболеваний и повышенную смертность»⁶. Снабжение спецпереселенцев промтоварами, по оценке Ягоды, до сих пор небыло налажено.

В письме Н.В. Крыленко от 25 декабря 1931 г. подчеркивалось, что, по поступающим в Прокуратуру республики сведениям, положение спецпереселенцев в местах их расселения, несмотря на ряд мер, принятых в соответствии с законодательными актами, «до сих пор остается неудовлетворительным. Заброска, расселение и использование труда спецпереселенцев происходили беспланово и без надлежащего учета. Расселение спецпереселенцев произошло в местах, непригодных по климатическим и другим природным условиям для ведения сельского хозяйства, а использование труда спецпереселенцев на производствах и в промышленности происходит беспорядочно»⁷.

Оплата труда всегда была разной и иногда исключительно низкой. Например, в Пинежском районе Северного края на лесоразработках при 10-часовом рабочем дне спецпереселенцы в среднем получали: мужчины — до 85 коп., женщины — до 75 коп., подростки — до 50 коп. в день. Иногда зарплата не выдавалась.

В плохом состоянии находилось снабжение переселенцев продуктами питания и промтоварами. Так, например, в среднем по Уральской области фактическое обеспечение переселенцев составляло 50% по продовольствию и 20—30% по предметам широкого потребления, а в Дальневосточном крае набор продуктов для иждивенцев спецпереселенцев в месяц составлял 9—11%. Были случаи, когда имевшиеся запасы продовольствия отбирались. Так, на приисках «Союззолото» в Зейском районе Дальневосточного края у спецпереселенцев было отобрано 2 тыс. пудов принадлежавшей им муки, которую им же потом продавали⁸.

Такова историческая правда о социально-экономическом и правовом положении спецпереселенцев. Усомниться в правдивости приведенных документов невозможно хотя бы потому, что на них более 60 лет стоял гриф «совершенно секретно», и они были недоступны гласности.

По докладу наркома юстиции Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление, в котором предложил ОГПУ, Уральскому, Северному, Западно-Сибирскому, Дальневосточному крайисполкомам «принять необходимые меры к созданию нормальных условий для спецпереселенцев и ссыльных в вопросах использования труда, жилищного, материального и продовольственного обслуживания»⁹.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что спецпереселенцам принадлежала первостепенная роль в развитии экономики Северного края. Благодаря их самоотверженному труду были основаны тысячи новых населенных пунктов, освоены гигантские безлюдные пространства, веками находившиеся в своем первозданном состоянии. Спецпереселенцы составляли костяк постоянной кадровой рабочей силы в лесной про-

мышленности, строительстве, кооперации, сельском хозяйстве и животноводстве Северного края.

В 1939—1940 гг. на территории бывшего Северного края было заготовлено 36 млн. 100 тыс. м³ деловой древесины. Среднегодовое число рабочих на лесозаготовках и лесосплаве составило около 140 тыс. чел. вместо 33 211 чел. на 1 июля 1932 года ¹⁰. Спецпереселенцы Северного края к 1938 г. раскорчевали 11 790 га, распахали 14 835 га, подготовили сенокосов на площади в 31 541 га ¹¹. К этому времени они почти полностью обеспечили себя продовольствием и создали прочную кормовую базу для развития животноводства.

Спецпоселенцы Севера поставляли сельхозпродукцию государству, показав высокую организованность, трудолюбие и результативность в работе. Приняв активное участие в трудовом соревновании и ударническом движении, многие из них стали обладателями всесоюзных, республиканских и областных рекордов. Спецпоселенцы добились значительных успехов в развитии животноводства, молочно и овощного хозяйства, освоении земель. Они выращивали зерновые, овощи, картофель даже в условиях мерзлоты. В каждом спецпоселке были созданы неуставные сельскохозяйственные артели, подсобные хозяйства, появились индивидуальные огороды и личные хозяйства. И даже после ликвидации в 1954 г. системы ГУЛАГов многие спецпоселенцы продолжали жить в построенных их руками поселках и работать в созданных ими колхозах, повышая эффективность сельскохозяйственного производства Северного края России.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 9114, оп. 1, д. 1947, л. 77.
2. Там же, д. 1950, л. 1.
3. Государственный архив Архангельской области (ГА АО), ф. 621, оп. 2, д. 201, л. 228.
4. Там же, д. 201, л. 229.
5. Архив управления внутренних дел Архангельской области (АУВД АО), ф. 33, оп. 1, д. 947, л. 19.
6. Там же, д. 947, л. 20.
7. Там же, ф. 33, оп. 1, д. 947, л. 20.
8. ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 776, л. 76.
9. Там же, л. 88.
10. АУВД АО, ф. 33, оп. 1, д. 947, л. 22.
11. Там же, л. 21.

Революционные военные железнодорожные трибуналы в начале 1920-х гг.

Д.Н. Шкаревский

Аннотация. В современных условиях большое значение приобретает изучение опыта формирования и функционирования отечественной судебной системы. Существование органов юстиции на транспорте в начале 1920-х гг. во многом остается не изученным. В работе выделены основные этапы в деятельности органов транспортной юстиции. По мнению автора, система органов юстиции на транспорте оказалась заложницей временного характера своей деятельности. Недостаточное финансирование, различные ограничения, регулярные внутренние конфликты осложняли функционирование этих органов.

Ключевые слова: советская юстиция, транспортная юстиция, революционные военные железнодорожные трибуналы.

Abstract. In modern conditions, it is of great importance to study the experience of the formation and functioning of the domestic judicial system. The author identifies the main stages in the activities of the transport justice authorities. According to the author, the system of justice bodies in transport has become hostage to the temporary nature of its activities. Insufficient funding, various restrictions, regular internal conflicts complicated the functioning of these bodies.

Key words: Soviet justice, transport justice, revolutionary military railway tribunals.

Организация работы на транспорте сыграла ключевую роль в победе в гражданской войне. Решение логистических проблем позволяло достаточно оперативно перегруппировывать силы, концентрировать человеческие и материальные ресурсы на наиболее важных направлениях. Однако при рассмотрении проблем, связанных с организацией работы транспорта в этот период, достаточного внимания организации и деятельности судебных органов на транспорте не уделялось. Значительное количество неопубликованных источников по данной проблематике до сих пор не введено в научный оборот. Отмечу, что в этот период трибуналы действо-

Шкаревский Денис Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, докторант. E-mail: shkarden@mail.ru.

Shkarevsky Denis N. — PhD (History), associate professor at the Surgut State University. E-mail: shkarden@mail.ru.

вали как на железнодорожном, так и на водном транспорте. При этом их функционирование было подчинено одним задачам, регулировалось из единого центра одними и теми же инструкциями.

До недавнего момента их деятельность рассматривали в комплексе с другими органами юстиции советского государства ¹. Лишь в последнее время появились самостоятельные исследования, объектом которых является функционирование трибуналов на транспорте в 1920-е годы ². Поэтому рассмотрение проблем, связанных с практической деятельностью транспортных трибуналов в 1920-е гг., является достаточно актуальным. Главная задача данной работы состоит в том, чтобы выделить основные особенности деятельности органов юстиции на транспорте в начале 1920-х годов.

Осенью 1917 г. в советском государстве оформились две системы юстиции — общая (в основе которой находились народные суды) и специальная (основанная на военных трибуналах) ³. Органы специальной юстиции развивались очень динамично и имели тенденцию к увеличению своей численности, что приводило к их периодическому реформированию и сокращению ⁴.

В целом, представляется возможным выделять три вида органов специальной юстиции: 1) революционные (губернские) трибуналы на местах (РТ) и органы, с ними связанные; 2) революционные военные трибуналы (РВТ) и органы, с ними связанные; 3) революционные военные трибуналы на транспорте (РВТТ) и органы, с ними связанные. Основная цель этих трибуналов состояла в защите нового государства и достижений революции.

Основные задачи транспортных трибуналов были сформулированы следующим образом: «обслуживание боевого фронта труда против транспортной разрухи... борьба с преступлениями трудового и должностного характера (прогулы, трудовое дезертирство, нарушение трудовой дисциплины, нерадение, расхлябанность, шкурничество и т.д.)» ⁵. При этом особое значение отводилось агитационно-воспитательному аспекту судебного разбирательства.

Пожалуй, одной из основных особенностей становления системы органов транспортной юстиции была существенная задержка в юридическом оформлении деятельности трибуналов на транспорте. Так, военное положение на железных дорогах было введено в ноябре 1918 г. ⁶, а положение о революционных военных железнодорожных трибуналах приняли только в марте 1920 года. Однако это не означает, что до того момента трибуналы на транспорте отсутствовали. Они формировались с начала 1918 г. по инициативе Наркомата путей сообщения (НКПС). Первый революционный военный железнодорожный трибунал был создан по решению НКЮ 8 августа 1918 г. на Московско-Казанской железной дороге ⁷, кроме того, летом 1918 г. действовал транспортный трибунал при поезде председателя реввоенсовета (РВСП) Л. Троцкого ⁸.

Кроме того, были организованы транспортные трибуналы в Гомеле, Рузаевке, Москве, Петрограде, с февраля 1920 г., то есть до издания Положения о транспортных трибуналах, действовал Главный революционный военный железнодорожный трибунал (ГРВЖДТ) ⁹. Причем работали они на основе положений о революционных трибуналах и революционных

военных трибуналах, которые достаточно часто изменялись. К примеру, в течение конца 1917 — начала 1920 г. было издано порядка 6 подобных документов.

Таким образом, на транспорте в 1917 — начале 1920-х гг. действовали различные органы и должностные лица, обладавшие правом привлечения к ответственности: чрезвычайные военные комиссары, ТО ВЧК, революционные транспортные трибуналы. Поэтому ситуацию в судебных и внесудебных органах на транспорте в 1918—1919 гг. возможно характеризовать как правовую анархию.

Издание Положения о железнодорожных трибуналах несколько изменило ситуацию. Несмотря на оформление этих органов как временных (на период действия военного положения на железных дорогах (п. 1)), по своему статусу они были приравнены к революционным военным трибуналам (п. 2). Также Положение оформляло самостоятельную структуру данных органов юстиции. На железных дорогах планировалось создать местные революционные военные железнодорожные трибуналы (РВЖДТ) при Управлениях железных дорог (п. 5). Во главе этой системы должен был находиться Главный революционный военный железнодорожный трибунал (ГРВЖДТ). Каждый трибунал должен был состоять из 6 членов: председателя, заместителя, двух членов, двух заседателей. Причем кадровый состав этих трибуналов контролировался транспортными отделами ВЧК (ТО ВЧК) и Наркоматом путей сообщения (НКПС) (п. 3—6). Трибуналам предоставлялось право рассматривать дела в выездных сессиях и создавать отделения (п. 7, 8) для рассмотрения дел в узком (трехчленном) составе.

Первоначально транспортные трибуналы имели достаточно широкую компетенцию (п. 10 Положения РВЖДТ). Однако они не могли разбирать дела, подсудные военным трибуналам фронтов и Трибунала Республики (прим. к п. 11). ГРВЖДТ были подсудны все те же дела, а также дела с обвинениями против руководства НКПС начиная с заместителей управляющих управлениями (п. 11).

Вместе с тем, уже в середине 1922 г. подсудность транспортных трибуналов была существенно ограничена (ст. 30 УПК) делами «о преступлениях, подсудных революционным трибуналам, кои связаны с нарушением правильной деятельности железнодорожного и водного транспорта, причем дела о преступлениях не железнодорожных служащих и не служащих водного транспорта исключительно в случаях, если указанные преступления совершены этими лицами совместно с железнодорожными служащими или служащими водного транспорта или совершены ими в пределах полосы отчуждения жел. дорог или если в данном районе нет губернских или военных трибуналов и они не обслуживаются их выездными сессиями»¹⁰.

В связи с этим, циркуляром № 28 от 15 мая 1923 г. Верховный Суд РСФСР установил 3 категории дел: 1) дела не связанные с нарушением правильной деятельности транспорта, то есть безусловно не подсудные транспортным трибуналам; 2) дела, связанные с нарушением правильной деятельности транспорта, то есть подсудные транспортным трибуналам; 3) дела, связанные с нарушением деятельности транспорта, но вызывающие сомнения относительно серьезности дела. По последней категории дел вопрос подсудности должен был разрешать военно-транспортный прокурор.

Вопрос с подсудностью дел рассматриваемым органам юстиции стоял настолько остро, что в сентябре 1923 г. был издан специальный циркуляр Верховного суда, разъяснявший, что ст. 108 УК РСФСР (халатное отношение к службе), в случае, если она связана с нарушением «нормальной деятельностью транспорта», «остаётся по-прежнему в подсудности военно-транспортных трибуналов»¹¹.

При всех транспортных трибуналах создавалась следственная часть для проведения предварительного расследования. Кроме этого, трибуналы, по ряду дел, обслуживал следственный аппарат транспортного отдела ВЧК (ТО ВЧК) (п. 13).

Приговоры РВЖДТ являлись окончательными и не подлежали обжалованию или кассации. Лишь у наркома путей сообщения, комиссаров дорог и ГРВЖДТ имелось право приостановления исполнения приговоров из-за вновь открывшихся обстоятельств дела и революционной целесообразности. Приговоры должны были приводиться в исполнение немедленно. Исключение было сделано только для приговоров к расстрелу — они приводились в исполнение через 48 часов после сообщения о таковых комиссарам дорог, ГРВЖДТ, Трибуналу Реввоенсовета Республики, НКПС (п. 14, 15).

Весной 1920 г. ГРВЖДТ формировал сеть трибуналов на дорогах, обслуживающих нужды фронта. Причем на данном этапе армейским и фронтовым трибуналам просто передавались функции транспортных трибуналов с подчинением по подсудности ГРВЖДТ. Однако такая практика была признана не дающей «возможность обслуживать транспорт». Поэтому к 1 июля 1920 г. на всех железных дорогах РСФСР (за исключением Томской и Забайкальской) были организованы дорожные трибуналы¹². После введения военного положения на водных путях в мае 1920 г. Положение о транспортных трибуналах было распространено и на данный вид транспорта (п. 4)¹³.

В итоге, к 1 июля 1920 г. всего насчитывалось 20 трибуналов на железнодорожном транспорте, 4 военных трибунала, обслуживающих железнодорожный транспорт, 3 трибунала на водном транспорте, а также 3 железнодорожных и военных трибунала с правами обслуживания водного транспорта.

При организации трибуналов возникли стандартные трудности с предоставлением помещений, материальных средств. Особо отмечалась нехватка кадров. Члены трибуналов должны были соответствовать следующим требованиям: «достаточно испытанный партийный стаж, трибунальский опыт, военный стаж, знакомство с желдорделом». Однако подобных кандидатов «почти не было», и «приходилось подбирать так, чтобы коллегия [трибунал], хотя бы в целом, отвечала выставленным требованиям». К председателям трибуналов предъявлялось требование наличия трехгодичного партийного стажа (до революции), а к членам — двухгодичного. При этом «помощь соответствующих органов в подборе кадров» (то есть НКПС и ТО ВЧК) была признана неудовлетворительной.

В течение 1921 г. численность транспортных трибуналов выросла до 27. Однако с 1922 г. началось их сокращение. В первой половине года на базе трибуналов Омской и Забайкальской ж. д. был создан Трибунал Сибирского округа путей сообщения; из трибуналов Александровской

и Балтийской ж.д. — Объединенный трибунал Балтийско-Белорусской ж.д. В середине 1922 г. действовало 24 трибунала со штатом 1 309 человек¹⁴. Схемы организации трибуналов были достаточно однотипны¹⁵.

ГРВЖДТ также контролировал транспортные трибуналы на территории советских республик. Причем местные власти явно стремились взять их под свой контроль. Так, весной 1921 г. было предложено на железных дорогах Юга сформировать Окружной Реввоен трибунал транспорта «по образцу имеющегося при Сибирском Округе Путей Сообщения». Обосновывалось это «чисто местными особенностями» Украины и отсутствием достаточной связи мест с центром.

В мае 1921 г. Азербайджанский Ревком потребовал от действовавшего транспортного трибунала в 24 часа «ликвидировать свою деятельность и передать все судебные дела, архивы, помещение, инвентарь, делопроизводство и весь штат служащих особой комиссии Верховного трибунала Азербайджанской ССР». Протесты транспортного трибунала, жалобы в ГРВЖДТ и попытки последнего спасти трибунал¹⁶ действия не возымели. В результате работа транспортного трибунала оказалась практически парализована. Во второй половине 1922 г. были объединены трибуналы Петроградского узла и Туркестана. Летом 1922 г., в целях сокращения расходов, было проведено уменьшение числа трибуналов до 19.

В октябре 1922 г. состоялось очередное слияние действовавших трибуналов в 8 Окружных трибуналов с местопребыванием в железнодорожных административных центрах (Округов путей сообщения, Окружных комитетов по перевозкам). В результате, во второй половине 1922 г. действовали следующие Окружные Реввоен трибуналы железных дорог: Московский, Петроградский, Западный, Юго-Восточный, Северо-Восточный, Сибирский, Кавказский, Туркестанский. При этом, в их компетенции находились не только железнодорожные линии большой протяженности, но и водный транспорт. Так, Кавказскому Окружному Реввоен трибуналу, расположенному в Ростове-на-Дону, были подсудны дела в Кавказском округе путей сообщения, Чёрном, Азовском, Каспийском морях, Доно-Кубанском бассейне. Подобное реформирование привело к появлению института участковых следователей, более активной работе выездных сессий трибуналов¹⁷.

Реформа не была продумана и имела ряд негативных последствий. Так, Волжская речная система была разделена между Юго-Восточным и Северо-Восточным окружными трибуналами. Центр Северо-Восточного трибунала находился в Екатеринбурге, который не имел прямого водного сообщения с указанным бассейном. Это затрудняло связь трибунала с выездными сессиями и участковыми следователями. В результате практически сразу же появились предложения по реформированию новой системы трибуналов¹⁸.

Однако несмотря на проведение этой реформы, часть трибуналов на местах продолжала действовать. Так, в ходе заседания Верховного Трибунала ВЦИК 17 сентября 1921 г. рассматривался вопрос о ликвидации Архангельского железнодорожного трибунала. В итоге было предложено разъяснить Архангельскому губисполкому, что до утверждения его постановления о ликвидации данного трибунала ВЦИК, оно не имеет юридической силы.

Более того, трибуналы пытались отстаивать необходимость своего существования. 19 ноября 1921 г. председатель водного трибунала Чёрного и Азовского морей Кудрявцев выступил на заседании Пленума Верховного трибунала ВЦИК с докладом о важном политическом значении существования этого учреждения. Пленум допустил организацию данного трибунала «с непосредственным и исключительным его подчинением Военно-транспортной коллегии Верховного Трибунала ВЦИК, с правом суда над любыми гражданами, совершившими всякого рода преступления, связанные с нарушением правил работы водного транспорта или препятствующими восстановлению нормальной деятельности такового». Было приказано вернуть имущество трибунала и возратить его бывших сотрудников. Однако уже в декабре 1921 г. Кудрявцева «ввиду его не подчинения Верхтрибу и громадного застоя дел» было решено «сместить с должности председателя»¹⁹.

Известно, что вопрос о ликвидации трибуналов на транспорте обсуждался с января 1921 г. «в центре некоторыми видными партийными и советскими работниками» при поддержке военных трибуналов. Среди основных причин этого назывались: утрата «специфического значения транспортных трибуналов» и слияние «их заданий с заданиями Ревтрибуналов и Нарсудов»; необходимость устранения «параллелизма» в работе. ГРВЖДТ выступил против этой идеи. В связи с этим Ю. Межин (председатель ГРВЖДТ) затребовал от транспортных трибуналов их «соображения в пользу оставления или упразднения желдортрибунала» с обоснованием «данными опыта практики настоящего состояния обслуживаемых Трибуналом Путей».

В мае 1921 г. ГРВЖДТ вновь сообщил об имеющихся сведениях, «что на некоторых дорогах (Петроградский узел, Владикавказская дорога и проч.) по инициативе органов союза работников водного и железнодорожного транспорта поставлен на очередь вопрос о реорганизации деятельности трибуналов, постепенном превращении их деятельности в дисциплинарные суды, смягчении их карательной деятельности, подотчетности Союзу и проч. Причем местами уже созданы смешанные комиссии... для разрешения всех означенных вопросов». В связи с этим ГРВЖДТ сообщал о том, что подобные вопросы должны «разрешаться во Всероссийском масштабе»²⁰.

Замечу, что при формировании трибуналов отмечалось «живое участие и содействие к открытию» их деятельности со стороны НКПС и комиссаров на транспорте. Однако уже первые судебные заседания и суровые приговоры «ошеломили» железнодорожников, которые надеялись, что «трибунал, как железнодорожный, будет защищать их интересы»²¹. Однако этого не произошло. Поэтому НКПС отказался от поддержки транспортных трибуналов.

19 ноября 1923 г. Верховный Суд РСФСР постановил в связи с ликвидацией военно-транспортных трибуналов и упразднением Военно-транспортной коллегии Верховного суда все дела передать в Уголовно-судебную коллегию Верхсуда РСФСР для рассмотрения. 1 декабря 1923 г. военно-транспортным трибуналам был объявлен порядок их ликвидации. Нерешенные и архивные дела следовало направить в Губсуды, имущество — либо сдать в НКПС, либо направить в Губсуд, оружие — в военко-

мат, шифр — в ВТК ВС РСФСР. Ликвидацию трибуналов было приказано закончить к 15 декабря. Военно-транспортные следователи направлялись в Губсуды на правах старших следователей, а остальным работникам следовало «войти в соглашение с местными органами юстиции на предмет рационального их использования»²².

Однако ВТК ВС СССР была ликвидирована только в 1926 году²³. До своей ликвидации она рассматривала дела в отношении руководства НКПС по особому списку и дела исключительной важности по постановлениям Президиума ЦИК СССР и Пленарного заседания Верховного суда СССР. В этом особом списке были: начальники центральных управлений и самостоятельных отделов НКПС, начальники округов транспорта, уполномоченные Наркома путей сообщения, их заместители и помощники и другие руководители не ниже «дорожного уровня»²⁴.

Сводная отчетная ведомость по делам Реввоенжелдортрибуналов²⁵

Преступления	Число осужденных	Приговорено					
		Лишение свободы до 6 мес	Лишение свободы более 6 мес.	Концентрационный лагерь и штрафные части	Раствел	Условные наказания	Выговор и др. виды наказаний
1. Заговоры, восстания, погромы, шпионаж, измена	219	8	46	4	50	107	4
2. Мародерство, спекуляция, разбой и насилие, хищения багажа, груза, ж.д. имущества и покупка похищенного	645	40	315	30	27	166	67
3. Подделка документов и денежных знаков	47	9	17	1	1	5	14
4. Использование служебного положения в личных видах, взяточничество и вымогательство, присвоение и растрата	134	14	59	8	3	32	18
5. Нарушение правил сооружения ж.д. пути; повреждение и разрушение ж.д. пути, технических сооружений, телеграфа, подвижного состава, предостерегающих знаков и др. ж.д. имущества	41	8	12	—	—	11	10
6. Непринятие мер предосторожности в предупреждение угрожающей ж.д. транспорту опасности, несоблюдение правил эксплуатации ж.д. и загромождение пути	119	8	48	—	—	37	26
7. Дезертирство, прогулы, нарушения трудовой дисциплины	471	93	129	18	1	116	114
Всего	1676	180	626	61	82	474	253

Итак, представляется возможным выделить следующие этапы деятельности органов транспортной юстиции в начале 1920-х годов. Первый этап — конец 1917 — март 1920 года. На данном этапе наблюдалось нерегулируемое, хаотичное создание внесудебных и судебных органов на транспорте. Второй этап — март 1920 — октябрь 1922 г. — период правового оформления деятельности органов юстиции на транспорте. Третий этап — октябрь 1922—1926 г. — этап ограничения компетенции органов транспортной юстиции и ликвидации данных органов.

По неполным данным, на 1 июля 1920 г. транспортные трибуналы осудили 1 676 человек. Из них к расстрелу было приговорено 82 чел. (4,9%), в том числе 45 чел. были приговорены трибуналом Волго-Бугульминской железной дороги за участие в кулацком восстании. По оценкам Межина, 30% всех приговоров были вынесены за трудовые и должностные преступления, значительная часть приговоров — за хищения и спекуляции.

Подавляющее большинство дел в трибуналы поступало из ТО ВЧК, которое плохо проводило следствие. Отмечалось, что «почти без исключения по этим делам все следствие приходится проделывать сызнова». Также упоминалось, что многие лица и учреждения «в трибунал присылают дела без всякой предварительной проверки и указания необходимых сведений». Существовал острый недостаток в следователях. Всего на 1 июля 1920 г. в следствии находилось 3 785 дел, не закончено было 1 990 дел; 645 дел было прекращено за отсутствием состава преступления, 805 дел передано в транспортные трибуналы и 345 в другие трибуналы.

В целом, признавалось, что транспортные трибуналы развернули свою деятельность только к 1 июля 1920 г., а вся проделанная к этому моменту работа оценивалась как «черновая», считалось необходимым «недостаток опытных работников как-нибудь заполнить»²⁶.

В течение 1920—1921 гг. транспортные трибуналы были «перегружены делами» — в среднем на каждый трибунал «приходилось по 60 дел в месяц». Во многом это было связано с тем, что они рассматривали дела, не имевшие отношения к транспорту, и маловажные дела, которые должны были быть разрешены в дисциплинарном порядке. Поэтому ГРВЖДТ приказывал: «1. не принимать к производству в транспортных трибуналах и передавать в народные суды:

а) дела обще-уголовные, не наносящие непосредственный вред транспорту, хотя и совершенные в полосе отчуждения или железнодорожными служащими;

б) дела по трудовому дезертирству.

2. маловажные трудовые и должностные преступления:

а) или возвращать соответствующим комиссарам и технической администрации для наложения дисциплинарных взысканий;

б) или направлять в дисциплинарные товарищеские суды по мере их организации, точно соблюдая подсудность, указанную в Положении о ДТС»²⁷.

В течение 1921—1922 г. на первый план работы транспортных трибуналов вышла борьба с хищениями. Так, размер похищенных гру-

зов в декабре 1921 г. оценивался в 700 000 пудов, а его снижение до 20% (207 561 пуд) в июне 1922 г. признавалось главным достижением деятельности транспортных трибуналов.

В июле-декабре 1921 г. движение дел в транспортных трибуналах было следующим. Всего поступило 13 358 дел. Из них было передано в другие суды по подсудности 4 205 (31,48%), прекращено в распорядительном заседании — 2 884 (21,59%), окончено в судебном заседании — 2 991 (22,39%). Для сравнения, в январе-июне 1922 г. из 15 625 дел, бывших в производстве, было передано в другие суды по подсудности — 5 110 (32,09%), прекращено в распорядительном заседании — 2 760 (17,33%), окончено в судебном заседании — 3 848 (24,16%).

С увеличением количества дел, в транспортных трибуналах увеличилось и количество осужденных. Так, из 7 939 чел., привлеченных транспортными трибуналами по делам во второй половине 1921 г., было оправдано 1 321 (16,64%) и осуждено 6 618 (83,36%). В первой половине 1922 г. из 11 315 привлеченных оправдано 1 941 (17,16%) и осуждено 9 374 (82,84%).

Увеличение количества осужденных во второй половине 1922 г. на 2 756 чел. объяснялось активизацией работы трибуналов в возбуждении ими судебных дел и более продуктивной деятельностью органов розыска и дознания. Так, по сведениям ТО ГПУ летом 1921 г. было раскрыто лишь 5% хищений, а в начале 1922 г. — 23% всех хищений.

Большинство преступлений относились к категории должностных (7 611), среди которых хищения составляли более 4 тыс. случаев (54,4%). На втором месте находились общеуголовные преступления (1 175). Далее располагались преступления против установленного порядка управления (438), военные (88) и государственные (62). Более 25% осужденных было приговорено к лишению свободы от 3 до 5 лет (для сравнения: в 1921 г. эта же доля осужденных была приговорена к лишению свободы на срок от 1 до 2 лет). Этот факт явно говорит об ужесточении применяемых наказаний, что объяснялось «более серьезными делами» и применением «более строгих наказаний за хищения».

За преступления против государственного строя, в основном, приговаривались к лишению свободы на срок 1—2 г. (20,97%) и расстрелу (12,9%). За преступления против установленного порядка управления — лишению свободы на срок 1—2 г. (17,12%), от 6 мес. до 1 г. (17,04%), и на 2—3 г. (14,77%). Для должностных преступлений предусматривалось лишение свободы на сроки 1—2 г. (17,45%) и 3—5 лет (15,69%). При этом из 249 приговоров к расстрелу за эти преступления 225 (90,36%) были приведены в исполнение за хищение. За преступления обще-уголовного характера основным видом наказания являлось лишение свободы на срок 3—5 лет (19,15%). Из них большинство было осуждено за кражу (72,44%)²⁸.

Также отмечалось, что расстрел преимущественно назначался за политические преступления и бандитизм. Наиболее мягким наказаниям подвергались осужденные за саботаж и небрежное исполнение служебных обязанностей. Таким образом, с 1922 г. для транспортных трибуналов на первый план вышла задача борьбы с экономическими и должностными преступлениями.

Во второй половине 1922 г. в связи с существенным сокращением сети транспортных трибуналов, ограничением их подсудности (ст. 28, 30 УПК РСФСР 1922 г.), регулярными требованиями из центра о принятии к производству лишь «наиболее значительных дел» уменьшилось количество дел, рассматриваемых транспортными трибуналами.

На 1 июля 1922 г. остаток дел от предыдущего периода составлял 3 975. Всего за 2-е полугодие было возбуждено 1 024 дела, из других судов поступило 6 276 дел. Таким образом, всего в производстве находилось 11 275 дел. Из них в распорядительных заседаниях было прекращено 2 613 (23,18%). Передано в другие РВТ 1 519, передано в другие суды 3 471 (всего 4 990 или 44,26%). Окончено в судебных заседаниях было 1 813 (16,08%), остаток нерассмотренных дел на 1 января 1923 г. составлял 1 859.

Отмечалось, что при снижении общего количества дел по сравнению с первой половиной 1922 г. на 8% значительно выросла доля прекращенных и переданных по подсудности дел (на 17,5%). Остаток же дел снизился в 2¼ раза по сравнению с первым полугодием рассматриваемого года. При этом был сделан акцент на том, что наименьшее количество рассмотренных дел приходится на октябрь — месяц начала масштабных преобразований в системе транспортных трибуналов.

Наибольшее количество дел было рассмотрено Московским Окружным транспортным трибуналом (2 224 или 25,32%), а наименьшее — Сибирским (728 или 6,12%).

По мерам наказания большинство осужденных (2 828 чел. или 64,33%) были приговорены к различным срокам лишения свободы, 995 чел. (22,64%) понесли условные наказания, к принудительным работам был привлечен 231 чел. (5,26%), высшая мера наказания (растрел) применена к 60 чел. — 1,36% от всего количества осужденных. К другим видам наказания приговорены 5,96%. При этом, значительную долю среди преступлений по-прежнему составляли хищения и взяточничество. Следует отметить, что наказания были несколько ужесточены: увеличались сроки лишения свободы. Так, от 5 до 10 лет получили 73,85% осужденных за хищения и кражи и 7,69% осужденных за взяточничество. Напомню, что в первой половине 1922 г. максимальный срок лишения свободы составлял до 5 лет. 2,15% осужденных за хищения и 2,62% за присвоение и растрату, 4,41% осужденных за подделку дензнаков, документов и печатей были приговорены к растрелу.

По профессиональным занятиям привлеченные к ответственности во второй половине 1922 г. распределялись следующим образом: рядовые служащие — 37,07%, рабочие и ремесленники — 22,18, ответственные работники — 15,45, земледельцы — 5,32, красноармейцы и военморы — 4,41, прочие — 15,57%²⁹.

По социальной, партийной принадлежности и образованию осужденные распределялись следующим образом. Во втором полугодии 1922 г. из 6 618 осужденных рабочие и ремесленники составляли 46,62%, земледельцы — 30,18, интеллигенция — 9,88%, лица, пользовавшиеся наемным трудом, — 0,60, прочие — 12,72%. В первом полугодии 1921 г. из 9 374 осужденных рабочие и ремесленники со-

ставляли 35,83%, земледельцы — 35,87, интеллигенция — 7,26, лица, пользовавшиеся наемным трудом, — 0,66, прочие — 20,38%. Во втором полугодии 1922 г. из 5 520 осужденных рабочие и ремесленники составляли 38,25%, земледельцы — 33,87, интеллигенция — 5,97, лица, пользовавшиеся наемным трудом, — 0,29, прочие — 21,62%. Обращает на себя внимание понижение доли представителей интеллигенции и увеличение доли категории «прочие», то есть тех, чье социальное происхождение установить не удалось.

Осужденные по партийной принадлежности относились к следующим категориям. Во второй половине 1921 г. члены РКП (б) составляли 6,53%, члены других партий — 0,12, беспартийные — 93,35%. В первом полугодии 1922 г. членов РКП(б) было 4,96%, членов других партий — 0,15, беспартийных — 94,88%. Во втором полугодии 1922 г. к членам РКП(б) относилось 4,32% осужденных, к членам других партий — 0,09, к беспартийным — 95,59%.

По образованию осужденные транспортными трибуналами распределялись следующим образом. Во второй половине 1922 г. 1,75% осужденных имело высшее, 8,22 — среднее, 83,56 — низшее образование и неграмотными были 6,47% осужденных. В первом полугодии 1922 г. 0,98% осужденных имело высшее, 7,40 — среднее, 85,58 — низшее образование, и 6,04% были неграмотны. Во второй половине 1922 г. 0,8% имели высшее, 8,6 — среднее, 83,29 — низшее образование, и 7,31% были неграмотны ³⁰.

После создания Окружных трибуналов только за апрель 1923 г. ими было проведено 165 судебных и 192 распорядительных заседания. При этом на 1 апреля за ними числилось 1 070 нерассмотренных дел, в апреле вновь поступило 663 дела. Всего в апреле было разобрано 175 дел (10,27%), прекращено производством 341 (19,68%), передано в другие суды по подсудности 180 (10,38%). Остаток на 1 мая 1923 г. составил 1 034 дела.

Данные о наказаниях, вынесенных окружными транспортными трибуналами в апреле 1923 г., представляют следующую картину. К условному наказанию было приговорено 72 чел. (14,23%). К лишению свободы до 1 года — 105 чел. (20,75%), от 1 до 2 лет — 81 чел. (16%), от 2 до 3 лет — 104 чел. (20,55%), от 3 до 5 лет — 69 чел. (13,63%), от 5 до 10 лет — 47 чел. (9,29%). К принудительным работам — 2 (0,40%), к выговору и общественному порицанию — 5 чел. (0,99%), к высшей мере наказания (расстрелу) — 6 чел. (1,19%).

Из 506 чел., осужденных в апреле 1923 г., 191 (37,77%) был приговорен к поражению в правах; 2,97% — к другим видам наказания.

Подавляющее число осужденных составляли беспартийные (496 чел. или 98,03%), коммунистов было 10 чел. (1,97%). Большинство (305 чел. или 60,27%) составляли работники транспорта. При этом, из них 76 чел. (24,92%) составляли руководители транспорта.

По социальному положению и профессиональным занятиям привлеченные к ответственности относились к следующим группам. По социальному положению до Октябрьской революции к рабочим и ремесленникам относилось 309 чел. (61,06%), к крестьянам — 81 чел. (16%), к интеллигенции — 23 (4,56%), к буржуазии — 2 (0,40%), к про-

чим — 91 (17,98%). По роду занятий: служащих был 61 чел. (45,52%), земледельцев — 32 (23,88%), нэпманов — 27 (20,15%), рабочих и ремесленников — 9 (6,72%), военнотружущих — 5 (3,73%)³¹.

Особое внимание уделялось делам о хищениях. За апрель 1923 г. по 7 трибуналам было рассмотрено 43 дела о хищениях, осуждено 169 человек. Большинство из них (33,72%) получили лишение свободы на срок до 2 лет, от 2 до 5 лет — 31,36%, свыше 5 лет — 17,75%. Большинство хищений (60%) относилось к категории «кража в пути» (п. «и» п. 1 Декрета ВЦИК и СНК от 1 июня 1921 г.).

Причем указанный декрет устанавливал минимальную меру наказания за этот подвид хищений — «строгую изоляцию не ниже трех лет». Рассматривались эти дела «вне всякой очереди в порядке упрощенного производства, т. е. без допущения защиты и свидетелей». По этим делам было разрешено «не пропускать кассационных жалоб и ходатайств о помиловании», «обращая приговор к исполнению в течение 24-х часов по его вынесению». Ослаблять репрессии разрешалось лишь «в отношении лиц пролетарского и полупролетарского происхождения».

Также высокой была доля хищений среди лиц, руководивших пошивочными и обмундировочными мастерскими, артелями и кооперативами, расхищавшими предоставленные им государственными органами материалы (24,85%; п. «ж» п. 1); и лиц, руководивших как государственными, так и частными предприятиями, уличенных в расхищении товаров и материалов, предоставленных им государственными органами для исполнения государственных заказов (21,30%; п. «з» п. 1)³².

Итак, с завершением гражданской войны в транспортных трибуналах снизилась доля политических дел, но увеличилось количество дел по экономическим преступлениям. Наблюдалось ужесточение карательной политики по отношению к осужденным. Остальные данные, характеризующие деятельность транспортных трибуналов, находились примерно на одном уровне. В целом, с введением Уголовно-Процессуального кодекса (ст. 28 и 30) количество дел в органах транспортной юстиции заметно снизилось³³. При этом, деятельность органов транспортной юстиции, например, по борьбе с хищениями, явно не приносила положительного результата.

Таким образом, в современных условиях обсуждение различных вариантов судебной реформы, изучение отечественного опыта строительства и функционирования судебной системы представляется весьма актуальным.

В деятельности органов юстиции на транспорте представляется возможным выделить три основных этапа. Первый — с конца 1917 по март 1920 г., для которого характерно нерегулируемое, хаотичное создание внесудебных и судебных органов на транспорте. Деятельность же данных органов можно охарактеризовать как «правовую анархию».

Второй этап — с марта 1920 по октябрь 1922 года. На данном этапе наблюдалось правовое оформление деятельности органов юстиции на транспорте. Однако на их функционирование влияли различные неопубликованные циркуляры, телеграммы и т. п. акты, которые

зачастую противоречили действовавшему законодательству. Третий этап — с октября 1922 по декабрь 1926 г. — этап ограничения компетенции органов транспортной юстиции и их ликвидация.

В деятельности органов транспортной юстиции отмечалась тенденция снижения доли политических дел при увеличении количества дел по экономическим преступлениям. Наблюдалось ужесточение карательной политики по отношению к осужденным. При этом, остальные показатели, характеризующие деятельность транспортных трибуналов, находились примерно на одном уровне. Деятельность же этих органов, например, по борьбе с хищениями, явно не приносила положительного результата.

Примечания:

1. АБРАМОВ В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918—1922 гг.): По материалам Пензенской губернии: дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2004; ГОРЬЕВ Д.А. Деятельность революционных трибуналов на Кубани: 1918—1922 гг.: дисс. канд. ист. наук. Армавир. 2011; МАЛЫХ И.П. Создание и деятельность революционных трибуналов на Южном Урале в 1919—1921 годах: исторический аспект: дисс. канд. ист. наук. Челябинск. 2010; ФЕДОРЕНКО П.П. Революционные трибуналы Смоленской губернии: Декабрь 1917—1922 гг.: дисс. канд. ист. наук. Брянск. 2006.
2. ЧАРЫЙ С. Революционные военные трибуналы на транспорте. 1918—1923 гг.: <http://polit.ru/article/2014/05/11/revtrib>; ГРИГОРЬЕВ О.В. На опасных перегонах: военное правосудие на железных дорогах (1918—1921 гг.). — Историческая и социально-образовательная мысль. 2017, № 4/2, т. 9, с. 18—23.
3. О суде. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917. — СУ РСФСР. 1917, № 4, ст. 50.
4. Об отмене всех донныне изданных циркуляров о революционных трибуналах. Постановление НКЮ от 16.06.1918. — СУ РСФСР. 1918, № 44, ст. 533; Об объединении всех Революционных Трибуналов Республики. Декрет ВЦИК от 23.06.1921. — СУ РСФСР. 1921, № 51, ст. 294.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 3042, оп. 1, д. 4, л. 1об.
6. О введении военного положения на железных дорогах. Декрет СНК РСФСР от 28.11.1918. — СУ РСФСР. 1918, № 86, ст. 895.
7. ПОРТНОВ В.П., СЛАВИН М.М. Становление правосудия в Советской России. М. 1990, с. 93
8. АБРАМОВ В.В. Ук. соч., с. 126.
9. ГА РФ, ф. 3042, оп. 1, д. 4, л. 1.
10. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР»). Постановление ВЦИК от 25.05.1922. — СУ РСФСР. 1922, № 20—21, ст. 230.
11. ГА РФ, ф. 3042, оп. 1, д. 50, л. 13.
12. Там же, д. 4, л. 1.
13. О введении военного положения на железных дорогах. Декрет СНК РСФСР от 28.11.1918. — СУ РСФСР. 1918, № 86, ст. 895.
14. ГА РФ, ф. 3042, оп. 1, д. 38, л. 3.
15. Там же, д. 43, л. 45.
16. Там же, д. 24, л. 7—21об.
17. Там же, д. 39, л. 2—2об.
18. Там же, д. 53, л. 2—2об.
19. Там же, д. 20, л. 3—16.
20. Там же, д. 22, л. 2—9.
21. Там же, д. 3, л. 6.
22. Там же, д. 50, л. 21—22об.
23. Там же, д. 22, л. 21.
24. Там же, д. 50, л. 35—36.

25. Там же, д. 4, л. 3.
26. Там же, д. 4, л. 2.
27. Там же, д. 22, л. 17—21.
28. Там же, д. 38, л. 3—4об.
29. Там же, д. 39. л. 2об. —3.
30. Там же, д. 38, л. 5об., 12; 3об., 51.
31. Там же, д. 54, л. 34—35.
32. О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.06.1921. — СУ РСФСР. 1921, № 49, ст. 262.
33. ГА РФ, ф. 3042, оп. 1, д. 57, л. 1.

Китайские рабочие в годы первой мировой войны на Южном Урале

З.Ф. Хасанова

Аннотация. В публикации представлены документы и материалы о китайских рабочих, завербованных на Белорецкие заводы (Южный Урал) в годы первой мировой войны. С 1914 г. начался приток китайских рабочих в Россию и в страны, участвовавшие в войне. С первых дней их прибытия на заводы стали возникать проблемы, связанные с договорами и условиями жизни, и в связи с этим произошло несколько крупных выступлений. В 1918 г. китайцы вошли в Интернациональную роту Красной армии и под командованием В.К. Блюхера участвовали в легендарном рейде Южноуральской партизанской армии по тылам белоказачьих войск.

Ключевые слова: первая мировая война, китайцы, Белорецкие заводы, Южный Урал, гражданская война.

Abstract. In publication documents and materials about the Chinese workers enlisted in the Beloretsk factories (Southern Ural) in the years of World War I are submitted. Since 1914 inflow of the Chinese workers to Russia and to the countries of participants of war begins. From the first days of arrival of the Chinese workers on the factories the problems connected with contracts and living conditions have begun and in this regard there were several large revolts. In 1918 Chinese have entered the International company of the Red Army and under V.K. Blyukher's command were involved in legendary raid of the Southern Ural guerrilla army on backs of White Cossack Host.

Key words: World War I, Chinese, Beloretsk factories, Southern Ural, civil war.

В 2018 г. в России отмечалось столетие со дня окончания первой мировой войны. Это событие связано и с Южным Уралом, в частности — с Белорецкими заводами, куда прибыли китайцы в качестве рабочей силы. В Национальном архиве Республики Башкортостан хранятся документы (воспоминания, письма в Главную контору, акты и пр.), показывающие роль и функции китайских рабочих.

С началом первой мировой войны они стали приезжать в Россию и другие страны, принимавшие в ней участие. Дешевая рабочая сила

Хасанова Зифа Фаритовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: Zifa.83@mail.ru.

Khasanova Zifa F. — PhD (History), researcher at the Institute for Ethnological Studies named after R. G. Kuzeev. Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS. E-mail: Zifa.83@mail.ru.

нужна была всем. Общее количество завербованных в Россию китайских рабочих можно оценить лишь приблизительно. По российским данным, с января 1915 г. по апрель 1917 г. по железной дороге их было ввезено 159 972 человека¹. По оценкам специалистов, во Францию было завербовано 150 тыс. рабочих, в Англию — 50 тысяч². В России китайцы были расселены в Петербурге, Москве, Новгороде, Риге, Майкопе, Симферополе, Мелитополе, Тирасполе, Карелии и на Урале. В использовании китайского труда и Россия, и Китайская Республика были в высшей степени заинтересованы. Поэтому поток китайских рабочих в Россию с каждым днем увеличивался. Так, за 1915 г. через Харбин было завербовано и уехало в Россию 7212 чел., к июню 1916 г., то есть всего за полгода, было ввезено почти столько же — 7243 человек³.

Появление китайцев на Белорецких заводах, расположенных на Южном Урале, также связано с первой мировой войной: потребность в продукции уральских заводов, обслуживавших нужды фронта, резко увеличилась. При этом многие неквалифицированные рабочие были призваны на фронт. Из-за начавшейся мобилизации чувствовалась нехватка рабочих рук. В 1914 г. во время первого призыва из Белорецких заводов на фронт ушли 118 рабочих⁴, за сентябрь и октябрь того же года — более 900⁵. По данным историка А. П. Таяева, в 1915 г. по собственному желанию и по призыву на военную службу отправились 81,8 тыс. рабочих Урала⁶. Первые месяцы недостаток частично покрывался за счет труда женщин, детей, военнопленных — немцев, австрийцев, венгров и словаков⁷. Когда стало очевидно, что этого недостаточно, руководство заводов стало искать возможности привлечения рабочей силы из-за рубежа и, в первую очередь, — из соседнего Китая. О «желтой опасности» было забыто, Совет министров снял запрет на наем иностранцев на казенные работы на Дальнем Востоке и разрешил использовать их труд «в местностях Империи, расположенных к западу от Байкала, за исключением военных действий»⁸.

В годы войны все заводы Урала и страны работали на нужды фронта. В стороне не остался и Белорецкий чугуноплавильный завод, построенный в 1762 г. купцами И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым. Крепостные крестьяне из Симбирской, Арзамасской, Нижегородской, Казанской, Алатырской и других губерний были первыми строителями и рабочими завода. В Оренбургской губернии, территория которой охватывала весь Южный Урал, к началу XIX в. было построено 35 горных заводов⁹. Белорецкий чугун был высокого качества и одновременно самым дешевым на Урале, а белорецкое железо, именуемое «пашковским», славилось легкой ковкостью и пластичностью. В 1866 г. завод перешел в казенную опеку, а 4 июня 1874 г. его купил Московский торговый дом «Воган и К^о», было учреждено «Акционерное общество Белорецких железоделательных заводов Пашковых». Общество объединяло Белорецкий, Тирлянский, Кагинский и Узянский (купленные в 1891 г.) железоделательные заводы. Два последних предприятия также стали именоваться Белорецкими заводами. Общество имело свои собственные рудники: Каныкаевский, Куртмалинский, Кухтурский, Магнитный и Цыган-Юртинский, где добывалась железная руда. Обществу принадлежал прииск Дмитриевский, близ Белорецкого и Тирлянского заводов разрабатывались богатейшие

месторождения огнеупорной глины, кварца, магнезита. Правление находилось в Москве, в доме страхового общества «Якорь» (Варшавка, 26). Для непосредственного управления существовала главная контора акционерного общества Белорецких железоделательных заводов Пашковых, находившаяся в Белоречке. Во главе конторы стоял управляющий.

Война принесла заводам неожиданные дивиденды: один за другим посыпались военные заказы. Если в предвоенные полтора десятилетия ежегодный прирост капитала акционерного общества составлял 6%, то в первые два года войны он увеличился на 43%¹⁰. Фронту требовались различные виды металла, обычная и колючая проволока, гвозди, телеграфные крючья. Цехи всех заводов работали с полной нагрузкой. Иногда от выполнения некоторых заказов приходилось даже отказываться.

На предприятиях широко применялся удлиненный рабочий день, составлявший 13—15 часов (с 5 утра до 8 вечера). От усталости многие рабочие получали травмы, оставались без рук и ног, были случаи со смертельным исходом¹¹. Нечеловеческие условия труда вызывали естественное недовольство людей, выражавшееся в периодических забастовках и акциях протеста. За годы первой мировой войны на Белорецких заводах прошло 14 забастовок¹².

Дефицит рабочих рук заводоуправление попыталось восполнить путем найма рабочих из других губерний. Так, в мае 1915 г. из Рязанской губернии на работу на торфяные болота приехал 431 чел., однако скоро они ушли, жалуюсь на «дешевую договоренную плату»¹³.

Были попытки нанять на работу местных башкир. К примеру, «в апреле 1916 г. администрацией Белорецкого завода была нанята партия башкир из 400 человек для работы по добыче торфа... Часть из них (122 чел.), по прибытии на болото, проработав два дня, отказались от дальнейших работ, заявив, что они поденную плату и другие условия найма считают неподходящими, после чего с работы удалились»¹⁴.

По архивным данным, к 7 сентября 1916 г. нехватка рабочей силы составляла 230 чел., из них: вальцов — 20, литейщиков — 5, слесарей — 20, токарей — 10, кузнецов — 10, котельщиков — 20, клепальщиков — 20, плотников — 20, каменщиков — 105 и чернорабочих — 24 человека¹⁵. Руководство заводов написало в МИД письмо с просьбой прислать военнопленных, и к концу войны в Белоречком округе работали «212 германских и 671 австрийский солдат»¹⁶.

В августе 1915 г. на Средний Урал прибыла первая партия рабочих-китайцев — 250—300 человек¹⁷. На Южный Урал китайцы приехали позднее — в конце декабря 1915 года. Появлению рабочих из Азии на Белорецких заводах способствовало письмо, отправленное в главную контору управляющим Л.А. Реуттом, который проанализировал работу китайцев Верхне-Исетского (Колотинский медеплавильный завод и Пишминский медный рудник) и Каштымского горного (медный рудник и Шайтанский подковный завод) округов, куда он был отправлен «для выяснения степени пригодности китайцев-чернорабочих и квалифицированных рабочих»¹⁸. В своем докладе в главную контору в Москву Реутт писал: «... впечатление таково: на работах, требующих автоматического выполнения, китайцы удовлетворительны. Для устранения часто повторяющихся случаев невыхода желателен перевод их на свои харчи, т. е. тог-

да рабочие добросовестны, не дают есть лодырям, или же заставляют их работать»¹⁹.

Реутт также отмечал: «При хроническом уклонении от работы необходимо применение репрессивных мер (к чему, очевидно, китайцы привыкли), но для этого необходимо полное содействие общей администрацией. Необходимо по возможности не задерживать выдачу им заработка, чтобы создавать в них доверие к работодателям»²⁰. Он предлагал создать специальную вооруженную китайскую полицию, которую уже применяли в Верхне-Исетском и Кизильском округах «для физического воздействия и содействия»²¹. Реутт писал, что надо получить содействие от Оренбургского губернатора, как сделали в Пермской губернии: «Следует подчеркнуть, что администрация Пермской губернии оказывает полное содействие заводоуправлениям. Необходимо и нам возбудить ходатайство перед г. Оренбургским губернатором об издании постановления чинам полиции оказывать полное содействие нам, а также о разрешении китайской вооруженной полиции, так как это импонирует рабочим китайцам»²².

После получения разрешения от Оренбургского губернатора на въезд китайских рабочих прибыла первая партия. Как для Среднего, так и для Южного Урала наймом китайцев для заводов занималось «Восточно-Иркутское мукомольное товарищество» братьев Г.Б. и Д.Е. Дризиных в г. Харбине²³. Китайцы вербовались в районе Маньчжурии, Мукдена, Инкоу и Чифу. Находящиеся там конторы Дризиных заключали с подрядчиками-китайцами договоры об образовании артелей рабочих (от 18 до 45 лет). Когда артель была сформирована, она переправлялась в Харбин или Инкоу, где людей расселяли в специальные «китайские постоянные дворы». Уже оттуда партиями по 200—250 чел. они направлялись в бараки в пригороде Харбина Модягоу. Китайцы перед отправкой в Россию подвергались тщательному медосмотру, после чего все рабочие, оказавшиеся негодными, возвращались домой за счет фирмы. Прошедшие медосмотр регистрировались: фиксировались сведения о месте рождения, возрасте, семейном положении и имевшейся профессии. Зарегистрированные рабочие снабжались паспортами, выдававшимися Цицикарским бюро (г. Цицикар — один из пограничных пунктов Маньчжурии), после чего в сопровождении своих «старшинок» (своего рода контролеров, надзирателей) и переводчика отправлялись к месту назначения поездом по 350—500 человек. Для дальнейшего снабжения рабочих съестными припасами и оказания содействия в пути у Дризиных имелись агентства в Иркутске, Ачинске, Омске, Тайге и Екатеринбурге, которые служили распределительными пунктами. Отсюда рабочих отправляли на заводы²⁴. Управляющие заводов жаловались на работу фирмы и пытались самостоятельно принимать людей с помощью агентов завода. Однако из-за нехватки связей и транспорта приходилось снова обращаться к ним²⁵.

Китайская Республика предпринимала серию мер, чтобы защитить соотечественников, обеспечить им приемлемые условия жизни за границей. Понимая, что державы, занятые войной, не могут не считаться с ее позицией, она потребовала, чтобы контракты о найме рабочих проходили проверку и утверждались властями с обеих сторон. Нелегальная, в обход таких проверок, вербовка была категорически запрещена. Местной адми-

нистрацией было вменено в обязанность строго следить за соблюдением правил, поскольку желающих обойти их было более чем достаточно, в том числе и среди китайских подрядчиков. Были составлены документы, регулировавшие наем рабочих, такие, как «Положение о выезде за границу на работу», «Закон о защите выезжающих на работу», «Правила подрядной деятельности» и др.²⁶

С первых дней пребывания китайских рабочих на Белорецких заводах начались проблемы, связанные с договорами и условиями жизни. В январе 1916 г. произошло крупное выступление китайцев, которые приехали с 4 по 24 декабря 1915 года. Волнения начались 17 января, после их подавления главных организаторов — 16 чел. — вернули в Екатеринбургское отделение конторы для отправки на родину, объясняя это тем, что они «препятствуют своим товарищам работать»²⁷. Между тем 23 января все китайцы не вышли на работу. Недовольные своим положением, они побили представителя конторы, своего старшину и переводчика. В отчете в администрацию сообщалось, что «... китайцы категорически отказались работать, ссылаясь на то, что фирма Д.Е. Дризина нанимала их не на тех условиях, которые изложены в договоре Белорецких заводов с указанной фирмой, а на совершенно иных. Именно: срок работы шесть месяцев, из которых они три проработали в других заводах, и подневная плата 70 копеек на готовых харчах, готовой квартире с отоплением и освещением»²⁸. 29 января 1916 г. заводу управление обратилось за помощью к Оренбургскому губернатору: «В интересах незамедлительного исполнения казенных заказов потребовалось пополнение недостающего числа рабочих, заводы пригласили китайцев, заключив договор с их подрядчиком. Китайцы... ведут себя шумно. Ходатайствуем об административном воздействии на китайцев через местную полицию»²⁹. 1 февраля управление заводом обратилось к исправнику Верхнеуральского уезда «с просьбой об административном воздействии на китайских рабочих»³⁰.

В фондах НА РБ хранится договор завода с китайским подрядчиком Сан-Дю-Чин, который доставил рабочих на следующих условиях: «1) Вы (подрядчик. — З.Х.) доставляете 300 здоровых работоспособных рабочих китайцев, не страдающих никакими заразными болезнями. 2) За дорогу прибывших рабочих уплачивается по 25 руб. через три месяца по прибытии рабочих. За обеспечение доставки и правильной их работы подрядчик вносит залог в сумме 2000 руб. 3) Рабочие получают рабочую плату 2 руб. 50 коп. при квартире, освещении и отоплении. Рабочие, утратившие трудоспособность и работавшие не более трех лет, отправляются на родину за счет рабочего»³¹.

Плохая организация работы фирмы проявлялась и в том, что в некоторых случаях китайцы приезжали без паспортов. По сообщению управления Белорецких заводов, например, большая часть китайцев прибыла к ним вообще без документов. «Заводоуправление выдало китайцам номера, но организация фирмы Дризина, видимо, настолько хромала, что китайцы бросали эти номера и тем делали почти невозможным учет каждого рабочего», — говорилось в письме управления губернатору³².

Труд китайцев применялся исключительно на самом заводе. Они работали в волоочильно-гвоздарном цехе (изготавливали проволочные и подковные гвозди, проволоку торговую и телеграфную), а также в мар-

теновских, доменных, прокатных и кирпичных цехах, а также на электростанции. По архивным документам, к 23 марта 1916 г. число китайских рабочих достигло 124. Всего на заводе работали 2694 чел.: мужчин — 1561, подростков (мальчиков) — 364, женщин — 136, подростков (девочек) — 94; неместных мужчин — 340, подростков (мальчиков) — 75³³. Даже после приема «новых» число рабочих не доходило даже до их количества перед войной (тогда в Белорецком округе числилось 6076 чел.), в октябре 1914 г. на Белорецком заводе работало всего 3149 рабочих³⁴.

Летом 1916 г. Белорецкие заводы перешли в руки новых владельцев треста Сормовского и Коломеского заводов, и было создано акционерное общество Белорецких железодельных заводов (12 июня 1916 г.), председателем которого стал В.И. Вышнеградский, а директором — А.П. Мещерский.

2 января 1917 г. забастовали 180 рабочих — китайцев и корейцев мартеновского, доменного, прокатного, кирпичного цехов и электростанции Белорецких чугуноплавильных и железодельных заводов Пашковых. Забастовщики потребовали в связи с окончанием контракта отправить их на родину. После переговоров 53 рабочих согласились продолжать работу, а 127 решили вернуться домой³⁵.

Управляющие планировали использовать труд китайцев и дальше и решили улучшить их быт: в августе 1917 г. был утвержден план постройки барака (20x7 кв. м) для китайцев, работавших в волоочильно-гвоздарном цехе³⁶.

Точную численность всех китайцев, работавших на Белорецких заводах в период первой мировой войны, невозможно установить, так как их число часто менялось в связи с тем, что регулярно прибывали новые партии, а предыдущие по истечении срока контракта уезжали³⁷.

После Октябрьской революции начался новый этап в жизни китайцев в России. Летом 1918 г. они (275 чел.)³⁸ вместе с военнопленными — австрийцами, венграми, немцами, мадьярами — вошли в Интернациональную роту Красной армии. Из рабочих завода и местных крестьян был создан Белорецкий полк РККА. Красноармейцы в августе-сентябре 1918 г. под командованием В.К. Блюхера участвовали в легендарном рейде Южноуральской партизанской армии по тылам белоказачьих войск. Им предстояло преодолеть несколько труднодоступных хребтов Южного Урала, в том числе его основную высоту Ала-Тау, пройти через лесные чащи и болота Башкирии, чтобы присоединиться с частями Красной армии³⁹.

Китайцы в составе Красной армии воевали в Сибири, на берегах Байкала и в Причерноморье. Одна из самых трагических ситуаций случилась с Белорецким полком и Интернациональной ротой Красной армии под с. Веселое на Украине, где они попали под удар донских казаков⁴⁰.

После войны многие китайцы вернулись на родину, а некоторые — на Белорецкие заводы, женились на местных девушках, создали свой микрорайон и назвали его в честь г. Шанхая. Подобные поселения были в Белорецке и с. Тирлян. Китайцы занимались изготовлением зеркал, игрушек, работали поварами⁴¹. В 1937 г. несколько китайцев были репрессированы⁴².

Таким образом, история появления китайских рабочих на Белорецких заводах началась с 1915 г. и связана она с первой мировой войной.

Вклад китайских рабочих был весомый; несмотря на трудности, приезжали новые и новые партии. В работе китайцев была заинтересована и Китайская Республика. Кроме того приехавшие на заработки участвовали в гражданской войне в составе Красной армии.

Примечания

1. ЛАРИН А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М. 2009, с. 67.
2. Там же, с. 67.
3. Там же, с. 68.
4. СТАРОСТИН А.Н. Стальные нити времени. Екатеринбург. 2012, с. 86.
5. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. и-162, оп. 1, д. 319, л. 96—119.
6. ТАНЯЕВ А.П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны. В кн.: Рабочее движение в годы войны. Свердловск. 1927, с. 26—27.
7. НА РБ, ф. р-831, оп. 1, д. 3, л. 25.
8. ЛАРИН А.Г. Ук. соч., с. 63.
9. МУДАРИСОВ Р.З. Промышленность Южного Урала. Уфа. 2003, с. 54.
10. ЕГОРОВ А.В. Зеркало Белорецкого пруда. Белорецк. 2007. с. 151.
11. НА РБ, ф. и-163, оп. 2, д. 8.
12. КАСАРОВ Г.Г. Стачечная борьба рабочих Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны (июнь 1914 — февраль 1917). — Вестник ОГУ. 2014, № 7 (168), с. 130—134.
13. НА РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 29, л. 125—126.
14. Там же, л. 134.
15. Там же, д. 131, л. 121.
16. Там же, д. 109, л. 251.
17. КАМЕНСКИХ М.С. Китайцы на среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб. 2011, с. 50.
18. НА РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 109, л. 173.
19. Там же, л. 174.
20. Там же, л. 173.
21. Там же, л. 173об.
22. Там же, л. 174.
23. Там же, л. 122.
24. КАМЕНСКИХ М.С. Ук. соч., с. 50.
25. НА РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 109, л. 173.
26. ЛАРИН А.Г. Ук. соч., с. 64.
27. НА РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 109, л. 192.
28. КАМЕНСКИХ М.С. О причинах волнений китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны. — Вестник Пермского университета. Вып. 1 (8), с. 111.
29. НА РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 109, л. 192.
30. Там же, л. 198.
31. Там же, д. 131, л. 122.
32. КАМЕНСКИХ М.С.М Китайцы на среднем Урале в конце XIX — начале XXI в., с. 58.
33. НА РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 109, л. 192.
34. Там же, ф. и-162, оп. 1, д. 319, л. 127.
35. КАСАРОВ Г.Г. Ук. соч., с. 133.
36. НА РБ, ф. и-162, оп. 1, д. 451, л. 12.
37. КАМЕНСКИХ М.С. Китайцы на среднем Урале в конце XIX — начале XXI в., с. 52.
38. НА РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 109, л. 225.
39. КАРТУНОВА А.И. В.К. Блюхер в Китае. 1924—1927 гг.: Документальный очерк. Документы. Изд. 2-е, доп. М. 1979, с. 123.
40. ЕГОРОВ А.В. Ук. соч., с. 164.
41. УРЦЕВ А. Почему «Шанхай»? — Белорецкий рабочий. 26.X.1989.
42. Материалы из Белорецкого краеведческого музея.

Развитие системы местного налогообложения в дореволюционной Сибири

А.Б. Храмцов

Аннотация. В публикации исследуются особенности развития системы местного налогообложения в городах Западной Сибири в конце XIX — начале XX в., состав местных налогов и сборов, их ставки и порядок уплаты. Установлено, что в ходе налоговой реформы 1880-х гг. на местном уровне складывалась система налогообложения, вводились общие правила взимания налогов, расширялись бюджетные возможности городских властей. Основным объектом налогообложения являлась городская земля и постройки на ней. В составе и размерах ставок местных налогов не наблюдалось единообразия. Несмотря на обширный перечень налоговых сборов, в городах отмечался бюджетный дефицит.

Ключевые слова: местные налоги, сборы, система налогообложения, городские власти, городской оценочный сбор, бюджет, недвижимость.

Abstract. Features of development of system of the local taxation in the cities of Western Siberia at the end of XIX — the beginning of the 20th century, structure of local taxes and fees, their rates and an order of payment are investigated. It is established that during tax reform of the 1880th at the local level there is a system of the taxation, the general rules of collection of taxes are introduced, the budgetary opportunities of the city authorities extend. The main subject to the taxation was the city earth and constructions on her. In structure and the sizes of rates of local taxes the uniformity wasn't observed. Despite the extensive list of tax collecting, in the cities budget deficit was noted.

Key words: local taxes, collecting, system of the taxation, city authorities, city estimated collecting, budget, real estate.

Налоги являлись главным источником поступлений бюджетов разных уровней, в том числе и городских. Согласно Городовым положениям 1870 и 1892 гг., городские думы обладали полномочиями по введению и отмене, увеличению и уменьшению ставок местных налогов и сборов в пределах, предусмотренных законодательством.

Рассмотрим общие и особенные тенденции в развитии налогообложения, размерах, соотношении и удельном весе местных налогов

Храмцов Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент Тюменского индустриального университета. E-mail: khrantsov_ab@bk.ru.

Khrantsov Alexander B. — candidate of historical sciences, associate professor Tyumen Industrial University. E-mail: khrantsov_ab@bk.ru.

в доходах сибирских городов в досоветский период. Информационную основу данной работы составили архивные фонды Государственного архива Тюменской области (ГА ТО) и Государственного архива в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске).

В данном исследовании налогообложение подразделяется на государственное и муниципальное (местное), а местное обложение — на земское и городское¹. Под местным налогом понимается обязательный безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения деятельности муниципалитетов. Сбор — это обязательный внос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов органами городского самоуправления юридически значимых действий, включая предоставление им определенных прав или выдачу разрешений (свидетельств, лицензий).

На общероссийском уровне в 1881—1885 гг. проводилась налоговая реформа, которая отменила соляной налог и подушную подать, ввела новые налоги, а также создала при казенной палате службу податных инспекторов. Основу государственных доходов составляли косвенные (акцизы, таможенные пошлины и др.) и прямые налоги (поземельный, промысловый, налог на наследство и др.)².

На местном уровне новое городское законодательство объективно способствовало расширению бюджетных возможностей органов самоуправления, созданию регулярной системы местного налогообложения, что, в свою очередь, активизировало деятельность городских властей. Налоговой политике как финансовой основе реализации функций и задач управления городские думы и управы уделяли особое внимание. Для этой цели ими создавались специальные комиссии по изысканию новых источников налогообложения; вводились штаты сборщиков налогов; на постоянной основе действовали бюджетные (финансовые) и ревизионные комиссии и т. д.

В соответствии с законом, городской думе предоставлялось право устанавливать в пользу города следующие сборы:

- оценочный с недвижимых имуществ;
- с документов на право производства торговли и промыслов;
- с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавочек;
- с извозного и перевозного промыслов;
- с лошадей и экипажей, содержимых частными лицами;
- с собак³.

Тем не менее этот перечень не являлся исчерпывающим. В местные бюджеты также поступали различные пошлинные сборы. Более того, разветвленная налоговая система имперской России сегодня вызывает трудности в четком определении основных сборов, которыми располагал городской бюджет. На одном основании взимались налоги, поступавшие в бюджеты разных уровней. Например, с городских недвижимых имуществ собиралось сразу 3 налога:

- 1) городской оценочный сбор зачислялся в бюджет города;
- 2) казенный налог (в Сибири с 1870 г.) — в госбюджет;
- 3) земский сбор (с 1864 г.), ввиду отсутствия в Сибири земского самоуправления, поступал в распоряжение губернских властей.

Таким образом, недвижимое имущество города подлежало двойному налогообложению (местному и казенному).

Среди государственных налогов основным считался налог с городской недвижимой собственности. К имуществу, не подлежащему обложению казенным налогом, относились: церкви, роддома, училища, школы, казенные винные склады, государственные учреждения, железные дороги и т.п. Налог имел раскладочный характер, то есть его общая сумма заранее устанавливалась государством для каждой административно-территориальной единицы (губернии, области, округа, края), а затем раскладывалась между ее налогоплательщиками (то есть поселениями). Например, Главным управлением Западной Сибири 10/12 сентября 1877 г. была утверждена раскладка казенного налога с городских недвижимых имуществ в 1878 г.: Тюмень — 6194 руб., Тобольск — 4470, Ишим — 1415, Курган — 1259, Тара — 886, Туринск — 447, Ялуторовск — 399, Тюкалинск — 195, Берёзов — 125 и Сургут — 60 рублей ⁴.

К казенным относился гербовый сбор, который взимался за использование специальных бумаг при написании актов, векселей, договоров о продаже имущества и пр. Сбор от продажи гербовой бумаги подлежал перечислению в государственный бюджет. С помощью документов с гербовой маркой установленной суммы оформлялись разного рода деловые сделки. По уставу о гербовом сборе им облагались письменные обращения частных лиц и организаций в государственные органы, с гербовыми марками достоинством 10 или 20 копеек ⁵.

На городские власти возлагалась обязанность по сбору казенных налогов, значительная часть которых направлялась на содержание правительственных учреждений. При этом налоговая нагрузка среди городов распределялась неравномерно. Скажем, «львиная доля» казенных сборов (до 83%) приходилась на 4 города Тобольской губернии: Тобольск, Тюмень, Курган и Ишим.

Так, на 1888 г. казенный налог с городской недвижимости составил: Тобольск — 8643 руб., Тюмень — 14432, Курган — 4123 и Ишим — 3169 руб.; пособие казне на содержание полиции: Тобольск — 200, Тюмень — 1000, Курган — 1715 и Ишим — 1500 руб.; сбор на содержание центрального управления МВД: Тобольск — 82, Тюмень — 120, Курган — 80 и Ишим — 50 руб.; пособие казне на содержание окружных судов: Тобольск — 901, Тюмень — 901, Курган — 0, Ишим — 0 рублей ⁶. Процентное соотношение этих сборов и общей суммы расходов городов таково: Тобольск — 22%; Тюмень — 37, Курган — 13,5, Ишим — 11%.

Взимание сборов регистрировалось городской управой в специальных книгах. Например, Ялуторовским городским управлением для этой цели велись несколько книг: казенного налога с городской недвижимости; полавочного сбора с гостиного двора; городского оценочного сбора с недвижимых имуществ; губернского земского налога с недвижимости и др. ⁷

Интересно, что в регионе не было земских учреждений, а соответствующий налог в обязательном порядке собирался. В 1889 г. из городов губернии только Тюкалинск получал пособие от земского сбора ⁸. Для уплаты городских сборов жителям выдавались различные повестки, талоны и листы. В частности, владельцам собак и лошадей направлялись

«окладные листы», с просьбой в течение месяца уплатить в доход города определенную сумму за принадлежавших им животных⁹.

Основным городским налогом считался оценочный сбор, который распространялся не только на строения, но и на «пустопорожние» участки, однако на практике последние обычно обходились. Причем облагались не только недвижимые владения в городской черте, но и имущества города, которые «находятся под ведомством городского общественного управления в смысле попечения и распоряжения по городскому хозяйству и благоустройству», за исключением императорских дворцов и казенных зданий, занятых правительственными учреждениями, а также собственности духовных ведомств, не приносящей дохода, и малоценных имуществ, по решению городской думы, освобожденных от сбора. Кроме того, не облагались оценочным сбором городские лавки, дома городского общества, муниципальные учреждения, церкви, имущество общественных и благотворительных организаций и т. п.¹⁰

Несмотря на целый ряд различий между городами, действовали общие правила взимания оценочного сбора: во-первых, предельная ставка, которую городские власти не могли превышать (1% от стоимости имущества); во-вторых, минимальный порог обложения (то есть освобождение от налога малоценных имуществ). В то же время, городу предоставлялось право выбирать ставку налога — в пределах 1% стоимости недвижимости или 10% ее доходности (доходоспособность имущества). В городах Тобольской губернии оценочный сбор уплачивался ежегодно в срок до 1 октября в размере 1% со стоимости имущества¹¹. В начале XX в. ставка сбора была повышена до 1,5% или 15% доходности, в 1917 г. — до 2% и 20% соответственно.

Для производства дел по городскому оценочному и государственному налогам местные думы создавали оценочные и раскладочные комиссии (часто объединяя их в одну), от которых и зависела цифра оценки недвижимой собственности города. В частности, по данным проведенной в 1876 г. оценки, в Тюмени насчитывалось 2 593 недвижимых имущества, на общую сумму 505 513 руб., казенный налог с которой равнялся 6194 рублям¹². В 1894 г. Тобольская казенная палата назначила к взиманию с недвижимости Тюмени казенный налог в сумме 13 700 руб., губернскую земскую повинность — 3 425 рублей¹³. Кроме того, с городских недвижимых имуществ взималась квартирная повинность, которая являлась дополнительным сбором к казенному налогу и составляла 73% от его суммы. Скажем, в Тюмени в 1881 г. казенный сбор равнялся 6 194 руб., следовательно, квартирный — 4 521 руб. 62 копейки¹⁴. В Тобольске (1876 г.) — 4 470 руб. и 3 263 руб. соответственно¹⁵.

Интересно, что удельный вес оценочного сбора в доходах городов региона неизменно варьировался. В Тобольске с 1889—1914 гг. в абсолютном выражении сбор увеличился в 3,3 раза, в Тюмени — в 4, в Ишиме — в 22,4, в Ялуторовске — всего в 1,9 раза. В начале XX в. удельный вес сбора в доходной части бюджетов городов снизился: в Тобольске — с 7,4% (1889 г.) до 4,5% (1914 г.); в Ялуторовске — с 12,3% до 9,4% соответственно.

К 1914 г. доходность от основных местных налогов, установленных законодательством, стала сокращаться и абсолютно и относительно. Ста-

бильно росла доходность сборов с городских предприятий и сооружений (в крупных городах), а также активно развивались другие источники налогообложения.

В вопросах налогообложения между городскими и государственными властями часто возникали конфликтные ситуации. Оценки недвижимой собственности в разных городах получались несопоставимыми и заниженными. Приблизительная оценка чиновниками давала суммы в полтора, два, два с половиной раза больше. Например, в 1896 г. по утверждению Тобольского губернского управления «сумма выгоды, приносимой недвижимыми имуществами обывателям и городу, по некоторым городам показана едва ли правильно. Так, например, по городам Кургану и Таре выгода обывателям показана, по первому менее чем в два раза, и по второму — в 6—7 раз [менее] выгоды таких незначительных городов, как Туринск и Тюкалинск; равным образом нельзя назвать точными сведения о ценности тех недвижимых имуществ уже по одному тому, что оценка некоторых из них производится чрез значительные промежутки лет, например, по г. Ишиму последняя городская оценка произведена была особой комиссией в 1872 г., по г. Таре — в 1873 г., по Тобольску — в 1886 г., в Тюмени и Тюкалинске — в 1891 г.»¹⁶.

Для разрешения спорных вопросов государственные органы стали включать податных инспекторов непосредственно в состав городских оценочных комиссий (с конца XIX в.) подчас даже тогда, когда последние разрабатывали сетку оценок для раскладки своего, городского, налога. Главной задачей ставилось перейти от правильных относительных к правильным абсолютным оценкам с тем, чтобы более равномерно раскладывать налог между городами и губерниями. Позже участие податных инспекторов в заседаниях комиссий по оценке городских имуществ было закреплено на законодательном уровне. Одновременно с участием в оценочных комиссиях инспектора председательствовали в участковых присутствиях по государственному квартирному налогу.

Несмотря на эти меры, даже в начале XX в. городская оценка местной недвижимости отличалась от инспекторской существенно, иногда — в разы. Вследствие реформы государственного налога с городских имуществ в 1910 г. сумма этого налога по всей стране стала определяться не сверху вниз (Минфином РИ), а снизу вверх — отталкиваясь от оценки отдельного имущества. Таким образом, важность точной оценки каждого здания в городе, каждого незастроенного участка значительно возросла. Действительно, за полтора года (между принятием нового закона и применением новой шкалы) оценки удалось существенно переработать. Следовательно, производство оценок городской недвижимости удалось поставить под государственный контроль. В то же время, оценку осуществляли, как правило, непосредственно городские управления через свои комиссии, а не госчиновники. В решении этого вопроса выборная муниципальная власть находилась в тесном взаимодействии с государственными органами, прежде всего, с казенной палатой, следившей за поступлением доходов от городских дум, и с местной полицией, обеспечивавшей взимание сборов в проблемных случаях.

Следует отметить, что в работе городских властей не сложилась общая (единообразная) система местного налогообложения. Скажем, в од-

них городах сбор взимался, в других — нет. В финансовых документах налоговые статьи не систематизированы по видам, срокам, размерам и предметам сборов, что, бесспорно, способствовало бы более эффективному налогообложению и, следовательно, пополнению городских доходов.

Бюджетные ведомости позволяют лишь установить разделы местных налогов. Например, в росписи доходов г. Тюмени сборы поделены следующим образом: 1) сборы с городских имуществ, с городских лавок, за пользование водой и др.; 2) промысловые налоги (с трактиров, постоянных дворов, торговых документов, билетов на мелочный торг); 3) городской оценочный сбор; 4) косвенные налоги (с весов и мер, аукционов, контрактов и договоров, с ввозимых в город товаров, с прибыли банка)¹⁷.

Главным направлением налоговой политики органов городского самоуправления являлась торгово-промышленная сфера. Промысловое налогообложение сформировалось в XVIII веке. В 1863—1865 гг. вводилась патентная система обложения: торговцы и промышленники должны были выбрать свидетельство (гильдейское — 1-й и 2-й гильдий или промысловое — по разрядам) и билет на отдельное предприятие. Государственный промысловый налог был существенно реформирован в 1898 году. Вся территория России подразделялась по местностям на IV класса, торговые предприятия — на V разрядов, промышленные — на VIII. Предприятия делились на разряды в зависимости от вида деятельности, размера основного капитала, оборота, арендной платы и пр.

Городские власти обязаны были следить за тем, чтобы все предприниматели выбирали соответствующие торговые документы — другими словами платили налоги и не производили торговых операций, которые требуют более дорогостоящих свидетельств. Промысловые свидетельства можно было купить непосредственно в городской управе, которая получала бланки документов в казначействе, а затем туда же сдавала выроченные деньги. Для надзора за этой сферой по решению думы избиралась в большинстве случаев специальная «торговая депутация» на трех-, позже четырехгодичный срок. В обязанности торговых депутатов входил, во-первых, постоянный надзор за торговлей — за тем, чтобы в лавках продавались лишь те товары, которые допускались выбранным свидетельством; за тем, чтобы приезжие торговцы на рынке не торговали без свидетельства. В случае обнаружения нарушения на месте составлялся протокол, переправлявшийся в казенную палату, что заканчивалось для нарушителя штрафом.

Размер сбора с документов на право торговли устанавливался городской думой в процентах с взимаемой с них казенной пошлины. Так, сбор с купеческих свидетельств 1-й и 2-й гильдий был установлен в 25%, с остальных — по 10% от казенной пошлины. Сбор с торговых свидетельств давал городам (в 1875 г.) от 15 до 42% от всех доходов. Тем не менее к началу XX в. удельный вес торгового сбора в доходной части резко снизился: в Тобольске — с 9,6% (1889 г.) до 0,7% (1901 г.); в Ишиме — с 10,9% до 1,8% соответственно. Величина сбора с заведений трактирного промысла (буфетов, съестных лавок, чайных, кухмистерских, гостиниц, постоянных дворов и пр.) определялась городскими думами.

Сумма поступления от сбора в бюджет делилась пропорционально числу таких заведений¹⁸.

К специфическим видам обложения относились сборы с собак, лошадей и экипажей. Причем они вводились в городах в разное время. До 1890-х гг. сбор с собак в данном регионе не взимался; на 1889 г. сбор с лошадей и экипажей действовал только в Тобольске и Кургане¹⁹. Сбор с владельцев собак взимался в размере 1 руб. с каждой собаки в год. Облагались все принадлежавшие постоянным жителям собаки, без различия пород, за исключением «дворных-цепных»²⁰. Согласно высочайше утвержденным 1 декабря 1897 г. правилам сбора с собак, городские думы поручали ловлю и истребление бродячих животных учреждениям и обществам на средства, полученные от уплаты данного сбора. Однако эффективность этих мер была низкой. Как сообщалось в местной прессе, «по городу бегает немало собак, не оплаченных налогом...»²¹

Для взимания сбора с лошадей, последние подразделялись на 3 категории: рабочие (2 руб. с лошади в год); выездные (5 руб.) и беговые (10 руб.). Городской управой составлялся список владельцев, с указанием числа принадлежавших им животных. Например, Тобольская управа вела окладную книгу для регистрации данного сбора: книга за 1884 г. включала 1530 владельцев, имевших от 1 до 14 лошадей²². В правилах обложения этим сбором имелись «пробелы».

В частности, тюменский уездный исправник обратился в местную управу с ходатайством об освобождении конных полицейских городских от данного налога, поскольку эти лошади необходимы стражникам для несения службы. В приложении к ст. 134 Городового положения 1892 г., где перечислялись лица, освобожденные от «лошадиного сбора», не было указания на конных полиции. Управа вынесла этот вопрос на рассмотрение думы, которая посчитала, что нужно освободить конную полицию от сбора²³. Следовательно, при определении местных налогов и сборов городские думы имели право вводить налоговые льготы. Освобождались от уплаты сборов с лошадей и экипажей лица, состоявшие на госслужбе и извозчики, уплачивавшие сбор за ведение промысла, а также не облагались налогом жеребята до 2-летнего возраста. Размер налога с извозчиков варьировался в зависимости от рода деятельности: легковой извоз — по 10 руб. с лошади в год; ломовой — по 5 рублей²⁴.

Городские власти устанавливали порядок ведения извозного промысла. В частности, Курганская городская дума 18 марта 1880 г. приняла обязательное постановление о создании биржи извозчиков и обложении последних сбором в доход города²⁵. Экипажи подразделялись на два разряда: с 1-го разряда (пролетов, шарабанов, американок, карет) сбор составлял 10 руб. в год; 2-го разряда (коробков, дрожек, линейек, качалок) — 2 рубля. Лица, не внесшие этот сбор до 1 июня каждого года, подвергались штрафным санкциям в размере 50% с неоплаченной суммы²⁶.

В начале XX в. горожане стали приобретать автоматические экипажи и велосипеды. В этой связи местные думы ввели ряд новых налогов. В частности, согласно высочайше утвержденному мнению Госсовета от 20 января 1903 г., велосипедный сбор устанавливался в размере 1 руб. 50 копеек.

Некоторые местные сборы имели фиксированные (твердые) ставки и не зависели от размеров доходов. При обложении другими сборами определялась общая налоговая база поступлений в бюджет, которая затем раскладывалась между плательщиками. Например, Тюменская городская дума 20 мая 1874 г. установила ставки и суммы следующих сборов с:

— огражденных мест на реке для мойки и мочки кож — по 50 коп. за кв. с.;

— прорубей на реке — по 10 руб. за прорубь;

— мест городского выгона — по 1 руб. с места;

— торговцев в гостином дворе — до 1080 руб. (раскладка);

— навесов и площадок — до 300 руб.;

— пустопорожних мест — до 800 руб.;

— проходящих через поплавной мост на реке — 650 руб.;

— городских земель под зданиями и промышленными заведениями — 1200 руб. (раскладка);

— трактиров и гостиниц — 500 руб. (раскладка);

— мочал и рогож — 460 рублей²⁷.

Ставки налогов периодически пересматривались, главным образом в сторону увеличения, что было связано, в первую очередь, с интенсивным развитием экономики городских поселений Тобольской губернии. Причем городские власти имели право определять и изменять конкретные сроки внесения сборов в кассу управы. В частности, постановлением Тюменской думы от 28 марта 1876 г. для внесения отдельных сборов в каждом наступающем году назначались такие сроки:

— 5 января — с постоянных дворов и торговых лавок;

— 1 февраля — с земли, находящейся под кузнецами;

— 15 марта — с земли, занимаемой под постройки судов и барж;

— 1 апреля — с земли, занимаемой пароходовладельцами;

— 1 мая — с земли, отданной под торговые бани и промышленные заведения;

— 1 июня — с земли, находящейся под кирпичными заведениями с оценки недвижимости;

— 1 сентября — с мочки кож и мойки шерсти на реке и др.²⁸

Нередки были случаи, когда губернская администрация отменяла установленные городскими думами ставки сборов. В частности, Берёзовская городская дума 13 февраля 1885 г. вынесла постановление об обжаловании в Сенат решения Губернского присутствия по городским делам, отменившего введенные ею сборы в пользу города²⁹. Городская дума Тюмени в собрании 5 февраля 1888 г. подала жалобу в Сенат на решение присутствия, отменившего введенный думой сбор с кожевенных заведений на реке Туре за проруби для мочки кож³⁰. В ряде случаев высшая судебная инстанция вставала на сторону городских дум и отменяла решения губернских властей³¹.

Несмотря на обширный перечень местных сборов, большинство статей городских доходов составлялись путем прямого или косвенного обложения населения. Причем налогообложение горожан, по данным статистики, нельзя назвать равномерным. Налоговое бремя на одного жителя Тобольска в 1911 г. составляло в среднем 11 руб., Тюмени — 7 руб., Ялуторовска — 7 руб., Кургана — 6 руб., Ишима — 4 руб., Бере-

зова — 3 руб., Сургу́та — около 2 рублей³². Более того, сводки как по городам, так и по отдельному поселению (скажем, за пять, десять лет) свидетельствуют о многочисленных долгах городов перед казной, недоимках сборов с населения, невыполненных расходах по содержанию предприятий и учреждений, которые в общей сложности превышали доходы местных бюджетов, что, по крайней мере, вызывает недоумение, в то время, когда городская недвижимость оценивалась в несколько миллионов рублей.

Кроме общих для всех горожан налогов, которые вводились и взимались городской думой, существовали и специальные сборы с мещан, купцов и ремесленников. К примеру, в Сургуте сбор с членов мещанского общества составлял от 1 руб. 90 коп. до 3 рублей³³. В то же время сословные перегородки вследствие реформ 1860—1880 гг. заметно ослабли. Практика показала, что мещанская и ремесленная управы превратились в нечто вроде департамента городской думы по работе с частью горожан. Неслучайно в начале XX в. ремесленные управы ликвидировались, мещанские общества начинали закрываться. В частности, из журнала общего присутствия Тобольского губернского управления от 5 марта 1902 г. следует, что Тобольское и Тюменское ремесленные общества упразднены. Имущество, принадлежавшее этим обществам, решено было передать в ведение городских управлений³⁴.

К 1890-м гг. заметно выросли доходы почти по всем статьям городских бюджетов. В частности, в Тюмени увеличение доходной части было связано с введением «полукопеечного» сбора с товаров, провозимых по железнодорожной ветке «Тюмень — Тура». Новый налог приносил городу значительные средства, которые направлялись на благоустройство и развитие инфраструктуры. В 1896 г. сбор составил 34 163 руб. или 20% всех доходов города. В 1892—1897 гг. в кассу городской управы от этого налога поступило 211 660 рублей. Попудный сбор взимался с каждого пуда железнодорожного груза. Налог был повсеместно отменен 19 августа 1919 года³⁵.

Кроме рассмотренных предметов налогообложения, города получили возможность устанавливать дополнительные сборы в зависимости от местных условий. Например, Тюменская городская дума в 1909 г. решила увеличить сбор за взвешивание товаров на городских весах до ½ коп. с пуда товара³⁶. Тобольская городская дума в 1876 г. утвердила предложение городского головы о постройке третьей пристани на реке для взимания сбора за стоянку на ней судов³⁷. В 1875 г. МВД удовлетворило ходатайство Тюменской городской думы об установлении сбора в городской доход за стоянку судов на реке: по 25 руб. с парохода в год и по 10 руб. с баржи³⁸. К дополнительным доходам относились различные пошлинные сборы: адресный, актовый, за проезд по городским сооружениям и пр. В ряде городов вводились сборы с домовладельцев и больничный сбор в размере от 60 коп. до 2 руб. в год на человека.

Экономические показатели позволяют подразделить города Тобольской губернии на две группы: в крупных, динамично развивавшихся центрах (Тюмень, Тобольск, Курган) наблюдался рост доли налогообложения в сравнении с другими видами доходов. В малых, практически не растущих поселениях (Березов, Сургут, Ялуторовск), основу бюджетных по-

ступлений составляли статьи, слабо связанные с развитием местного хозяйства.

В начале XX в. наблюдалась следующая тенденция: доходы от муниципальных предприятий, а также пособия от казны и возврат ею городских доходов росли и абсолютно, и относительно. Значение других источников, в том числе доходов от городских недвижимых имуществ и от промыслов, снижалось, несмотря на их рост в абсолютном выражении. В малых городах основным объектом налогообложения по-прежнему оставалась земля и постройки на ней: в Туринске сбор с городской недвижимости приносил 32% от всех доходов, в Таре — 35% (1914 г.)³⁹.

Как показал анализ, местная налоговая база являлась фундаментом экономической политики городских властей, основная задача которых заключалась в установлении общих правил, обеспечивающих эффективность развития торгово-промышленной сферы и жизнедеятельности поселений в целом. Практически все городские думы региона приняли обязательные для жителей постановления о порядке торговли в городе, производстве извозного промысла, трактирного промысла и др. При этом налоги и другие виды сборов не обеспечивали покрытие минимально необходимых расходов, в местных бюджетах наблюдался дефицит. К примеру, в 1894 г. доходная часть совокупного бюджета городов Тобольской губернии составляла 388 151 руб., а расходная — 397 634 руб., то есть дефицит — 9483 рублей⁴⁰. Дотации из казны были незначительными.

В дореволюционный период власти сибирских городов в своей работе использовали достаточно обширный перечень местных налогов. Сборы имели твердые и пропорциональные ставки. На рубеже XIX—XX вв. налоговая система упорядочилась как на государственном, так и на местном уровне, выработались общие правила обложения. Именно отлаженная система местного налогообложения могла обеспечить финансовую самостоятельность деятельности городских управлений.

Примечания

1. КОСТЮКОВ А.Н., ГЛАЗУНОВА И.В. История развития местных налогов и сборов в России. — История государства и права. 2003, № 1, с. 56—63.
2. ТАШКИНОВ А. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов в дореволюционной России. — Законность. 2005, № 8, с. 53—56.
3. Свод законов Российской империи. СПб. 1892, т. 2, ст. 127, с. 31.
4. Тобольские губернские ведомости. 1877, № 44, с. 2.
5. Государственный архив Тюменской области (ГА ТО). ф. и-1, оп. 1, д. 250, л. 8—12.
6. Календарь Тобольской губернии на 1890 г. Тобольск. 1889, с. 220.
7. ГА ТО. ф. и-190, оп. 1, д. 24, л. 1—3.
8. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске), ф. и-152, оп. 35, д. 451. л. 13.
9. ГА ТО, ф. и-1. оп. 1, д. 250, л. 113—113об.
10. Там же, ф. и-2, оп. 1. д. 536. л. 103—114об.
11. ГА в г. Тобольске. ф. и-8, оп. 1, д. 311, л. 35—36.
12. ГА ТО, ф. и-2. оп. 1. д. 494, л. 113.
13. Там же. ф. и-1. оп. 1, д. 32, л. 124.
14. Там же, ф. и-2, оп. 1, д. 500, л. 55об.
15. ГА в г. Тобольске, ф. и-8, оп. 1, д. 300, л. 55—56об.
16. Цит. по: История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск. 2006, с. 149.

17. ГА ТО, ф. и-1, оп. 1, д. 371, л. 64—75.
18. Там же, ф. и-2, оп. 1, д. 527, л. 149—149об.
19. ГА в г. Тобольске, ф. и-152, оп. 35, д. 451, л. 12—13.
20. Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб. 1896, I пол., ст. 249, с. 715—716.
21. Сибирский листок. 1900, 8 июня, с. 3.
22. ГА в г. Тобольске, ф. и-8, оп. 1, д. 307, л. 1—268.
23. ГА ТО, ф. и-2, оп. 1, д. 529, л. 113.
24. Там же, ф. и-1, оп. 1, д. 45, л. 235.
25. Календарь Тобольской губернии на 1890 г., с. 209.
26. ГА ТО, ф. и-1, оп. 1, д. 250, л. 113об.
27. Там же, ф. и-2, оп. 1, д. 489в, л. 24—25об.
28. Там же, ф. и-1, оп. 1, д. 13а, л. 261—262об.
29. ГА в г. Тобольске, ф. и-152, оп. 35, д. 372, л. 2.
30. ГА ТО, ф. и-2, оп. 1, д. 510, л. 30, 38об.
31. Там же, д. 512, л. 23.
32. Обзор Тобольской губернии за 1911 г. Тобольск. 1913, с. 14.
33. ГА в г. Тобольске, ф. и-152. оп. 35, д. 915, л. 4—5.
34. ГАТО, ф. и-14, оп. 1, д. 19, л. 2—3.
35. Там же, ф. и-1, оп. 1, д. 164, л. 1—14; ф. и-2, оп. 1, д. 237, л. 1а-8об.
36. Там же, д. 309, л. 17.
37. ГА в г. Тобольске, ф. и-8, оп. 1, д. 300, л. 104—106об.
38. ГА ТО, ф. и-1, оп. 1, д. 11, л. 328.
39. Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск. 1916, табл. № 12.
40. Обзор Тобольской губернии за 1894 г. Тобольск. 1895, с. 9.

Борьба мировых держав за господство над западными «воротами» Каспия

Ш. А. Магарамов

Аннотация. В публикации рассмотрена борьба, развернувшаяся между Османской империей, Сефевидским государством и Российской империей за господство над Дербентом с XVI до начала XIX в., когда город окончательно был присоединен к Российской империи. Показана стратегическая роль западных «ворот» Каспия как международного транзитного пункта на западном берегу Каспия в период господства турок, персидских властей и России. Исследованы меры соперничавших держав по укреплению своих позиций в этом стратегическом пункте. В процессе исследования автор приходит к выводу, что основной причиной многовековой борьбы за Дербент между великими державами является его исключительно выгодное торговое и стратегическое положение, поскольку господство над Дербентом давало возможность каждой из этих стран контролировать транскавказский путь.

Ключевые слова: Дербент, западные «ворота» Каспия, борьба великих держав, торговый порт на Каспии.

Abstract. The publication considers the unfolding struggle between the Ottoman Empire, the Safavid state and the Russian Empire for domination over Derbent from the XVI century until the beginning of the XIX century, when the city was finally annexed to the Russian Empire. The strategic role of the western “gates” of the Caspian Sea as an international transit point on the western coast of the Caspian during the rule of the Turks, the Persian authorities and Russia is shown. Investigated measures to strengthen its position in this strategic point of the rival powers. In the course of the study, the author concludes that the main reason for the centuries-old struggle for Derbent between the great powers is its extremely advantageous trade and strategic position, since the dominion over Derbent enabled each of these countries to control the Trans-Caucasus path.

Key words: Derbent, the western “gates” of the Caspian Sea, the struggle of the great powers, the commercial port in the Caspian.

Магарамов Шарафетдин Арифович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, доцент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции. Махачкала. E-mail: sharafutdin@list.ru.

Magaramov Sharafetdin A. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice. Makhachkala. E-mail: sharafutdin@list.ru.

Западными «воротами» Каспия принято считать Дербент в силу его стратегического положения. С древнейших времен он играл важную роль транзитного пункта на торговой трассе, связывавшей народы и страны Южного Кавказа и Переднего Востока с Юго-Восточной Европой. Об этом свидетельствуют найденные при раскопках в Дербенте различные памятники, свидетельствующие об активизации международной торговли с I—II вв. н.э. ¹ В роли важного посредника в торговых контактах Запада и Востока Дербент продолжал выступать и в период Средневековья и в Новое время. Именно это обстоятельство явилось одной из причин многолетней борьбы за господство над ним, начиная с Римской и заканчивая Российской империями. Через эти «ворота» к манящим богатствам Востока стремились торговцы, мореплаватели и авантюристы самых разных стран.

В период позднего Средневековья основная борьба за Дербент развернулась между Сефевидами и Османской империей. С начала XVI в. между ними шли длительные войны за господство над Кавказом, за захват торговых путей, проходивших вдоль западного побережья Каспия. Новая война началась в 1578 г. и продолжалась до 1590 года. По условиям Стамбульского договора Дербент оказался в сфере влияния турок. В городе был расположен турецкий гарнизон во главе с Осман-пашой. Учитывая исключительно стратегическую важность Дербента, турецкий султан принимал меры для упрочения здесь своих позиций. В дербентской крепости были размещены «тысяча янычаров (пехотинцев), шестьдесят пушек, пятьсот ящиков боеприпасов и другое необходимое снаряжение» ². Город становится оплотом Османской империи на Восточном Кавказе.

В это время Дербент являлся важной перевалочной базой на трассе Волжско-Каспийского торгового пути, по которому из Персии и прикаспийских областей Кавказа в Восточную Европу поступало большое количество шелка-сырца и шелковых изделий, пользовавшихся повышенным спросом. Османский путешественник Эвлия Челеби, побывавший здесь в 1641—1642 гг., справедливо заметил, что значение Дербента в международной политике, прежде всего, определялось его важной торговой ролью: «В этой стране по морю ходит множество судов, и потому эта мощная крепость очень важна». Далее автор отмечал, что из разных земель Московского государства «купцы приезжают в порт Демиркапу (Дербент). И поскольку в этот порт Демиркапу из стран Чин, Мачин, Хаттай, Хотан, Фагфур и Москвы приезжают по торговым делам сотни тысяч людей, таможня его дает большой доход. Когда Демиркапу был в руках османов, то от его порта ежегодно поступало двести сорок семь юков акче дохода» в султанскую казну ³. Чтобы понять значение этой суммы, отметим, что в Османской империи расходы государства учитывались в мешках (юкках). Так, например, на гардероб султана и на содержание султанской конюшни ежегодно тратилось 264 мешка денег, на артиллерию — 47,5 мешка и т.д. ⁴

Торговые связи Дербента на рубеже XVI в. доходили и до Англии. Дербентский паша, стремясь сделать город центром европейско-азиатской торговли и иметь постоянные контакты с Англией, предлагал английским купцам, чтобы они привозили свои товары в Дербент и тут же

продавали. Со своей стороны, паша обещал англичанам заготавливать необходимые им товары, а также взять их под свою защиту⁵.

Немаловажной была роль Дербента и в караванной торговле. По свидетельству того же Челеби, «лошади и арбы купцов, прибывающих из Баку и Гиляна, в большом количестве стоят в отдельной крепости, расположенной у моря»⁶. Доходами дербентской таможни не могли пренебрегать султаны и поэтому принимали все необходимые меры, чтобы упрочить свое влияние в городе.

В 1603 г. по инициативе сефевидского шаха Аббаса I (1587—1629) возобновилась война между османами и сефевидами. Готовясь к ней, шах попытался заручиться поддержкой русского царя, которому пообещал взамен прикаспийские города Дербент и Баку. Однако, как выяснилось позже, подобное обещание было всего лишь дипломатическим маневром. Шахские войска в 1606 г. смогли вытеснить турок почти со всего Южного Кавказа, захватив Ереван, Гянджу, Баку, Тбилиси, Шемаху. В том же году шахским отрядам при поддержке самих дербентцев и уцмий Кайтага Рустам-хана удалось занять дербентскую крепость, после чего турецкий гарнизон капитулировал. За помощь в борьбе против турок жители города были освобождены от уплаты налогов в шахскую казну, верхушка города получила право взимания торговых пошлин с проезжавших через Дербент караванов. Уцмий получил грамоту на управление городом, которой он добивался еще до прихода шахских войск в Дагестан⁷.

Стремясь превратить Дербент в стратегическую базу в борьбе за весь Дагестан, шах Аббас I распорядился произвести в городе целый ряд работ по улучшению его обороноспособности. Управление над Дербентом шах поручил Чираг-Султану Устаджлу, помощником которого был назначен Шах Назир-бек⁸. Шахским военачальникам были поручены работы по возобновлению строительства стен и башен Дербента в тех местах, где они обрушились, а также засыпка проходов и рвов. В городе были возведены две поперечные стены, он был разделен на три части, каждая из которых имела свою оборонительную систему⁹. Это позволяло шахским военачальникам «держатъ город в повиновении»¹⁰.

Кроме того, были удлинены стены в сторону моря, а на берегу появилась большая башня¹¹. Шах Аббас I хотел создать в Дербенте таможенный пункт и взимать торговые пошлины с проходивших через город караванов, которые обычно огибали дербентские стены по мелководью и не платили пошлины. Об этом писал Е. И. Козубский: «Однажды отправился караван из степи в Ширван. Когда он прибыл к Дербенту ночью, расположился на отдых в северной его части, чтобы утром, когда будут открыты двери, продолжать путь. Однако когда утром привратники отперли ворота, каравана не было видно, и так как другого пути не было, то было очевидно, что он должен был пройти через простирающееся вплоть до города море, и что... последнее, вследствие прибоя ли волн, прилива или отлива, становится мельче и дозволяет переходить вброд. Аббас, узнав об этом случае и желая сделать из Дербента один из оплотов своего государства, поручил... соорудить башню и соединить ее с городскими стенами, чтобы таким образом сделать невозможным проход по морю»¹².

Этнический состав Дербента постепенно менялся. Сюда было переселено «400 семейств боятского племени», которые должны были стать

опорой шаха. К середине XVII в. число иранских колонистов в городе достигло 9 тыс. человек. Были проведены и административные реформы, приведшие к насаждению в городе персидских порядков¹³. Осуществление целого комплекса мероприятий шахом Ирана стало встречать противодействие местного населения, вызывать его недовольство, которое возрастало по мере упрочения позиций шахских чиновников и военачальников в Дербенте и прилегающих к нему районах. Видя растущее недовольство дербентцев, шахские чиновники под предлогом борьбы с суннизмом изгоняли местных жителей из города. Поскольку шах Аббас I был веротерпимым и к религиозным вопросам относился равнодушно¹⁴, можно предположить, что вопрос религиозных разногласий был искусственно раздут, чтобы избавиться от недовольных.

Дербент, завоеванный в начале XVII в. сефевидами, оставался под их властью вплоть до начала XVIII века. В 1721 г. после падения шахской власти в Ширване под ударами дагестанских повстанцев султан Дербента бежал в Иран. Через год во время нахождения Петра I в Дагестане жители города приняли решение о мирной сдаче города. 23 августа 1722 г. наиб Дербента Имам Кули-бек вручил царю серебряный ключ от городских ворот и преподнес ему прекрасную рукопись «Дербенд-намэ», которая была отправлена в Коллегию иностранных дел и вскоре стала достоянием мирового востоковедения. Войска царя парадом вошли в древний город. В Дербенте Пётр Великий оставался три дня. За это время он осмотрел крепость, наметил планы по реконструкции городской гавани, посетил дом наиба и устроил пир у себя в шатре¹⁵.

С этого времени Дербент официально перешел под власть Российской империи, а его жители считались российскими подданными. По личному распоряжению Петра I началась модернизация экономики города, поскольку император был заинтересован в обеспечении российской мануфактуры местным сырьем. Были приняты меры по улучшению производства шелка-сырца, хлопка, марены, шафрана, шерсти, особое внимание уделялось развитию садоводства и виноградарства. В городе было создано образцовое дворцовое хозяйство, именуемое в официальных документах «садами и огородами Е.И.В.». Для улучшения виноделия привлекались иностранные специалисты, из Венгрии был выписан специалист — майор Туркул, который уже при Екатерине I наладил производство вина — красного и белого. К лету 1723 г. к отправке в Астрахань было подготовлено «учиненное для пробы виноградное вино трех мастеров: француза, венгра и цесарца». Осенью того же года в винном погребе Дербента находилось 2 тыс. ведер вина¹⁶.

Более масштабный характер носили работы по постройке торгового порта, поскольку царя интересовали торговые связи города. Пётр I сам «изволил ездить по берегу морскому для осмотра места, где строить гавань», а перед отъездом из Астрахани в Москву в ноябре 1722 г. приказал Матюшкину делать «гавань по чертежу»¹⁷. Работы по реконструкции гавани велись в течение 1723—1724 годов. О масштабах проводимых в Дербенте работ свидетельствует участие в них двух с половиной тысячи украинских и донских казаков. Царь «с особым любопытством расспрашивал бывших там персиян, грузин, армян, индийцев обо всем, что касалось их состояния торговли». Учитывая важную роль Дербента

в российской восточной торговле, император уравнил дербентских торговцев в правах с русскими купцами. Тогда же кавказской администрации было дано разрешение поселять в городе, как и в крепости Святого Креста, армян «и содержать оных в крепком охранении». Переселившиеся в город армяне способствовали активизации торговых операций Астрахани и Дербента с Персией. В результате принятых мер значительно вырос объем товарооборота Дербента. По данным Астраханской таможни, в 1725 г. из Астрахани туда было вывезено 98 партий товаров. Из них 28 партий — собственно дербентскими купцами, 24 — купцами-армянами и 46 партий — индийскими купцами¹⁸.

13-летний период пребывания Дербента в составе России закончился в 1735 г. с заключением Гянджинского мира между Россией и Ираном, по условиям которого российская сторона обязывалась «возвратить города Баку и Дербент и с подлежащими землями, деревнями по-прежнему Иранскому государству..., а Дагестан и прочие места, к шамхалу и усмию подлежащие, по древнему пребудет в стороне Иранского государства» при условии, что эти земли не будут переданы в дальнейшем турецкому правительству¹⁹. Причины, лежавшие далеко за пределами Дербента, прервали недолгое сотрудничество между Дербентом, Дагестаном и Россией. 27 апреля 1735 г. ключи от Дербента были вручены представителю Ирана Мурад-Султану, хотя в городе еще оставались российские войска и их обозы. Эвакуация шла медленно, поскольку в астраханском порту навигация еще не началась. Таким образом, приход к власти в Иране Надир-шаха изменил геополитическую ситуацию в Каспийском регионе. Под угрозой было монопольное положение России на Каспии, где безраздельно господствовал российский флот.

В начале 40-х гг. XVIII в. российские власти были встревожены действиями Надир-шаха. Заняв Дагестан, он планировал начать военные действия против России и завоевать Астрахань. Эти агрессивные планы подогревал англичанин Эльтон, состоявший на службе у шаха и строивший для него корабли²⁰. Надир-шах стремился создать такой же сильный флот на Каспийском море, каким был российский во времена Петра I, пытаясь организовать кораблестроение с помощью беглых казаков, матросов и англичан. Существование шахского флота на Каспии ограничило бы возможности России в регионе. Понимая это, она лишила англичан права проезда и провоза товаров в Иран через территорию России посредством Волжско-Каспийского пути. После убийства Надир-шаха в 1747 г. создание шахского флота на Каспийском море было приостановлено. Прикаспийские области Кавказа, в частности Дербент, освободились из-под власти Ирана.

Во второй половине XVIII в. Дербент оставался независимым от великих держав. Пережив упадок в связи с нашествием войск Надир-шаха, он вновь приобретал роль одного из транзитных пунктов в торговле с Европой по Волжско-Каспийскому пути. Кроме шелка-сырца через Дербент из Южного Кавказа и Ирана стали вывозить марену и хлопок. Так, в 1787 г. 76,5% хлопка было привезено из Дербента²¹. По данным П. Г. Буткова, ежегодно из Дербента в Астрахань морем вывозили до 6000 пудов марены²². Росту торговой роли Дербента в определенной степени способствовала политика Фатали-хана, объединившего в конце 50-х гг.

XVIII в. Кубинское ханство с Дербентским владением. В 1765 г. он обратился к российскому двору с предложением расширить торговлю на взаимовыгодных условиях. В рескрипте Екатерины II от 14 ноября 1765 г. говорилось: «... при отправлении из Астрахани в Персию с товарами судов заезжать несколькими и в Дербент»²³. О том, что торговля с Дербентом приносила выгоду России, указывал акад. С.Г. Гмелин, писавший, что сюда можно было бы ежегодно посылать по два корабля с мукой, железом, сталью, свинцом и все это продавать с «великим барышом»²⁴. Фатали-хан, хорошо понимая, какую пользу можно извлечь из торговли с Россией, в 1780 г. отменил пошлины, которые взимались с русских купцов.

В конце XVIII в. международная обстановка на Кавказе обострилась. Пришедший к власти в Иране Ага-Мухаммед-хан начал готовиться к походу на север. Российское правительство, не желавшее допустить захвата кавказских владений Ираном, в 1796 г. организовало поход войск графа В.А. Зубова в Дагестан. 10 мая 1796 г. Дербент был взят, а его правитель Ших-Али-хан, выступавший против российских войск, пленен. Чуть позже ему удалось бежать. Правителем Дербента была назначена дочь Фатали-хана Периджа-ханум²⁵. Далее царские войска двинулись к Кубе и Баку. Весь край — от Дербента до Шемахи и Гянджи — находился во власти российских войск. Однако после смерти Екатерины II, с приходом к власти Павла I с декабря 1796 г. по июнь 1797 г. российские войска покинули завоеванный край. Причиной тому было изменение внешнеполитического курса России и реакция западной дипломатии на появление российских войск на Восточном Кавказе. С уходом царских войск в Дербент вернулся Ших-Али-хан.

В период русско-иранской войны 1804—1813 гг. Россия развернула активные военные действия на Кавказе. С приближением российских войск к Дербенту в городе усилилась борьба между сторонниками и противниками Ших-Али-хана. Последний, видя безысходность своего положения, вынужден был покинуть город. 21 июня 1806 г. российские войска вступили в Дербент. На этот раз город был присоединен к Российской империи окончательно. С подписанием Гюлистанского договора 1813 г. весь Дагестан оказался включенным в состав Российской империи.

Таким образом, в 1806 г. многовековая борьба за господство над западными «воротами» Каспия закончилась в пользу России. Начался новый этап становления Дербента как крупного центра международной торговли на западном берегу Каспийского моря. Значительно вырос объем товаров, поступающих из России в город, а также вывоз местных и реэкспорт восточных товаров в центральные российские регионы.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного ОГН РФФИ научного проекта № 16—31—01034.

1. ГАДЖИЕВ М.С. Дербент — памятник мировой истории и культуры. — Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015, № 1 (41), с. 7.
2. ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ. Книга путешествия. Вып. 3. М. 1983, с. 122.
3. Там же, с. 122—123.

4. История Турецкого государства от самого основания онаго до новейших времен. Ч. I. М. 1828, с. 85.
5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М. 1938, с. 273.
6. ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ. Ук. соч., с. 122.
7. РАХМАНИ А.А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку. 1960, с. 110.
8. КОЗУБСКИЙ Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906, с. 58.
9. ПЕТРУШЕВСКИЙ И. П. Азербайджан в XVI—XVII веках. В кн.: Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. Баку. 1949, с. 290.
10. БАКИХАНОВ А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку. 1991, с. 94.
11. КОТОВ Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию. М. 1958, с. 35.
12. КОЗУБСКИЙ Е. И. Ук. соч., с. 58—59.
13. Там же, с. 59.
14. ПЕТРУШЕВСКИЙ И. П. Ук. соч., с. 280.
15. КУРУКИН И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722—1735). М. 2010, с. 67.
16. ГАДЖИЕВ В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М. 1978, с. 221
17. ГЕРБЕР И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М. 1958, с. 86.
18. Там же, с. 216—217.
19. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб. 1869, с. 206—211.
20. КУЛАКОВ В. О. Астрахань в персидской политике России в первой половине XVIII в. Астрахань. 2012, с. 62.
21. ЮХТ А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20—60-е гг. XVIII в.). М. 1994, с. 203.
22. БУТКОВ П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., с. 202—203.
23. АБДУЛЛАЕВ Г. Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения с Россией. Баку. 1965, с. 370—371.
24. ГМЕЛИН С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств естества. Ч. 3. СПб. 1785, с. 9.
25. ДУБРОВИН Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. III. СПб. 1886, с. 115.

Русский либерал К. Д. Кавелин в современной отечественной историографии

Р. А. Арсланов, Е. В. Линькова

Аннотация. В обзоре рассматривается современная отечественная историография, посвященная теоретику российского либерализма Константину Дмитриевичу Кавелину. В историографической традиции до сих пор отсутствуют однозначные и общепринятые суждения о взглядах Кавелина, его роли в развитии общественного движения страны, особенно в условиях пореформенной модернизации, что делает задачу обобщения историографического опыта насущной и открывающей новые перспективы для дальнейших изысканий.

Ключевые слова: К. Д. Кавелин, либерализм, историография, модернизация, реформа, консервативный либерализм, западничество.

Abstract. In the analytical work the authors present a review of the modern Russian historiography devoted to the theorist of liberalism — Konstantin Kavelin. In the historiographical tradition, there are still no unambiguous and generally accepted judgments about the views of K. Kavelin, his role in the development of the social movement in Russia, especially in the conditions of post-reform modernization, which makes the task of summarizing the historiographical experience urgent and opens new prospects for further research.

Key words: K.D. Kavelin, liberalism, historiography, modernization, reform, conservative liberalism, Westernism.

В 2018 г. Константину Дмитриевичу Кавелину (4(16) ноября 1818—3(15) мая 1885) — крупнейшему теоретику либерализма в России, деятельному участнику подготовки Великой реформы 1861 г., одному из основоположников государственной школы в исторической науке, исполнилось 200 лет. Обращение в связи с этим к личности и теоретическому наследию ученого является не только данью памяти этому великому человеку, признанием его заслуг перед наукой и обществом, но и поводом к размышлению о судьбах русского либерализма и его отражении в историографии.

Арсланов Рафаэль Амирович — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов. E-mail: arslanov_raf@mail.ru; *Линькова Елена Валентиновна* — кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов. E-mail: e.v.linkova@yandex.ru.

Arslanov Rafael A. — PhD (History), professor at the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: arslanov_raf@mail.ru; *Linkova Elena V.* — PhD (History), assistant professor at the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: e.v.linkova@yandex.ru.

Значение выбранной темы определяется необходимостью переосмысления теоретического наследия либералов, выявления и анализа тех компонентов учения Кавелина, которые актуальны и в наши дни: функционирование многоукладной экономики при взаимодействии общественного и частного секторов; сочетание сильной государственной власти и свободы личности, централизации и местного самоуправления и пр. Особенно актуальной представляется та часть теоретического наследия мыслителя, в которой он доказывал, что утверждение либеральных ценностей и демократии в условиях России возможно лишь в результате взаимодействия усилий власти и общества, направленных на формирование свободной и вместе с тем ответственной личности. Именно ее осознанная деятельность и могла обеспечить подлинную модернизацию страны, которая шла бы «и сверху, и снизу» на основе синтеза либерализма, демократии и социальной справедливости, отвечающего возможностям и потребностям России.

Современная историография, опирающаяся на предшествующую, в том числе и дореволюционную традицию, а также на зарубежный опыт, использующая новые методологические подходы и свободу мнений, заметно усилила внимание к творчеству Кавелина, обогатив наши знания о его взглядах и личности.

Концептуальное значение для понимания сути историографического процесса и основных тенденций изучения как либерализма в целом, так и деятельности его ведущих представителей, включая Кавелина, имеют труды признанного специалиста по истории общественной мысли дореволюционной России В. В. Шелохаева ¹.

Рассматривая русский либерализм как результат творческих усилий нескольких поколений интеллектуальной элиты, он не только отметил выдающуюся роль его крупнейших теоретиков, но и указал на ограниченность его распространения в узком кругу части интеллигенции. В свою очередь, особенности зарождения определили специфику теории русского либерализма с ее, по словам Шелохаева, «... мощным социальным и демократическим зарядом, направленным, прежде всего, на создание предпосылок и условий для раскрепощения личности» ². Анализ творческого наследия Кавелина подтверждает общие выводы историка. Действительно, основной вектор его теоретических исканий заключался в стремлении выделить индивидуальность из все поглощающей социальной среды, освободить личность от государственного пресса, без чего невозможно было распространение либеральной идеи свободы.

Вместе с тем Шелохаев вполне обоснованно отметил неразработанность системы критериев для определения этапов развития и типов русского либерализма, и, можно добавить, дискуссионность самой проблемы, что и порождает разнообразие мнений. Вот почему осмысление сущности и особенностей русского либерализма продолжает оставаться важной историографической задачей.

Шелохаев обобщил и результаты дискуссии по вопросам периодизации дореволюционного либерализма. Вслед за рядом исследователей (В. В. Леонтович, Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская, А. И. Нарезный) он определил три этапа в его развитии, отнеся время появления к эпохе про-

священного абсолютизма XVIII века. Переход ко второму этапу в середине XIX в. исследователи этой группы связывают с деятельностью Кавелина и Б.Н. Чичерина. В 90-х гг. XIX в. ему на смену приходит новый либерализм. Историограф отметил и ту группу исследователей (В.Ф. Пустарнаков, В.И. Приленский), которая датировала зарождение русского либерализма временем не ранее середины XIX века ³.

Таким образом, в историографии утвердилось мнение о заметном, если не решающем вкладе в разработку теории русского либерализма Кавелина, положившего начало второму этапу его развития.

Весьма продуктивным представляется современный взгляд на либерализм Кавелина как интеллектуальное учение, отвечающее на вызовы процесса модернизации отсталой крестьянской страны. Разработанное представителем дворянского сословия, что, согласно доминирующему в советской историографии подходу, придавало доктрине Кавелина классовый характер, оно выражало «не узко сословные..., а именно широко понятые общегосударственные и общенациональные интересы» ⁴.

Таким образом, историк утверждает крамольную для советской историографии и подозрительную для нашего времени мысль о способности либерального меньшинства формулировать и защищать не узкоклассовые, а общенациональные интересы.

В своих работах Шелохаев подвел предварительные итоги изучения либерализма в России, наметил направления дальнейшего научного поиска, специально остановившись на спорных и нерешенных вопросах.

Одним из первых новый ракурс освещения наследия Кавелина предложил историк С.С. Секиринский. В написанной в соавторстве с Шелохаевым работе он рассматривал либерализм как самостоятельное и самоценное направление общественного движения пореформенной России, ищущее ответы на вызовы модернизации. Выявив два направления в либерализме — государственническое и дворянско-конституционное, историк пришел к выводу, что складывавшийся в результате их идеологического противостояния кавелинский проект сильного государства в большей степени учитывал особенности России, предполагая проведение реформ сверху при обеспечении свободы личности ⁵.

Позднее Секиринский подчеркнул, что именно представителям нового поколения образованных русских — «людей 1840-х годов», к которым принадлежал и Кавелин, — предстояло переработать и применить заимствованную либеральную парадигму к «национально-своеобразным условиям России». Отмечая амбивалентность политических настроений либералов эпохи реформ, историк одним из первых обратил внимание на то, что «... они находили в самодержавии не только подавляющую силу, но и потенциального союзника, способного стать во главе необходимых преобразований» ⁶. К заслугам исследователя следует отнести не только выявление новых социокультурных граней эпохи, но и его чуткое понимание людей и их времени, обнаружение связи между личными качествами, убеждениями и практической деятельностью. Характеризуя на основании различных источников Кавелина как «человека компромисса», историк обнаружил проявление этой черты и в стремлении мыслителя к созданию теории синтеза, в его отношении к людям и к общественной практике ⁷. Такое «психологическое измерение» взглядов Кавелина не

только отличалось новизной, но и создавало условия для понимания глубинных основ учения либерала. Вместе с тем в своем широкоформатном исследовании автор не ставил задачу выявлять и анализировать все стороны воззрений Кавелина. Вот почему его подходы иногда отличаются описательностью, а некоторые грани творчества и деятельности Кавелина, например, принципиальность в отстаивании либеральных ценностей при стремлении найти пути их утверждения в модернизирующейся России не получили должной проработки.

Весьма продуктивной представляется авторская мысль, согласно которой «критерием исторической значимости русского либерализма и одновременно соответствия его собственной сути становится не порог достигаемой им радикальности, а мера адаптации к национально-своеобразным условиям России...»⁸ Именно поиск пути адаптации либерального учения к русской действительности, в которой отсутствовали социальные, да и духовные условия его восприятия, поиск, происходившей на основе синтеза в рамках либеральной парадигмы различных концептов, и стал, по мнению авторов, основной творческой задачей и теоретической заслугой Кавелина.

А.А. Алафаев и С.С. Секиринский в статье энциклопедического формата, вошедшей в сборник «Российские либералы», отмечали сложный синтетический характер либеральной концепции Кавелина, связывая ее развитие с личными качествами мыслителя, потребностями русского общества. Однако объемы и задачи данной публикации предопределили несколько поверхностное освещение темы, констатацию явлений, а не поиск аргументов и проведение всестороннего анализа.

Особое место в современной историографии Кавелина занимают труды В.К. Кантора. Благодаря его усилиям был составлен и издан сборник работ либерала, предваряемый вступительной статьей и сопровождаемый комментариями исследователя⁹. Наряду с популяризацией творчества Кавелина ученый предложил в ряде своих содержательных работ собственную интерпретацию общественно-политических взглядов мыслителя, особенно остановившись на либеральном понимании проблемы личности¹⁰. Отмечая вклад исследователя в осмысление историософии Кавелина, хотелось бы остановиться на тех выводах, которые требуют уточнений или вызывают несогласие. Так, вырванным из контекста рассуждений либерального мыслителя представляется мнение автора, согласно которому «именно понятие свободы и выпало из концепции Кавелина, во многом предопределив неосуществимость его построений»¹¹. На самом деле политическая свобода была для Кавелина одной из стратегических целей развития России. Но ее достижение либерал видел как результат реформ и взаимных усилий и государства, и общества, направленных, прежде всего, на формирование личности и гражданского общества, без которых свобода превращалась в анархию. Представляется, что здесь Кантор, не выявив понимание либералом особенностей развития России, его опасений обрушить страну в революционный хаос вседозволенности, который ее ждал при «стертости личного начала», поступился принципом историзма. В итоге он не увидел ядра проекта Кавелина, заключавшегося в совмещении сильной власти и прав личности. Несколько надуманным, противоречащим фактам является и утверждение, высказанное, правда

еще в советское время, что Кавелин так и не понял «необходимости пробуждения личности во всем народе»¹².

Процесс переосмысления русского либерализма, насыщенный воздухом методологической свободы, наряду со стремлением понять феномен Кавелина создал условия для распространения оценочных, основанных не на фактах, а на личных пристрастиях авторов мнений, которые чаще всего проявляются в работах публицистического характера.

Одним из примеров подобного рода изысканий стали претендующие на широкие обобщения «Очерки истории русской общественно-политической мысли» Ю. С. Пивоварова¹³. Пересмотрев свои же достаточно выверенные суждения о Кавелине, сформулированные ранее в биографическом словаре¹⁴, автор предложил оригинальную трактовку и его взглядов, и роли в общественном движении страны.

Начал он с обвинений русских либералов в неспособности изменить «... характер и строй России, направить ее в новое историческое русло»¹⁵. Главную же причину их провала Пивоваров ищет в том, в чем ряд современных исследователей находит положительные стороны русского либерализма, а именно, в попытках адаптировать либеральную теорию к национальным условиям России. Основным виновником этих искажений, обрекших либерализм на неудачу, по версии Пивоварова, и стал Кавелин с его антибуржуазными взглядами, поддержкой самодержавия и попытками объединить социалистические идеи с проповедью свободы личности¹⁶. При этом, вырывая из контекста кавелинского проекта мысли о «самодержавной республике» и сохранении крестьянской общины, Пивоваров превратил либерала в «... певца самодержавно-социалистического синтеза», предвестника «советского социализма». В итоге получилось, что кавелинский либерализм «имеет мало общего с западным», а его главной задачей являлась не либеральная трансформация России, а «... спасение русской идентичности от революции... и т. п.»¹⁷

Таким образом, основным объектом современной, по сути своей неолиберальной критики учения «старого либерала» Кавелина стали его этатизм, а также учет национальных особенностей России, отказ от механистического переноса на ее почву европейского опыта, а в итоге — придание классической доктрине национальной формы. При этом размашистый публицистический способ изложения привел автора к отрыву от исторического контекста, к забвению принципа историзма.

Еще более четко и ярко «измену» Кавелина чистоте либерального учения и европейским ценностям, национализм и даже имперские интенции государственников как причины провала либерализма, поражение свободы и торжество диктатуры представил историк-публицист А. Л. Янов. По его словам, «национал-либералы, сражавшиеся плечом к плечу с либералами старого, так сказать, стиля против крепостного права, тотчас и предали своих союзников, едва согласился царь на его отмену, и они неожиданно оказались политической элитой постникалаевской России, архитекторами Великой реформы. Вот тогда вдруг и обнаружилось, что действительной целью националистов была вовсе не “отмена всякого рабства”,... но сильная Россия, способная взять у коварной Европы реванш за Крымский позор...»¹⁸

В контексте рассуждений публициста речь шла и о Кавелине, зачисление которого в националисты автоматически приводит к его отлучению от лагеря подлинных либералов. Умозрительность, оторванность от исторических реалий этой точки зрения очевидна. Следует заметить, что в эпоху пореформенной модернизации Кавелин, да и большинство либералов будут поддерживать не имперские замыслы правительства и мнимую идею реванша, а сдержанный внешнеполитический курс, отвечавший потребностям внутренних преобразований¹⁹. Поддержка же самодержавия осуществлялась постольку, поскольку оставалась надежда на его преобразовательный потенциал. По мере ее утраты либералы будут переходить к открытой оппозиции самодержавной власти.

Причудливо переплетается с мнением неолибералов и позиция ряда зарубежных исследователей взглядов Кавелина. Так, Д. Филд пишет о его «парадоксальном оптимизме», проявлявшемся в обстановке либерального уныния и разочарования реформами в начале 1860-х годов. Истоки этого непонятного, на первый взгляд, духовного подъема он видит в «обновленном патриотизме» Кавелина, вызванном польским восстанием 1863 года²⁰. И действительно, польские события потрясли русское образованное общество и привели к переходу некоторых либералов, например, М. Н. Каткова, на позиции национализма.

Однако по мнению таких авторитетных исследователей творчества Кавелина как О. В. Кочукова и В. А. Китаев, либералу были чужды националистические увлечения. Кочукова для опровержения подобного рода инвектив сослалась на воспоминания его соратника и единомышленника В. Д. Спасовича: «В отношении польского вопроса Кавелин отличался достаточно взвешенными и прагматичными взглядами. Он, напротив, опасался последствий “удара в набат” русского патриотизма, зная, что в “слепой народной страсти” могут потонуть зачатки преобразований»²¹. Иными словам, Кавелин буквально ощущал ту опасность, которую националистические увлечения и стихийные патриотические подъемы народных масс несли делу свободы и либерального преобразования страны.

В целом, представляется, что в работах историков-публицистов намечилось возвращение к аксиологическому подходу недавнего прошлого. При этом на смену разоблачения классово-природы воззрений Кавелина пришел поиск их националистической подоплеки.

Обосновывая необходимость изучения личности Кавелина, Кочукова в качестве подтверждения той роли, которую он играл в общественной жизни страны, привела слова адвоката В. Д. Спасовича: «По своей специальности — юрист, а по своему темпераменту — острый критик и реформатор, К. Д. Кавелин был как бы создан на то, чтобы стоять во главе движения и быть руководителем прогрессивной партии. Сила притяжения, которою он располагал, была громадная, ей подчинялись люди всевозможных возрастов, национальностей, занятий и классов. Он имел все качества мощного лидера, ... бесконечную привязанность к идеям общественного, национального или общечеловеческого добра»²².

Таким образом, хотя и опосредованно, Кочукова затронула проблему лидерства в либеральном движении, но не стала в нее углубляться. Позднее эта тема найдет специальное рассмотрение в работах историков, о чем речь пойдет ниже. Здесь бы хотелось заметить, что, не сопрово-

див какими-либо комментариями приведенную характеристика, Кочукова оставила без ответа возникающий вопрос: почему обладая такими качествами, Кавелин так и не возглавил оппозиционное движение. Естественно, рассуждения на эту тему предполагают некую гипотетичность построений и едва ли могут получить фактические доказательства. Но автор имеет право на свои варианты ответов.

Один из них заключается в специфике самого русского либерализма той эпохи, с его неприятием лидерства и чутким отношением к достоинству личности, с отторжением иерархии, которая отождествлялась с существующей бюрократической системой. Следует учитывать и некоторые особенности самой личности Кавелина, «спасавшие» его от роли руководителя. Прежде всего, отмеченная современниками и исследователями склонность к компромиссу, сочетавшаяся с твердостью убеждений и приверженностью принципам, стремление сохранить свободу, быть вне партий. Да и сам Спасович писал, что «... Кавелин меньше привязывался по натуре своей к людям, нежели к идеям, ... он был прежде всего моралист, строгий ценитель поступков, воплощенная, ходячая общественная совесть, ... источником громадной благотворной нравственной силы, которую расточал кругом себя с необычайной щедростью»²³. С такими качествами Кавелину действительно было трудно объединить вокруг себя и организационно возглавить даже идейно близких ему людей, что не исключало духовного лидерства.

Кочукову как исследователя отличают четкая формулировка своей позиции, ясность мысли, глубокое проникновение в тему, понимание объекта исследования и даже сопереживание ему, некое созвучие духовных интенций. Но одним из следствий такого уровня приближения становится, как представляется, утрата чувства дистанции, что иногда препятствует критическому обзору предмета исследования.

Определенный резонанс у либераловедов вызвала работа С. А. Репинецкого²⁴. В историографическом разделе своей монографии автор рассмотрел различные этапы изучения проблемы формирования идеологии либерализма, специально остановившись на отражении деятельности Кавелина в предреформенный период.

В истории изучения либерализма Репинецкий традиционно выделяет три этапа, подчеркивая при этом вклад в разработку темы исследователей не только дореволюционного, но и советского времени²⁵. Однако в целом советскую историографию ученый характеризует как описательную, зажатую в тиски марксистской методологии.

Одно из достижений новейшей историографии Репинецкий увидел в том, что «... либерализм начал рассматриваться не через призму взглядов и оценок деятелей революционной демократии, а с учетом самооценки и саморефлексии либералов»²⁶, то есть из объекта субъективной интерпретации он превратился в предмет исследования.

Вызывает интерес и авторское восприятие тех работ историков, в которых, по мнению Репинецкого, прослеживается переосмысление взглядов и деятельности ведущих теоретиков либерального движения — Кавелина и Чичерина²⁷. При этом, отмечая объективность и осторожность суждений ряда современных авторов, он специально остановился на позиции А. Н. Медушевского²⁸. Отдавая должное исследователю, много сделавше-

му для изучения российского либерализма, новаторски освещающему его «становление во всемирно-историческом контексте» и использующему сравнительно-исторический метод, Репинецкий все же полагает, что его оценки роли Кавелина в подготовке крестьянской реформы отличаются апологетичностью и явным преувеличением²⁹. Однако представляется, что и позиция Медушевского, и ее авторская интерпретация требуют более весомого обоснования и дополнительной аргументации.

Свое видение процесса зарождения, особенностей русского либерализма, вклада ведущих мыслителей середины XIX в. в разработку его теории предложил К. И. Шнейдер³⁰. Используя различные аргументы, в том числе почерпнутые из зарубежной историографии, становление либерализма в России исследователь связал с теоретическими изысканиями Кавелина и Чичерина, проводимыми ими в начале правления Александра II. При этом приоритет в разработке либерального проекта, суть которого заключалась в соединении идеи свободы личности «... с авторитетом просвещенного самодержавного режима», историк отдал Чичерину, полагая, что именно его «охранительная версия» к середине 1860-х гг. легла в основу «... полноценной национальной программы»³¹.

Подобная трактовка представляется недостаточно аргументированной. Нисколько не умаляя заслуг Чичерина, хотелось бы напомнить, что основы «государственной школы», в которой нашла свое теоретическое и историческое обоснование решающая роль государства в обеспечении прогресса и развитии личности в России, были разработаны Кавелиным в его знаменитой статье «Взгляд на юридический быт древней России» (1847 г.). Следует заметить, что эту точку зрения разделяет и ряд современных исследователей³². Кстати, сам Чичерин «основоположниками новой русской историографии» считал Кавелина и С. М. Соловьёва, а сам он в это время, то есть в 1845—1849 гг., был студентом юридического факультета Московского университета, слушал лекции Кавелина, отмечая то огромное воздействие, которое оказывали на аудиторию и его курс, и его личность³³.

Противостояние двух мыслителей Шнейдер объясняет их различиями как в понимании прошлого страны, так и в отношении к европейским странам. По словам историка, «Чичерин был близок к сторонникам классического экономического либерализма манчестерского типа и сохранение общинных порядков однозначно отвергал». Автор также обратил внимание и на существование в концепции либерала антидемократических установок, проявлявшихся в защите идеи «устранения бедности от политических прав». В итоге он пришел к выводу, что именно охранительный либерализм Чичерина «стал самой удачной в истории отечественной мысли XIX столетия попыткой создать национальную версию европеизации России в целом посредством реформ «сверху» через плодотворную, законотворческую деятельность самодержавной власти»³⁴. Более того, именно концепция «охранительного либерализма» сделала Чичерина, утверждает историк, «... лидером в отечественном либеральном сегменте поля производства идей, что позволило ему в отсутствие реальной конкуренции со стороны других мыслителей претендовать на трактовку ценностей либерализма в национальном экспертном сообществе»³⁵. В приведенных суждениях бросается в глаза отрыв от российских реалий

середины XIX в., перенос на общественную жизнь того времени понятий и оценок интеллектуальной элиты наших дней.

К тому же историк не затрагивает проблему степени утопичности чичеринского проекта, слишком зависевшего от способности власти к само-реформированию. Доводя время разработки проекта до середины 1860-х гг., Шнейдер не проследивает не только динамику его последующего развития, но и процесс внедрения в «либеральное поле», не выявляет каналы и результаты его влияния на власть и общественное движение страны. В целом же, как представляется, «чичеринский проект» оставался талантливым, но изолированным интеллектуальным продуктом.

Для выявления значимости концепта Чичерина его стоило бы сравнить с кавелинским, предлагавшим не только проведение реформ сверху, но и утверждение либеральных ценностей снизу в результате действий общества, происходивших с учетом национальных особенностей, способностей и возможностей народа. Недавний, начала 1990-х гг., опыт насаждения либерализма сверху показал всю бесперспективность чичеринской версии европеизации России.

Весомым доказательством того, что именно проект Кавелина, чуждый, несмотря на предположение Шнейдера, принципа элитизма, пронизанный идеями демократии в форме «мужицкого царства», социальной защиты народа и ненасильственного развития, а не охранительная версия Чичерина, стал доминирующим в либеральном дискурсе, служит то, что он получил признание и развитие в программе одного из влиятельнейших органов либерализма, журнала «Вестник Европы»³⁶. Да и новый либерализм начала XX в. по своим интенциям и идейному содержанию был ближе, как представляется, учению Кавелина.

Наряду с идейными разногласиями к одному из факторов размежевания раннего русского либерализма Шнейдер отнес личное соперничество ведущих теоретиков. Более того, личностные мотивы, по его мнению, доминировали над концептуальными, являясь подлинной пружиной спора, а затем и разрыва отношений между Кавелиным и Чичериным. Историк даже допустил, что решающую роль в размежевании сыграло ревностное отношение первого «... к успехам Чичерина в интеллектуальном состязании за экспертный авторитет»³⁷.

В итоге, используя современную теорию социального поля П. Бурдьё, исследователь попытался представить процесс идеологической дифференциации раннего либерализма, прежде всего, как стремление его идейных вождей «удовлетворить личные амбиции в борьбе за символическое первенство в либеральной среде», как «конкуренцию основных персонажей за символический капитал лидерства в либеральном сообществе»³⁸.

Можно только приветствовать использование современных подходов к освещению истории общественного движения в России. Но все же, представляется, что их прямолинейное применение без достаточной фактологической аргументации, без учета контекста эпохи и протекавших событий может привести к умозрительным, необоснованным выводам.

Например, первые серьезные разногласия между двумя мыслителями возникли после публикации в «Колоколе» (1858 г.) знаменитого «Обвинительного акта» Чичерина с разоблачением «необузданного» радикализма А. И. Герцена. И вызывались они не столько личным соперни-

чеством, сколько различием во взглядах на значение деятельности эмигранта, а главное, — расхождением в понимании требований времени, в восприятии некоторых норм дворянской этики.

Кавелин считал, что «Обвинительный акт» может быть использован реакционными кругами как аргумент, направленный против реформ. К тому же для Кавелина критика его друга, эмигранта, гонимого властями, представляла собой акт, противоречащий принципам дворянской чести. Никакой зависти и борьбы за лидерство в этом не прослеживается. Таким образом, именно осмысление социокультурного контекста эпохи дает ключ к объяснению возникшей вражды между двумя бывшими соратниками и друзьями.

Вместе с тем, разработанная Шнейдером концепция раннего русского либерализма представляет бесспорную научную значимость, свидетельствует о масштабности и актуальности самой темы. Постановка же исследователем ряда дискуссионных проблем, в том числе проблемы лидерства, предложенные варианты их решения стимулируют продолжение научного поиска. Главное же заключается в том, что выводы автора заставляют еще раз задуматься о том, насколько и какой либеральный проект был адекватен национальным условиям, каким образом он мог воздействовать на власть и общество.

Проведенный историком анализ, с одной стороны, способствует приращению исторического знания, а с другой, — отражает всю сложность и неоднозначность историографического процесса.

Одной из последних работ, в которых была затронута личность Кавелина, стала монография В.Я. Гросула, посвященная истории общественного движения в России первой половины XIX века³⁹. Опираясь на сложившуюся историографическую традицию, ученый представил свою трактовку проблемы лидерства в либеральном движении, вступив в заочный спор со Шнейдером. По его словам, в 1840-е гг. именно Кавелин «выдвинулся в число лидеров западничества, а затем и, вообще, русского либерализма... Ему была уготована судьба стать главным теоретиком российского либерализма»⁴⁰. Однако к сожалению, это верное наблюдение не получило развернутой аргументации.

Гросул остановился и на некоторых сторонах концепции Кавелина, отметив, например, приверженность либерала принципу абсолютизма, которая вызывалась его восприятием самодержавия как естественной формы русской государственности, порожденной народным идеалом. Вполне обоснованным представляется и суждение автора, согласно которому «Кавелин считал, что со времени Петра I российское государство начинает служить национальным интересам, осуществляет реформы, постепенно обеспечивая права личности»⁴¹. В целом Гросулу удалось в сжатом виде передать основные положения учения либерала, например, его идею сочетания общественной и частной форм собственности, неприятие революционных методов и обоснование реформ, как единственного средства общественного прогресса и пр. Вместе с тем обобщающий характер труда ученого не предполагал проведение детального анализа взглядов Кавелина, для краткого изложения которых было достаточно использовать выводы, полученные современной историографией. Одним из следствий такого подхода стало некритическое использование некоторых

спорных суждений, например, С. И. Глушковой о Кавелине как представителе консервативного либерализма ⁴².

В последнее время творчество Кавелина привлекает к себе внимание специалистов целого ряда гуманитарных дисциплин. М. А. Рутковский и Л. М. Рутковская провели краткий обзор диссертационных исследований современных российских философов, социологов, психологов, правоведов и филологов, анализирующих различные стороны научной деятельности Кавелина ⁴³. По их приблизительным данным, лишь в первое десятилетие XXI в. было защищено около пятнадцати кандидатских диссертаций, специально посвященных творчеству мыслителя. Его личность и взгляды рассматриваются и в работах по истории общественного движения, экономике, внутренней политике, историографии, этике и пр. Все это свидетельствует о сохраняющемся после «открытия» Кавелина в начале 1990-х гг. интересе к его творческому наследию, подтверждает необходимость использования междисциплинарного подхода в исследовательском процессе.

Длительное время личность и теоретическое наследие Кавелина не привлекали к себе общественного внимания, оставаясь сферой интереса лишь академического сообщества. Показателен тот факт, что даже в дореволюционную эпоху его имя и труды вспоминались от случая к случаю, чаще всего в связи с годовщинами, например, крестьянской или судебной реформы, а различного рода юбилейные даты практически прошли незамеченными в культурной жизни России.

Этот индифферентизм вызывался, прежде всего, особенностями личности и воззрений Кавелина, который пытался встать над партиями, примирить крайности их программ, а потому воспринимался «как свой среди чужих и чужой среди своих».

Кавелинское учение с его обоснованием необходимости поиска согласия, «золотой середины», повседневного труда, направленного на мирное, постепенное обновление страны, повышение культурного уровня народа, воспринималось если не как утопия, то как прекраснодушная фраза.

На самом же деле он был подлинным реалистом. А потому его программа постепенных преобразований, основанных на синтезе либеральных ценностей и национальных традиций, не соответствовала накалу страстей и остроте противоречий, раскалывающих общество, и нетерпению радикальной интеллигенции.

В итоге реализм Кавелина не находил понимания в общественном сознании, вызывая настороженность даже среди части либералов. Вот почему и его теоретическое наследие, требующее не только внимательного изучения, но и релевантного отношения, долгое время оставалось на обочине исследовательского процесса.

Следует учитывать и многогранность, противоречивость учения Кавелина, к тому же зачастую воспринимавшегося в отрыве от исторического контекста, что также мешало адекватному прочтению его проекта. Лишь по мере накопления знаний, преодоления методологической заданности и устоявшихся стереотипов, в результате мировоззренческого переворота, происшедшего в конце XX в., и использования новых подходов изменилось восприятие и русского либерализма, и его ведущего теоретика.

Но и в современной историографии личность и учение Кавелина воспринимаются крайне неоднозначно. Диапазон оценок, отражающий во многом настроение общества, колеблется от лишения Кавелина статуса либерала, и даже обвинений в «измене либеральному делу», до объявления его творцом универсального национального проекта, призванного объединить различные социальные силы и идеологические течения страны.

Следует отметить и то, что до конца не оцененный вклад, который внес Кавелин в развитие культуры, в становление свободной личности в России, дискуссионность историографических выводов служат гарантом сохранения научного интереса к основоположнику русского национального либерализма.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке Программы «РУДН 5—100».

1. ШЕЛОХАЕВ В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема. — Вопросы истории. 1998, № 4, с. 26—40; ЕГО ЖЕ. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе. — Там же. 2007, № 5, с. 3—16; ЕГО ЖЕ. К проблеме генезиса и периодизации русского либерализма (Заметки на полях монографии К.И. Шнейдера «Между свободой и самодержавием: История раннего либерализма»). Пермь. 2012; Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской Конституции. Пятое «Муромцевские чтения». Сб. научных статей. Орел. 2013, с. 7—29 и др.
2. Там же, с. 34.
3. Там же, с. 35.
4. См.: ШЕЛОХАЕВ В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе, с. 7.
5. См.: СЕКИРИНСКИЙ С.С., ШЕЛОХАЕВ В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.). М. 1995, с. 5—8, 25—26 и др.
6. СЕКИРИНСКИЙ С.С. Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М. 1999, с. 18.
7. Там же.
8. АЛАФАЕВ А.А., СЕКИРИНСКИЙ С.С. Константин Дмитриевич Кавелин. В кн.: Российские либералы: Сб. статей. М. 2001, с. 74.
9. См.: КАВЕЛИН К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М. 1989.
10. КАНТОР В.К. «Средь бурь гражданских и тревоги» (Борьба идей в русской литературе 40—70-х годов XIX в.). М. 1988; ЕГО ЖЕ. «Наше больное место — стертость личности» (К.Д. Кавелин и его философия русской истории). В кн.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследование. Вып. 1. Девятнадцатый век. М. 1989; ЕГО ЖЕ. В поисках личности: опыт русской классики. М. 1994; ЕГО ЖЕ. К.Д. Кавелин и его философия русской истории. В кн.: Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы: Мат-лы междунар. науч. конференции. М. 1999.
11. КАНТОР В.К. В поисках личности: опыт русской классики. М. 1994, с. 99. См. также: ЕГО ЖЕ. К.Д. Кавелин и его философия русской истории. В кн.: Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы, с. 455.
12. КАНТОР В.К. «Средь бурь гражданских и тревоги», с. 99.
13. ПИВОВАРОВ Ю. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М. 1997, с. 127—147.
14. ЕГО ЖЕ. Кавелин. В кн.: Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2. М. 1992, с. 430—434.
15. ЕГО ЖЕ. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия, с. 124.
16. Там же, с. 133, 135.

17. Там же, с. 137, 147.
18. ЯНОВ А. Нигилисты навыворот: <https://snob.ru/profile/11778/print/120102>.
19. Подробнее см.: ARSLANOV R.A, KURYLEV K.P. West European Countries and Their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late 19 Century. — *The International History Review* (RINH). 2017, v. 39, p. 73—101. <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07075332.2017.1350873>.
20. Цит. по: КОЧУКОВА О.В. К. Д. Кавелин в общественной борьбе 1860-х гг. В кн.: Проблемы истории российской цивилизации. Сб. научных трудов. Вып. III. Саратов. 2007. с. 40—51
21. См.: СПАСОВИЧ В.Д. К. Д. Кавелин. В кн.: КАВЕЛИН К. Д. Собр. Соч. Т. II. СПб. 1898, с. XIV.
22. Там же, с. XI; КОЧУКОВА О.В. К. Д. Кавелин как представитель русского либерализма в отечественной и зарубежной историографии. — Историографический сборник. Вып. 19. 2001, с. 29.
23. СПАСОВИЧ В.Д. Памяти Кавелина. — Вестник Европы. 1885, № 6, с. 807—808.
24. РЕПИНЕЦКИЙ С.А. Формирование идеологии русского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856—1860 годов. М.-Самара. 2010.
25. Например, он отмечает сл. работу: РОЗЕНТАЛЬ В.Н. Русский либерализм накануне реформы 1861 г. (1855—1857 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Л. 1963, в которой становление либерализма рассматривалось как самостоятельная тема. При этом особое внимание уделялось деятельности и взглядам Кавелина в предреформенный период.
26. Там же, с. 36.
27. См.: ИСКРА Л.М. Политические и исторические взгляды Б.Н. Чичерина. Дисс. докт. ист. наук. Воронеж. 1996; КОЧУКОВА О.В. К. Д. Кавелин в освободительном движении России (50—80-е гг. XIX в.). Дисс. канд. ист. наук. Саратов. 2001.
28. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Проекты аграрных реформ в России. XVIII — начало XXI века. М. 2005, с. 103—168; об особой роли Кавелина см.: Там же, с. 105—109.
29. РЕПИНЕЦКИЙ С.А. Ук. соч., с. 41.
30. ШНЕЙДЕР К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь. 2012; ЕГО ЖЕ. Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии. — Российская история. 2010, № 4, с. 177—186; ЕГО ЖЕ. Ранний русский либерализм в отечественной интеллектуальной традиции: опыт обобщения. — Вестник Пермского университета. История. 2016, Выпуск 3 (34), с. 52—57.
31. ЕГО ЖЕ. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма, с. 6, 48.
32. НАРЕЖНЫЙ А.И. Проблема государственного устройства России в консервативно-либеральной мысли второй половины XIX в. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ростов-на-Дону. 1999, с. 35.
33. Русское общество 40—50-х гг. XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М. 1991, с. 33—34, 42.
34. ШНЕЙДЕР К.И. Ук. соч., с. 63—64, 93.
35. Там же, с. 134.
36. КИТАЕВ В.А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870—1880-е годы). В кн.: XIX век: Пути русской мысли: Научные труды. Нижний Новгород. 2008, с. 248—275.
37. ШНЕЙДЕР К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма, с. 138.
38. Там же, с. 15, 65.
39. ГРОСУЛ В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX века. М. 2017.
40. Там же, с. 365.
41. Там же, с. 367.
42. ГЛУШКОВА С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург. 2001, с. 169.
43. РУТКОВСКИЙ М.А., РУТКОВСКАЯ Л.М. Творчество К.Д. Кавелина в новейших российских диссертационных исследованиях. — Ярославский педагогический вестник. 2013, № 3, т. 1 (Гуманитарные науки), с. 41—45.

Германский ученый, семиотик и скульптор Карл Аймермахер — человек во многом уникальный. Он не только соединяет в себе опыт историка, филолога, искусствоведа и художника, но и, по справедливому замечанию российского историка Геннадия Бордюгова, автора предисловия к сборнику, выпущенному к 80-летию германского ученого, относится к той сравнительно немногочисленной группе зарубежных русистов, которые «не переводят, а просто живут в изучаемой культуре как в своей собственной — родной, исконной, определяющей и формирующей идентичность» (с. 7). Добавлю, что Аймермахер — основатель и многолетний глава Института русской культуры им. Ю.М. Лотмана в Рурском университете в Бохуме, где «проводились комплексные исследования всех областей русской культуры с учетом всех их особенностей и взаимоотношений друг с другом» (с. 89). На его научные взгляды сильнейшее влияние оказала Тартусско-Московская семиотическая школа. Аймермахер также подготовил в рамках Копелевского проекта трехтомный коллективный труд «Россия и Германия в XX веке» с участием около сотни российских и германских историков, посвященный исследованию немецко-русских культурных отношений с точки зрения возникновения взаимных предубеждений.

Сделанное автором в науке и культуре впечатляет. Только избранная библиография трудов Аймермахера, помещенная в рецензируемом сборнике и включающая, помимо статей и книг, сведения об организованных автором конференциях, симпозиумах и художественных выставках, а также реализованных им научных проектах, занимает 26 страниц.

Ученый хотел бы совместить «научные достижения ГДР и ФРГ после вос-

соединения Германии» (с. 11), а выход из нынешнего кризиса гуманитарных наук, начавшегося, по его ощущению, не позднее 1960-х гг. прошлого века, он видит в развитии междисциплинарных исследований, причем таким образом, чтобы в каждой из дисциплин изучались бы лишь ограниченные аспекты. Это поможет преодолеть последствия «информационного взрыва», который давно уже привел к тому, что узкие специалисты не в состоянии освоить всю литературу по своей теме, что создает почву для манипуляций.

Историю культуры профессор Аймермахер понимает в самом широком смысле слова — как «всеобъемлющий феномен человеческого бытия, который не только пронизывает все сферы жизни, но и который следует рассматривать как основу жизни» (с. 121). Одной из важнейших проблем он считает «соотношение исторического и мифологического мышления и историографии, а также их положение при различных условиях общественно-культурной жизни. Схожим вопросом была роль исторического знания и мифов в создании национальной идентичности, то есть использование народного самосознания для политической борьбы в пропагандистских целях» (с. 12—13). Автор придерживается принципа фальсификации Карла Раймунда Поппера и полагает, что чтение любого текста требует от ученого его восприятия сразу в нескольких измерениях, поскольку лишь последние сомнения в правильности высказываний дают возможность их фальсификации и тем самым действительно углубленного понимания. Сомнения же опираются, в свою очередь, на вопросы, не имеющие однозначного ответа (с. 17). Беда, однако, в том, что в гуманитарных науках практически любой текст допускает бесконечное множество интерпретаций, и многие

из них не поддаются ни фальсификации, ни верификации, то есть не могут считаться научными. Обычно особенно важна авторская интерпретация текста, авторские намерения при его создании, однако не всегда их удастся выяснить. Кроме того, следует принимать во внимание и восприятие текста читателями, естественно, во многих случаях не совпадающее с авторским замыслом, но важное для оценки воздействия текста на общественное мнение.

Аймермахер полагает, «что все, именуемое нами культурой, ее сущностью, ее образом бытия, ее развитием и даже ее смыслом, — не более как гипотеза, опирающаяся на другие гипотезы, гипотеза, следующая из интерпретации суммированных данных о ее частях, подобно тому как смысл текста художественных произведений выводится из смыслообразующих связей многократных семантических трансформаций» (с. 21—22). Но из этого процесса, и историки знают это не хуже филологов или культурологов, невозможно извлечь субъективную составляющую. Каждый исследователь выбирает набор интерпретаций по своему вкусу, исходя из идеологии, политических задач, эстетических симпатий, личных предпочтений и т.п., вследствие чего в объяснении любого исторического или культурного явления (события) всегда конкурируют несколько теорий, и очень часто невозможно назвать ту или иную из них ни безусловно верной, ни очевидно ложной.

Автор так формулирует свое понимание изменений культуры: «Похоже, что уже давно достигнутый уровень культурного развития подлежит лишь сохранению. Нам остается поэтому не только постоянно работать над освоением достижений великих культур прошлого и того принципиально нового, что было прибавлено к ним в ходе истории, сохранять их живыми, но и анализировать и комбинировать их таким образом, чтобы в процессе исторического развития возникли действительно но-

вые ходы мысли и формы культуры» (с. 28). На наш взгляд, картина культурного развития является более сложной. Наряду с великими культурами прошлого, постоянно возникают и усложняются новые культуры, которые в той или иной степени также вбирают в себя наследие некоторых предшественников и параллельно существующих культур, актуализируя его. При этом новые культуры становятся более сложными, чем культуры прошлого. Этот процесс постоянно увеличивает объем культурной информации, вынуждая исследователей от создания общих культурных построений все больше переходить к изучению отдельных культур или даже только к изучению отдельных составляющих той или иной культуры. Общие же построения все более выводятся за границы собственно науки из-за невозможности охватить весь необходимый массив информации и применить к полученному результату критерии научности вследствие избирательного использования материала для построения теорий.

Очень интересной представляется мысль автора о том, что «теории (то есть системы, основанные на множестве гипотез) постоянно подвергаются мифологизации и даже могут порождать целые комплексы новых мифов», вследствие чего «на основании таких наблюдений можно даже утверждать, что эволюция и рецидивы так называемых ранних стадий развития связаны воедино, подобно рациональному и инстинктивному поведению, хотя считается, что вследствие культурного совершенствования в ходе развития человечества рациональный принцип все больше вытесняет инстинкты и все больше подчиняет их себе» (с. 30). Отметим, что мифологизация научного знания напрямую связана с переизбытком информации, вследствие чего все больше утверждений приходится прини-

мать в качестве постулатов, а постулаты — это как раз то, что легче всего мифологизируется.

В статье «Одновременность неодновременного. Немецкий взгляд на культурные взаимоотношения России и Германии в XX веке», включенной в рецензируемый сборник, Аймермахер отмечает, что, несмотря на две мировые войны, отношения России с Германией были более интенсивными, чем с другими странами, причем многочисленные личные связи, в пространстве которых особое значение приобретали философские, художественные и публицистические тексты, выставки, фильмы, концерты и другие «площадки» обмена представлениями двух народов друг о друге», оказывались гораздо более важными, чем официальные государственные контакты. Позитивным в истории германо-российских отношений он справедливо считает «фактор уважения к чужой культуре — в противовес негативно воспринимавшемуся насильственному приобщению к государственной идеологии» (с. 214—215).

В биографических заметках «От русского языка к диалогу с Россией», также включенных в рецензируемый сборник, автор вспоминает о первых послевоенных годах в Восточном Берлине: «Для публики в целом послевоенные взаимоотношения между немцами и союзниками были в принципе ненапряженными, хотя при окончании войны, во время взятия Берлина советскими войсками, большое число женщин стали жертвами насилия. Об этих моментах многие вспоминали с ужасом. Впрочем, зачастую речь шла и о ситуациях, в которых советские солдаты оказывали свою помощь. За любые нападки солдаты вскоре стали строго наказываться. На наше послевоенное восприятие поначалу сильно влияли негативные оценки советских солдат. По большей части они основывались на случаях, о которых

рассказывали наши родители. Фактически именно они на протяжении нескольких лет определяли наши воспоминания, хотя мы, дети, знали «русских» (для многих взрослых они были бывшими «противниками») скорее с их человеческой стороны (с. 223—224).

Здесь мы видим, что во взаимоотношениях победителей и побежденных было и черное, и белое, но в воспоминаниях молодого поколения скорее преобладало нечто позитивное, тогда как более старшее поколение еще долго не могло избавиться от военных травм. И, по свидетельству Аймермахера, «тот факт, что преобладающая часть граждан ГДР была оппозиционно настроена к собственному правительству и тем самым также к “русским”, с конца 40-х — начала 50-х гг. стал оказывать все большее воздействие и на наше отношение к Советскому Союзу. Поэтому в школах обязательный предмет “русский язык” не пользовался особой популярностью. Мотивации для его изучения не хватало» (с. 224). Автору же, наоборот, пришлось перебраться из Восточного Берлина в Западный и поступить в местный Свободный университет именно потому, что он хотел изучать русский язык, в чем ему было отказано в Гумбольдтовском университете, расположенном в Восточном Берлине. Аймермахер также подробно вспоминает день 13 августа 1961 г., когда была возведена «антифашистская защитная стена», как называла ее пропаганда Восточной Германии, между Восточным Берлином и ГДР в целом и Западным Берлином (с. 248—252).

Ставя вопрос о взаимоотношениях «советской системы» и «национальных государств в Восточной Европе», автор стремится понять, каким образом реализовались советские формы захвата и удержания власти с помощью институтов, которые в соответствии с их сталинистским характером следует определять как тоталитарные. При этом

понятие «советская система» относится к формам захвата и реализации власти, которые выработались с конца 1920-х гг. в социально-политической сфере, а также в области культуры в Советском Союзе и с которыми в той или иной форме, в большей или меньшей степени, столкнулись все восточноевропейские государства. Этот процесс вел к огосударствлению культуры (с. 124—125). Однако «восточноевропейские государства (включая ГДР) при упрочении политической власти не смогли инструментализировать культуру в той же степени, как это было сделано в Советском Союзе начиная с 30-х годов». Если в Восточной Германии власти в максимальной степени производили такую инструментализацию, то в Польше, Венгрии и Югославии наблюдалась явная либерализация культурной сферы (с. 128).

Аймермахер отмечает, что иной раз неофициальная культура стран Восточной Европы использовала образцы советского искусства, чтобы хотя бы частично легализовать соответствующие культурные явления в своих странах: например, сотрудники чешского журнала «Plamen» в середине 1960-х гг. публиковали произведения советского неконформистского искусства или раннего советского авангарда, пользуясь ими как своего рода троянским конем, чтобы с помощью этих, так сказать, «образцов советского искусства» (которые, правда, в Советском Союзе не были признаны) придать динамику своему собственному чешскому искусству (с. 130).

Касаясь партийного управления культурой, профессор Аймермахер очень точно определяет, что «руководство» партии в области культуры заключалось в выполнении функций надсмотрщика, поскольку партия не являлась интеллектуальным центром (с. 159). Анализируя антисталинский доклад Никиты Хрущёва XX съезду КПСС, автор приходит к выводу, что Хрущёв выступил с докладом не для обновления партии, государства и обще-

ства, а лишь для того, чтобы выдвинуть ряд односторонних обвинений в адрес И.В. Сталина. Откровенность была лишь кажущейся, а замалчивавшаяся информация по-прежнему значительно преобладала над теми фактами, о которых было разрешено узнать. Аймермахер объясняет это тем, что Хрущёв и многие его соратники в действительности были соучастниками сталинских преступлений, но совершенно не собирались признаваться в этом и каяться, тем более публично (с. 186). Также автор отмечает, что на съезде не упоминались преступления, совершенные до 1930-х гг., несмотря на то, что они, начиная со времен революции, регулярно находили отражение в западной публицистике, мемуарах и исследовательской литературе (с. 187).

Замалчивание этих преступлений вплоть до последних лет перестройки объяснялось тем, что их признание ставило под сомнение в глазах народа легитимность всего коммунистического правления как такового, равно как и лозунг «возвращения к ленинским нормам партийной жизни». В то же время, как подчеркивает автор, в послесталинские годы жестоко преследовались, в принципе, лишь те, кто открыто провоцировал аппарат власти, в чьих действиях беспощадным образом вскрывалось расхождение между видимостью и настоящим бытием (с. 204). По собственному признанию Аймермахера, он всю жизнь «задавался вопросом о том, какими художественными средствами мы располагаем, чтобы остановить круговорот преступления и наказания, войны и мира», и хотел, в том числе после карательных акций гитлеровского режима, разобраться в истоках преступлений независимо от места и времени их совершения. Казалось необходимым выяснить, не только как они трактуются с точки зрения исторической науки, но и как подобные экзистенциальные события интерпретируются художественными средствами литературы и изобразительного искусства (с. 244—245).

Аймермахер много сделал для популяризации в Германии творчества советского скульптора Вадима Сидура, с которым был лично знаком и с которым они вели открытый диалог о войне, искусстве и общественно-политических проблемах (с. 243). Это знакомство вызвало у автора не только желание самому заняться скульптурой и изучить творчество советских художников-нонконформистов, но и привело его к выводу о том, что и в закрытой советской культурно-политической системе благодаря инициативе отдельных новаторов возникала частично открытая система в области изобразительного искусства, которая вступала в прямую конкуренцию с доминировавшей в обществе и сохранявшейся вплоть до перестройки официальной художественной нормой (с. 235).

Нельзя не согласиться с общим выводом Аймермахера: «Ни одна диктаторская система не может своими силами обеспечить правозащиту. Иллюзорна также идея о возможности частичного восстановления справедливости. Общественные системы до определенной степени способны к внутренней эволюции и могут корректироваться и дифференцироваться в отдельных областях, однако такой процесс, как правило, длится очень долго и требует устойчивости господствующего в каждом конкретном случае аппарата власти. Как только структуры власти начинают вызывать сомнение, это неизбежно ведет к серьезным столкновениям, при которых не исключены жертвы» (с. 190—191).

Б.В. СОКОЛОВ

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **G.A. Grebenshchikova**. Russian-Turkish War of 1768—1774 and Catherine the Second's Mediterranean policy in Russian diplomats' reports. Historical profiles: **A.S. Buyanova**, **K.O. Valegina**. Teodor Jankovic de Mirijevo. Contributions: **A.V. Latyshev**. The activity of NKVD's filtration camps in 1942: the impact of material factors and department interests; **D.A. Bazhanov**. The formation of common assemblies as an institute of self-government for the sailors of the Baltic Fleet in June 1917; **A.A. Ivanov**, **A.E. Kotov**. Russian conservatives and immigration policy of the government (late XIX — early XX centuries); International scientific cooperation: **A.B. Mokeev**, **S.I. Podolsky**. The development of gas distribution system in Leningrad (the USSR) in the first post-war decades. For teacher of history: **I.S. Baklanova**. "The white authorities" in the South of Russia and agrarian question. Discussion issues: **G. Najaffi**. Preconditions for creating a state for Armenians on the land of Azerbaijan. Historical publicism: **A.A. Slezin**, **K.A. Yakimov**. Leaders' debunking in late 1930s: reaction of the Soviet youth; **A.V. Berlov**. Basics of agricultural development in Soviet Russia in the works of scientists and economists of Russian emigration of the 1920s-1930s. Peoples of Russia: **L.N. Lobchenko**. Contribution of special settlers in development of cooperative craft in 1930s-1940s. People. Events. Facts: **D.N. Shkarevsky**. Revolutionary military railway tribunals in the early 1920s.; **Z.F. Khasanova**. Chinese workers in years of World War I in Southern Ural; **A.B. Khramtsov**. Development of the local fiscal system in pre-revolution Siberia; **A. Sh. Magaramov**. The struggle of world powers for supremacy over the western "gates" of the Caspian Sea. Historiography: **R.A. Arslanov**, **E.V. Linkova**. Russian liberal K.D. Kavelin in modern Russian historiography. Reviews on books: *K. Eimermacher*. Views and understandings (by **B.V. Sokolov**).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 2, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.01.2019. Формат 70x1081/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 0013-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ОоО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АрЗи»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**